

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Филологический факультет
Междисциплинарная научно-образовательная школа
«Сохранение мирового культурно-исторического наследия»
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики

Малые языки в большой лингвистике

Выпуск 5

Minor languages in general linguistics

Issue 5

Москва
Буки Веди
2023

УДК 811
ББК 81.2/81.8
М20

Малые языки в большой лингвистике. Выпуск 5 / Ред. И. А. Хомченкова. М.: Буки Веди, 2023. 212 с. ISBN 978-5-4465-3997-0

Minor languages in general linguistics. Issue 5 / I. Khomchenkova (ed.). Moscow: Buki Vedi, 2023. 212 p. ISBN 978-5-4465-3997-0

Печатается по постановлению редакционно-издательского совета филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Рецензенты:

доктор филологических наук О. В. Федорова

доктор филологических наук Т. Б. Агранат

В сборник вошли статьи, написанные участниками пятой конференции «Малые языки в большой лингвистике», проведенной кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 28–29 апреля 2023 года. Сборник представляет интерес для самого широкого круга лингвистов, а также для антропологов и этнографов.

ISBN 978-5-4465-3997-0

9 785446 539970 >

© Авторы, 2023

Оглавление

От редактора	5
<i>Л. А. Баркова.</i> Хабитуальные употребления легкого глагола <i>кэл-</i> в якутском языке	6
<i>Д. Д. Белова, В. А. Орлов, А. П. Сербина.</i> Своя сестра причесала Нину: о связывании возвратных местоимений в татышлинском удмуртском	20
<i>М.-Э. А. Винклер.</i> Числовое согласование с количественными конструкциями в татышлинском говоре удмуртского языка	32
<i>Т. И. Давидюк, Ю. Б. Коряков.</i> Малые языки Южного Дагестана: опыт полевого исследования	47
<i>В. В. Дьячков.</i> Две стратегии образования <i>exceed</i> -компаративов в языке <i>натииоро</i>	59
<i>Е. В. Кашкин.</i> Глаголы падения и лексическая типология фасадности: данные удмуртского языка	71
<i>Э. К. Кожевникова.</i> Цветообозначения в татышлинском говоре удмуртского языка	82
<i>А. И. Крюкова.</i> Рекатегоризация форм множественного числа существительных в татышлинском удмуртском	94
<i>Ю. Н. Кузнецова.</i> Инвентарь болевых глаголов в татышлинском удмуртском	106
<i>Ю. В. Мазурова.</i> Дискурсивные слова в куллуи: корпусное исследование	121
<i>Т. А. Майсак.</i> Лексические «заместители» и «распространители» в рутульском языке: материалы к внутригенетической типологии	134

<i>Д. Д. Мордашова. Удмуртское причастие на -оно в зеркале типологии варьирующей модальной силы</i>	145
<i>П. О. Россяйкин. Безвершинные относительные клаузы в балкарском и кумыкском языках</i>	158
<i>Ю. В. Синицына. Глаголы позиции в осетинском языке . . .</i>	172
<i>И. А. Хомченкова Эксцептивные конструкции с послелогом йеддамæ в осетинском языке</i>	185
<i>V. Tiutiunnikova, D. Alekseev. “Neither to the Weak nor to the Strong Did I Do Wrong”: a Moraic Analysis of Gemination in Iron Ossetic</i>	199

От редактора

В сборник вошли статьи участников пятой конференции «Малые языки в большой лингвистике» (МЯБЛ-2023), организованной кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова 28–29 апреля 2023 года. В этот раз конференция была проведена в смешанном формате и базировалась в Институте языкознания РАН.

Языки, ставшие объектом исследования, представляют пять языковых семей: уральскую (удмуртский), тюркскую (балкарский, кумыкский, якутский), нахско-дагестанскую (рутульский, даргинский), индоевропейскую (джуури, митаги-джалганский, осетинский, куллуи) и гур (натиоро). Больше всего статей — семь — посвящено удмуртскому языку, три статьи обсуждают данные осетинского языка.

Проблематика статей также разнообразна: обсуждается фонология (В. О. Тютюнникова и Д. А. Алексеев), социолингвистика (Т. И. Давидюк и Ю. Б. Коряков), дискурс (Ю. В. Мазурова, Т. А. Майсак), лексическая семантика (Е. В. Кашкин, Э. К. Кожевникова, Ю. Н. Кузнецова, Ю. В. Синицына), морфосинтаксис (Д. Д. Белова и др., М.-Э. А. Винклер, В. В. Дьячков, П. О. Россяйкин, И. А. Хомченкова) и грамматическая семантика (Л. А. Баркова, А. И. Крюкова, Д. Д. Мордашова).

В сборнике представлен ценный исследовательский материал, который расширяет наши знания о значении малых языков в контексте современной лингвистики. Я надеюсь, что этот сборник станет ценным ресурсом для лингвистов, антропологов и всех, кто интересуется малыми языками, и благодарю всех авторов за их труд и ценный вклад.

И. А. Хомченкова

Хабитуальные употребления легкого глагола *кэл*- в якутском языке*

Любовь Алексеевна Баркова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

В статье рассматривается семантика одного из типов сложных глаголов, образованных с помощью легкого глагола *кэл*- 'приходить'. Сложные глаголы этого типа означают состояние, длящееся большое количество времени. Такое состояние может как представлять собой одно непрерывное событие, так и подразделяться на повторяющиеся события. В статье описаны ограничения на то, какие предикации могут модифицироваться легким глаголом *кэл*-, а также на то, какие временные рамки могут быть у состояния, названного сложным глаголом.

Habitual uses of the light verb *kel*- in Sakha

Liubov A. Barkova

HSE University

The paper examines the semantics of one of the types of the complex verbs, formed with the light verb *kel*- 'come'. The complex verbs of this type denote a state, which lasts for a long period. Such state can either consist of one uninterrupted event or be divided into repetitive subevents. The paper describes the restrictions on the type of predications that can be modified by the light verb *kel*- and of the temporal boundaries of the state denoted by this light verb.

*Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

1 Введение

1.1 Два значения легкого глагола *кэл-*

В якутском языке, как и в других тюркских языках, распространены легкие глаголы, то есть глаголы, которые модифицируют структуру события, названного лексическим глаголом. Легкий и лексический глаголы образуют одну клаузу, при этом легкий является финитным, а лексический стоит в нефинитной форме (Butt 2003: 3). Один из таких глаголов — *кэл-* (лексическое значение — ‘приходить’). Его семантика ранее описывалась в работах Л. Н. Харитоновой и Е. И. Убрятовой (Харитонов 1960: 89–90; Убрятова 1982: 405), где говорилось, что он означает «неожиданное возникновение» какого-либо состояния, см. (1), а также (2).

- (1) *ман-нык атаҕастабыл-ы тулуй-бакка*
 PROX-ADJ обида-ACC терпеть-PTCP.NEG.PST
кыһыһыр-ан кэл-л-э.
 сердиться-CVB.SEQ приходить-PST-3
 ‘Не стерпев такой обиды, он вспылал гневом.’
 (Харитонов 1960: 90)
- (2) *Смартфон эмискэ сыһый-ан кэл-л-э.*
 смартфон вдруг нагреться-CVB.SEQ приходить-PST-3
 (Человек случайно скачал на смартфон вирус.) ‘Вдруг смартфон нагрелся.’

Однако возможны употребления легкого глагола *кэл-*, при которых сложный глагол означает либо то, что в течении какого-то времени действие повторяется с определенной периодичностью (3), либо то, что состояние длится определенное количество времени (4). Именно этим употреблениям, которые для якутского языка ранее не были описаны¹, и посвящена данная статья.

- (3) *Сардаана рэп ырыа-ны икки сыл ист-эн*
 Сардана рэп песня-ACC два год слушать-CVB.SEQ
кэл-л-э.
 приходить-PST-3
 ‘Сардана два года слушает рэп.’

¹Похожее значение у *кэл-* есть в тувинском языке: там он означает «длительное действие, продолжающееся вплоть до настоящего времени» (Исхаков, Пальмбах 1961: 413)

- (4) *бу дьиз-бэ уон сыл маҕаһыын үлэлээ-н*
 PROX дом-DAT десять год магазин работать-CVB.SEQ
кэл-л-э.
 приходиться-РСТ-3

‘В этом доме десять лет работает магазин.’

Материал был собран методом элицитации в селе Кентик в 2022 г. и в селе Хатырык в 2023 г. Различий в грамматике как между идиомами, на которых говорят в этих селах, так и у этих идиомов и литературного языка не было обнаружено. Суждения носителей из этих сел с точки зрения допустимости легкого глагола *кэл-* в тех или иных клаузах тоже совпадают. В ходе элицитации была проверена сочетаемость *кэл-* с 40 глаголами, которые различаются набором акциональных значений, переходностью, одушевленностью возможных S/A-участников (т.е. либо единственного участника ситуации, названной непереходным глаголом, либо наиболее агентивного участника ситуации, названной переходным глаголом) и контролируемостью действия, которое они называют.

Акциональность глаголов анализировалась в рамках подхода С. Г. Татевосова (Татевосов 2016); данные об акциональности глаголов собраны в ходе полевой работы.

1.2 Акциональность

Согласно (Татевосов 2016), акциональных значений существует пять — процесс, состояние, вхождение в процесс, вхождение в состояние, мультипликативный процесс.

Процессы и состояния различаются по критерию истинности в точке. Для того, чтобы понять, что состояние имеет место, достаточно одно мгновение ситуации такого типа. Для того, чтобы понять, что процесс имеет место, нужно оценить как минимум два таких мгновения (Taylor 1977), ср. *стоять* и *двигаться*: во втором случае нужно сравнить два положения субъекта в пространстве, в первом случае достаточно одного.

Мультипликативный процесс — это процесс, подразделимый до некоторых идентичных атомарных частей; при этом существует языковая единица, называющая одну из таких частей и связанная морфологически с единицей, называющей сам процесс (например, *кашлять*, *лягать*).

Процесс и состояние — кумулятивные акциональные значения (5a), т.е. такие, что если предикат может называть два подсобытия, то он называет и событие, которое является суммой этих подсобытий. Вхождение в процесс и вхождение в состояние — квантованные акциональные значения (5b), т.е. такие, что если предикат называет событие, то тот же предикат не может называть какую-то часть этого события, см. (Krifka 1992, 1998).

- (5) а. Даут объяснял (одну и ту же) задачу мальчику в два часа и в три часа.
 б. Даут объяснил (*одну и ту же) задачу мальчику в два часа и в три часа. (Татевосов 2016: 65)

Кумулятивность и квантованность — это свойства, различающие предельные и непредельные предикаты: кумулятивные предикаты непредельны, а квантованные — предельны.

1.3 Некоторые времена якутского языка

В якутском языке в изъявительном наклонении различаются настоящее, будущее и несколько прошедших времен (Убрятова 1982; Ebata 2011). В этой статье будут анализироваться примеры в настоящем и двух прошедших временах: в недавнопрошедшем и преждепрошедшем повествовательном временах (в терминологии Убрятова 1982: 308–310).

Настоящее время не может означать события, завершившиеся в прошлом (б) (кроме случаев использования в нарративах в качестве настоящего исторического).

- (б) *ообуй ообуй ситим-энэн өрө тахс-ар.*
 паук паук веревка-РХ.INS вверх подниматься-PRS
 ‘Паук поднимается по паутине.’
 *‘Паук поднялся / поднимался по паутине.’

Если в недавнопрошедшем времени стоит глагол, означающий вхождение в процесс или состояние, то вся клауза описывает события, которые совершились недавно (Бажуков, Симонова 2022: 3). Однако если в этом времени стоит глагол, означающий процесс или состояние, то клауза может относиться как к событию, завершившемуся в пределах нескольких дней от момента речи, так и к не завершившемуся событию (7).

- (7) *уол абыс чаас утуй-д-а.*
мальчик восемь час спать-PST-3

‘Мальчик спал восемь часов [и проснулся].’

‘Мальчик спит восемь часов [и продолжает спать].’

Преждепрошедшее повествовательное время обозначает события, произошедшие в прошлом вне зависимости от давности (Бажуков, Симонова 2022: 3) и завершившиеся к настоящему моменту вне зависимости от того, какое акциональное значение у стоящего в этом времени глагола (8).

- (8) *уол абыс чаас утуй-бут-а.*
мальчик восемь час спать-PTCP.PST-3

‘Мальчик спал восемь часов [и проснулся].’

*‘Мальчик спал восемь часов [и продолжает спать].’

2 Нехабитуальные vs привычные употребления *кэл-*

В этой статье не будет специально рассматриваться семантика легкого глагола *кэл-* в его нехобитуральном значении; однако будут описаны некоторые особенности таких употреблений, которые позволяют провести различия между ними и привычными употреблениями.

Одно из таких различий — это акциональная интерпретация сложного глагола, который возникает при модификации лексического глагола легким глаголом *кэл-*.

В значении неожиданного возникновения состояния легкий глагол *кэл-* может указывать как на входение в процесс (9), так и на входение в состояние (10).

- (9) *тыалыр-ан кэл-л-э.*
дуть(о_ветре)-CVB.SEQ приходить-PST-3

‘Ветер начал дуть.’

- (10) *биэс мүнүүтэ-нэн халлаан сырда-ан кэл-л-э.*
пять минута-INS небо светать-CVB.SEQ приходить-PST-3

‘Посветлело за пять минут.’

Сложные глаголы с *кэл-* в этом значении всегда предельные, поэтому они сочетаются с обстоятельствами срока (10), но не с обстоятельствами длительности (11). (Согласно (Vendler 1967), эта диагностики позволяет различить предельные и непредельные предикаты.)

- (11) **биэс мүнүүтэ халлаан сырда-ан кэл-л-э.*
 пять минута небо светать-CV.V.SEQ приходить-PST-3
 Ожидаемое значение: ‘Светлело пять минут.’

Сложные глаголы, образованные с помощью *кэл-* в его хабитуальном значении, могут иметь только непредельную интерпретацию. Они хорошо сочетаются с обстоятельствами длительности, но не сочетаются с обстоятельствами срока:

- (12) *Сардаана Уйгун-у сүүрбэччи сыл / *сыл-нан*
 Сардана Уйгун-ACC двадцать год год-INS
бил-эн кэл-л-э.
 знать-CV.V.SEQ приходить-PST-3
 ‘Сардана знает Уйгуна двадцать лет / *узнала Уйгуна за двадцать лет.’

Кроме того, у глагола *кэл-* при нехабитуальных употреблениях есть некоторые селективные ограничения, которых нет при хабитуальных. Например, *кэл-* в нехабитуальном значении не может модифицировать клаузы, субъект которых одушевленный, а предикат не означает ментальное состояние² (13). В стативном значении у этого глагола появляется такая возможность (14).

- (13) #*аба-м Хатырык-ка олоро-н кэл-л-э.*
 отец-1SG Хатырык-DAT жить-CV.V.SEQ приходить-PST-3
 *‘Мой отец поселился в Хатырыке.’

²Например, *кэл-* в нехабитуальном значении не сочетается с глаголами *альдат* ‘ломать’, *аах* ‘читать’, *көр* ‘видеть’, *обут* ‘падать’, *олор* ‘сидеть’, *бул* ‘найти’, *сөтөллөн* ‘кашлять’, но сочетается с глаголами *өйдөө* ‘понять / вспомнить’, *өйдөн* ‘очнуться’, *кыйыһыр* ‘сердиться’, *уоскуй* ‘успокаиваться’. Есть некоторые идиомы (например, *туран кэл* ‘вставать’), которые являются исключениями из этого распределения. При этом глаголы, которые не могут сочетаться с легким глаголом *кэл-*, если их участник одушевленный, могут сочетаться с ним после деривации (например, *медия*), которая поднимает R-участника в позицию субъекта. То, какие факторы (классы глаголов, их модификация наречиями и т. д.) влияют на сочетаемость глаголов с неодушевленным A-участником с глаголом *кэл-*, требует дальнейшего исследования.

- (14) *аҗа-м Хатырык-ка (уон сьл) олоро-н*
 отец-1SG Хатырык-DAT десять год жить-CVB.SEQ
кэл-л-э.
 прийти-PST-3
 ‘Мой отец живет в Хатырыке (десять лет).’

3 Семантика сложных глаголов с *кэл-* в хабитуальном значении

3.1 Доступные аспектуальные значения

Легкий глагол *кэл-* не может возникать в контекстах, описывающих ситуацию-процесс, совершаемую агентивным субъектом, где топиальное время входит во время ситуации (15)–(16). Возможность употребляться в таких контекстах характерна для реализаций сравнительного концепта прогрессива (Dahl 1985: 92), поэтому *кэл-* не может быть показателем прогрессива.

- (15) **билигин Уйгун кинигэ ааҗ-ан кэл-эр /*
 сейчас Уйгун книга читать-CVB.SEQ прийти-PRS
кэл-л-э.
 прийти-PST-3
 Ожидаемое значение: ‘Сейчас Уйгун читает книгу.’

- (16) **мин кишр-бип-пэр Тыгын музыка*
 я войти-PTCP.PST-PX.DAT Тыгын музыка
ист-эн кэл-л-э.
 слушать-CVB.SEQ прийти-PST-3
 Ожидаемое значение: ‘Когда я вошел, Тыгын слушал музыку.’

Этот легкий глагол не может возникать в итеративных контекстах, где ситуация повторяется при определенном условии, если это условие выражается подчиненной клаузой (17). Согласно (Bertinetto 1994), такие контексты — один из типов хабитуальных контекстов.

- (17) **оҕо ийэ-тэ ыллаа-р-ын иһит-т-э да*
 ребенок мама-3 петь-PTCP.PRS-PX.ACC слушать-PST-3 ADD
утуй-ан кэл-л-э / кэл-эр.
 спать-CVB.SEQ приходить-PST-3 приходить-PRS

Ожидаемое значение: ‘Когда ребенок слышит пение мамы, он засыпает.’

При этом предложения с *кэл-* могут называть ситуацию, возникающую неограниченное количество раз. В таких случаях условие возникновения ситуации в зафиксированных нами примерах названо не отдельной клаузой, а группой в той же клаузе, что и сложный глагол (18).

- (18) *Тыгын ахсаан уруоҕар наар утуй-ан*
 Тыгын счет урок.PX.DAT всегда спать-CVB.SEQ
кэл-л-э.
 приходить-PST-3

‘На уроках математики Тыгын всегда засыпает.’

3.2 Временные ограничения ситуаций

Сложные глаголы, образованные с помощью глагола *кэл-*, не могут стоять в настоящем времени (19). Если эти сложные глаголы означают состояния, которые продолжаются в момент речи, то они стоят в недавнопрошедшем времени. Некоторые носители разрешают употребление сложных глаголов в недавнопрошедшем времени в предложениях, означающих состояния, переставшие иметь место в момент речи (20).

- (19) **Туйаара куорак-ка олор-он кэл-эр.*
 Туйара город-DAT жить-CVB.SEQ приходить-PRS

Ожидаемое значение: ‘Туйара живет в городе.’

- (20) *аҕа-м Хатырык-ка уон сьл олоро-н*
 отец-1SG Хатырык-DAT десять год жить-CVB.SEQ
кэл-л-э.
 приходить-PST-3

‘Мой отец живет в Хатырыке десять лет [и продолжает].’

?’Мой отец жил в Хатырыке десять лет [и уехал].’

Большинство носителей считают неприемлемыми предложения, где *кэл-* употребляется в преждепрошедшем повествовательном времени (21). Таким образом, состояние, которое называют сложные глаголы, должно быть актуально во время, близкое к моменту речи — для хабитуалиса это нетривиальное свойство.

- (21) [?] *аба-м Хатырык-ка биэс сьл олоро-н*
отец-1SG Хатырык-DAT пять год жить-CVB.SEQ
кэл-бит-э.
приходить-PTCP.PST-3

‘Мой отец жил в Хатырыке пять лет [и уехал].’

Если же отрезок времени, для которого верно, что состояние имело место, не назван, то для некоторых носителей более естественна интерпретация, согласно которой названное лексическим глаголом вхождение в состояние обычно имеет место, но в описываемой ситуации не наступило / наступило позже (22).

- (22) *өрүс этинньи-гэ тур-ан кэл-л-э.*
река ноябрь-DAT стоять-CVB.SEQ приходить-PTCP-3
[?]‘Река замерзает (на ней застывает лед) в ноябре.’
‘Река замерзает в ноябре [но в этом году замерзла позже].’

Поэтому легкий глагол *кэл-* может модифицировать состояния индивидуального уровня только в том случае, если итоговый сложный глагол может означать долгое, но временное состояние (как в (22)). Если это прагматически недопустимо, то модификация предикатов легким глаголом *кэл-* невозможна (23).

- (23) **Айсен уһун уол буол-ан кэл-л-э.*
Айсен высокий мальчик быть-CVB.SEQ приходить-PTCP-3
Ожидаемое значение: ‘Айсен — высокий мальчик.’³

Однако временной промежуток, который охватывает действие, названное сложным глаголом, может быть не любой длины. Легкий глагол *кэл-* не может модифицировать клаузы, описывающие состояние, которое заняло промежуток времени, воспринимаемый прагматически как недлительный вне зависимости от того, состоит ли такое состояние из повторяющихся событий (24) или соответствует одному непрерывному событию (25).

³ Легкий глагол *кэл-* может модифицировать неглагольные предикации, поэтому запрет примера (23) связан не с типом предикации.

(24) *кыыс икки нэдиэлэ сөтөллө-н кэл-л-э.
 девочка две недели кашлять-CVB.SEQ приходит-РСТ-3
 Ожидаемое значение: ‘Девочка кашляет две недели.’

(25) *алта күн ардаа-н кэл-л-э.
 шесть день идти(о_дожде)-CVB.SEQ приходит-РСТ-3
 Ожидаемое значение: ‘Шесть дней идет дождь.’

При этом глаголы, которые модифицирует легкий глагол *кэл-* в примерах (24)–(25), могут сочетаться с этим легким глаголом, если клаузу модифицирует другое наречие времени (26), (27).

(26) кини кэнники хас да сьл сөтөллө-н
 он последний сколько ADD год кашлять-CVB.SEQ
 кэл-л-э.
 приходит-РСТ-3

‘[Человек хронически болен.] Последние несколько лет он кашляет.’

(27) икки ый ардаа-н кэл-л-э.
 два месяц идти(о_дожде)-CVB.SEQ приходит-РСТ-3
 ‘Идет дождь / дождь шел недавно.’
 ‘Два месяца идут дожди’

4 Селективные ограничения *кэл-* в хабитуальном значении

На допустимость легкого глагола *кэл-* не влияют никакие свойства S/A-участника — ни его одушевленность, ни то, может ли он контролировать ситуацию: в (28) и (29) он одушевленный, а в (22) — нет; в (28) ситуация контролируемая, а в (29) и (22) — неконтролируемая.

(28) Күннэй ый аайы сана кинигэ ааҕ-ан
 Кюннэй месяц каждый новый книга читать-CVB.SEQ
 кэл-л-э.
 приходит-РСТ-3

‘Каждый месяц Кюннэй прочитывает новую книгу.’

- (29) *Тыгын ахсаан уруогар наар утуй-ан*
 Тыгын счет урок.РХ.ДАТ всегда спать-CVB.SEQ
кэл-л-э.
 приходиться-PST-3

‘На уроках математики Тыгын всегда засыпает.’

Однако у *кэл-* в хабитуальном значении есть селективные ограничения, связанные с тем, какие ситуации могут описывать клаузы с ним. Значимый параметр, который влияет на допустимость *кэл-*, — это акциональное значение пропозиции, находящейся в сфере действия легкого глагола.

Пропозиции, акциональное значение которых неопредельно, допускают модификацию легким глаголом *кэл-* вне зависимости от того, процессы это (как в (30) = (3)) или состояния (как в (31)). Мультипликативные процессы тоже допускают модификацию легким глаголом *кэл-* (26).

- (30) *Сардаана рэп ырыа-ны икки съл ист-эн*
 Сардана рэп песня-ACC два год слушать-CVB.SEQ
кэл-л-э.
 приходиться-PST-3

‘Сардана два года слушает рэп.’

- (31) *Сардаана Уйгун-у обо эрдэштэн бил-эн*
 Сардана Уйгун-ACC ребенок с знать-CVB.SEQ
кэл-л-э.
 приходиться-PST-3

‘Сардана знает Уйгуна с детства.’

У пропозиций, акциональное значение которых предельно, допустимость модификации легким глаголом *кэл-* устроена менее гомогенно. Вхождения в процессы не допускают модификации глаголом *кэл-* всегда, вне зависимости от того, насколько процесс контролируем (32)–(33).

- (32) **Күннэй куруутун эрдэ сүүр-эн* *кэл-л-э.*
 Кюннэй постоянно рано бежать-CVB.SEQ приходиться-PST-3

Ожидаемое значение: ‘[На физкультуре школьники должны начинают бежать после сигнала.] Кюннэй всегда начинают бежать слишком рано.’

- (33) **хаар мэлдьи муус уст-ар-тан уулл-ан*
 снег всегда лед плавать-PTCP.PRS-ABL таять-CVB.SEQ
кэл-л-э.
 приходиться-PT-3

Ожидаемое значение: ‘Снег начинает таять в апреле.’

Что касается вхождений в состояния, то большинство носителей допускает модификацию таких пропозиций легким глаголом *кэл-* (28)–(29). Однако некоторые носители не допускают модификацию глаголом *кэл-* некоторых пропозиций-вхождений в состояния, субъект которых является одушевленным (34).

- (34) ?*Уйгун хас сарсыардаа аайы коофе иһ-эн*
 Уйгун сколько утро каждый кофе пить-CVB.SEQ
кэл-л-лэ.
 приходиться-PT-3

‘Каждое утро Уйгун выпивает [чашку] кофе.’

Важно отметить, что описанные выше ограничения связаны именно с акциональным значением пропозиции; они не зависят от того, какая акциональная интерпретация доступна тому или иному глаголу.

Согласно (Татевосов 2016), акциональные интерпретации глагола в наиболее перфективном прошедшем и имперфективном настоящем времени не зависят друг от друга и могут различаться в разных языках. Рассмотрим два якутских предиката, которые называют одинаковую ситуацию — то, что идет дождь — и различаются только набором акциональных интерпретаций. Глагол *ардаа-* ‘идти (о дожде)’ в недавнопрошедшем времени означает процесс, но не вхождение в процесс (35), а глагол *түс-* ‘падать’ — вхождение в процесс, но не процесс (36). При этом в настоящем времени оба глагола могут означать процесс (37)

- (35) *ардаа-т-а.*
 идти(о_дожде)-PT-3
 ‘Идет дождь / дождь шел недавно.’
 *‘Дождь пошел.’

- (36) *ардах түс-т-э.*
 дождь падать-PT-3
 ‘Дождь пошел.’
 *‘Идет дождь / дождь шел недавно.’

- (37) *ардаа-р* / *ардах түһ-эр.*
идти(о_дожде)-PRS дождь падать-PRS
'Идет дождь.'

Интерпретация процесса доступна обоим глаголам, однако в недавнопрошедшем времени она возникает только у глагола *ардаа-*. Несмотря на это, оба глагола могут быть модифицированы легким глаголом *кэл-*, который стоит в недавнопрошедшем времени (38) = (27), (39).

- (38) *икки ый ардаа-н кэл-л-э.*
два месяц идти(о_дожде)-CVB.SEQ приходиться-PRST-3
'Идет дождь / дождь шел недавно.'
'Два месяца идут дожди.'

- (39) *икки ый ардах түһ-эн кэл-л-э.*
два месяц дождь падать-CVB.SEQ приходиться-PRST-3
'Два месяца идут дожди.'

Таким образом, именно акциональная интерпретация пропозиции, а не набор доступных в определенном времени интерпретаций лексического глагола, влияют на то, может ли предикат модифицироваться легким глаголом *кэл-*.

5 Заключение

В статье описана семантика хабитуальных сложных глаголов, образованных с помощью легкого глагола *кэл-*, и селективные ограничения этого легкого глагола.

Сложные глаголы, образованные с помощью легкого глагола *кэл-*, означают состояния, длящиеся достаточно большое количество времени и либо продолжающиеся в настоящий момент, либо завершившиеся недавно. Они могут как состоять из одного непрерывного события (обычно — тоже состояния), так и подразделяться на повторяющиеся события. Эти повторяющиеся события могут быть как процессами, так и вхождениями в состояния, но не вхождениями в процесс.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ADJ — адъективатор; CVB — конверб; DAT — датив; INS — инструменталис; PL — множественное число; NEG — отрицание; PROX — местоимение ближнего дейксиса; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PX — посессивная серия падежных аффиксов; SEQ — конверб следования; SG — единственное число.

Литература

- Бажуков М. О., Симонова Т. В. (2022). *Прошедшие времена в якутском*. Экспедиционный хэндаут.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. (1961). *Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология*. М.: Издательство восточной литературы.
- Татевосов С. Г. (2016). *Глагольные классы и типология акциональности*. М.: ЯСК.
- Убрятова Е. И. (1982). *Грамматика современного якутского литературного языка*. М.: Наука.
- Харитонов Л. Н. (1960). *Формы глагольного вида в якутском языке*. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР.
- Bertinetto P. (1994). "Statives, progressives and habituais: Analogies and divergences". *Linguistics* 32. 391–423.
- Butt M. (2003). "The Light Verb Jungle". *Harvard Working Papers in Linguistics* 9. 1–49.
- Dahl Ö. (1985). *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.
- Ebata F. (2011). *Sakha (Yakut)*. Tokyo: Research Institute for Languages, Cultures of Asia, and Africa (ILCAA), Tokyo University of Foreign Studies.
- Krifka M. (1992). "Thematic Relations as Links between Nominal Reference and Temporal Constitution". *Lexical matters* 24. 29–53.
- (1998). "The origins of telicity". *Events and grammar*. Ed. by S. Rothstein. Dordrecht: Springer Netherlands. 197–235.
- Taylor B. (1977). "Tense and continuity". *Linguistics and philosophy* 1. 199–220.
- Vendler Z. (1967). *Linguistics in Philosophy*. Ithaca/New York: Cornell University Press.

Своя сестра причесала Нину: о связывании возвратных местоимений в татышлинском удмуртском

Дарья Дмитриевна Белова
МГУ имени М. В. Ломоносова; НИУ ВШЭ

Владислав Андреевич Орлов
Институт языкознания РАН

Анна Павловна Сербина
МГУ имени М. В. Ломоносова

В статье обсуждаются нарушения принципов теории связывания возвратными местоимениями в татышлинском удмуртском. Нарушения объясняются, во-первых, полисемией возвратных местоимений, которые могут употребляться как интенсификаторы, а во-вторых, наличием посессивных суффиксов, связывающих, как мы предполагаем, возвратное местоимение, принципы коиндексации которых регулируются более свободными правилами.

The sister of herself combed Nina's hair: Binding of reflexive pronouns in Tatyshly Udmurt

Daria D. Belova
Lomonosov MSU; HSE University

Vladislav A. Orlov
Institute of Linguistics RAS

Anna P. Serbina
Lomonosov MSU

The paper deals with apparent violations of the Binding Theory by reflexive pronouns in Tatyshly Udmurt. These violations are explained, first, by the polysemy of reflexive pronouns, which can also be used as intensifiers, and, second, by the presence of possessive suffixes, which are co-indexed with their antecedent by much looser rules, and which can, as we assume, bind the reflexive pronoun.

1 Введение

В статье рассматривается система возвратных местоимений в татышлинском говоре удмуртского языка (пермские < финно-угорские). Татышлинский удмуртский распространен в Республике Башкортостан и Пермском крае. Длительные тесные контакты с окружающими тюркскими идиомами привели к тому, что он на всех уровнях заметно отличается от литературного удмуртского языка. В первом приближении говор описан в работе (Baidoullina 2003), однако принципы функционирования возвратных местоимений в нем подробно не изучались. Существует подробное исследование их особенностей в бесермянском говоре удмуртского (Volkova 2014: 111–128), выводы которого учитывались и в настоящей работе.

Наш материал собран методом анкетирования носителей в Татышлинском районе респ. Башкортостан в ходе экспедиций 2022–2023 гг. Также привлекался корпус текстов¹ (27 тыс. словоупотреблений на момент подготовки статьи).

Теория связывания (Binding theory, см. Chomsky 1981 и др.) является одной из наиболее разработанных и известных моделей, описывающих дистрибуцию возвратных и реципрокальных местоимений, которые в рамках этой модели чаще называются анафорами. Теория предсказывает их дополнительную дистрибуцию с личными местоимениями (прономиналами), основываясь на том факте, что антецедент анафоров в общем случае находится с ними в одной клаузе и имеет над ними структурный приоритет, тогда как для прономиналов верно обратное. Это наблюдение обобщено в (Chomsky 1981) в виде трех принципов:

(1) Принцип А: Анафор должен быть связан в своей локальной области.

Принцип В: Прономинал должен быть свободен в своей локальной области.

Принцип С: Референциальное выражение должно быть свободным.

Локальной областью называется часть структуры, содержащая связываемое выражение и антецедент. О размере локальной области в рассматриваемом идиоме см. раздел 2.

¹<http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>

Таким образом, эмпирические предсказания теории связывания можно сформулировать следующим образом:

1. У анафора должен быть антецедент;
2. Антецедент должен си-командовать анафором;
3. Это отношение ограничено локальной областью (размер которой варьируется для различных единиц, но, как правило, ограничен клаузой);
4. Анафоры должны находиться в дополнительной дистрибуции с прономиналами.

Нарушения этих принципов обсуждаются в разделах 3–5.

2 Система возвратных местоимений в татышлинском удмуртском

Систему возвратных местоимений в татышлинском удмуртском можно разделить на два неравных класса. В первый класс входит усеченная форма *as*, дистрибуция которой ограничена позициями комплемента послелого (2) и модификатора ИГ (3):

- (2) *maša_j pet'a-jez_k as_{j/*k} dor-is't-âz a'ž'-i-z.*
 Маша Петя-ACC REFL около-EL-POSS.3SG видеть-PST-3SG
 'Маша_j увидела Петю_k у себя_{j/*k} (дома).'

- (3) *so_i ž'arat-e as_i strana-ze.*
 тот любить-PRS.3SG REFL страна-ACC.POSS.3SG
 'Он_i любит свою_i страну.'

Гораздо более разветвленную систему образуют возвратные местоимения, маркированные посессивным показателем, типа *ač'-iz* 'REFL-POSS.3SG', которые образуют полную парадигму падежно-числовых форм. В этом отношении татышлинская система отличается от бесермянской, где рефлексивный показатель практически во всех косвенных падежах имеет основу *as-* / *as'*, и близка к литературной, где больше клеток парадигмы занимает основа *ač'* (Тепляшина 1970: 187–188); подробнее о системе в литературном удмуртском см. (Перевозищikov и др. 1962: 172–175). В таблице 1 приведена часть парадигмы для структурных падежей с посессивным показателем 3-го лица (см. также Baidoullina 2003: 73–74).

Падеж	Единственное число	Множественное число
Номинатив	ač'iz	äs'sijos
Генитив	aslaz	äs'selen
Второй генитив	asles'têz	äs'seles'
Аккузатив	asse	as'se / äs'sezêz
Датив	aslêz	äs'selê

Таблица 1: Частичная парадигма маркированных возвратных местоимений

Указанные классы ведут себя по-разному с точки зрения связывания. По нашим данным, усеченная форма *as* может быть связана только ИГ в позиции субъекта (см. также (15)):

- (4) *anaj-ez_j nâlpî-jos-âz-lê_k as_{j/*k} s'aris'*
 мать-POSS.3SG ребенок-PL-POSS.3SG-DAT REFL о
vera-Ø-z.
 рассказывать-PST-3SG
 'Мама_j рассказала детям_k о себе_{j/*k}.'

Для маркированных возвратных местоимений позиция антецедента не ограничивается субъектной. Так, в (5) антецедентом является прямое дополнение, в (6) — непрямое, что видно по показателю 3PL на местоимении. Также для этих форм отмечаются случаи, когда коиндексация происходит в нарушение принципов теории связывания, что будет обсуждаться в разделе 3.

- (5) *pî_j as-laz_{#j/k} kuz'o-jez-lê*
 мальчик REFL-GEN.POSS.3SG хозяин-POSS.3SG-DAT
kn'iga-ze_k berâkt-i-z.
 книга-ACC.POSS.3SG возвращать-PST-3SG
 'Мальчик_j вернул книгу_k её_k / #своему_j хозяину.'

- (6) *anaj-ez_k nâlpî-jos-âz-lê_j as'se_j s'aris'*
 мать-POSS.3SG ребенок-PL-POSS.3SG-DAT REFL-POSS.3PL о
vera-Ø-z.
 рассказывать-PST-3SG
 'Мама_k рассказала детям_j о них_j.'

Перейдем к определению локальной области в идиоме. Наши данные показывают, что по крайней мере в большинстве идио-

лектов возвратное местоимение не может связываться за пределами финитной клаузы (7). Также локальную область образует нефинитная клауза, возглавляемая номинализованной глагольной формой. Это показано в (8), где единственным доступным антецедентом является субъект нефинитной клаузы, что отражается в выборе посессивного показателя на местоимении.

- (7) *pet'a_j vera-∅-z anaj-ez_k as-se_{k/*j}*
 Петя говорить-PST-3SG мать-POSS.3SG REFL-ACC.POSS.3SG
sireda-∅-z šü-sa.
 рисовать-PST-3SG говорить-CVB
 'Петя_j рассказал, что мама_k нарисовала себя_{k/*j}.'

- (8) *l'ena_j tod-i-z anaj-ataj-jos-âz-les'_k*
 Лена знать-PST-3SG мать-отец-PL-POSS.3SG-GEN2
*äs'se-lâ_k / *as-lâ-z_j korka*
 REFL-POSS.3PL-DAT REFL-DAT-POSS.3SG дом
bas't-em-zes.
 брать-NMLZ-ACC.POSS.3PL
 'Лена_j знает, что её родители_k построили дом себе_{k/*j}.'

3 Случаи нарушения теории связывания

Возвратные местоимения могут связываться в нарушение некоторых принципов теории связывания.

Во-первых, возможно их употребление без антецедента:

- (9) *as'mi-jos ufa stad'ion-e mân-is'ko-m*
 REFL-POSS.1PL-PL Уфа стадион-ILL идти-PRS-1PL
 'Мы едем на уфимский стадион.'
- (10) *äs'si-jos nü-o-zâ in'i šü-∅*
 REFL-POSS.3PL-PL нести-FUT-3PL уже сказать-IMP
u²-ua.
 NEG.PRS.3-INTER
 'Сами [другие родственники] отвезут уж.'

(Корпус: «Диалог»)

Во-вторых, для связывания возвратного местоимения необязательно си-командование:

- (11) *as-laz_i* *apaj-ez* *n'ina-jez_i* *s̄na-∅-z*.
 REFL-GEN.POSS.3SG сестра-POSS.3SG Нина-ACC расчесать-PST-3SG
 'Нину_i расчесала ее_i (букв. 'своя') сестра.'

Маркированные возвратные местоимения также допускают коиндексацию с расщепленным антецедентом, под которым подразумевается антецедент, чей денотат определяется (минимум) по двум ИГ (Volkova 2014: 25). Это явление отражено в интерпретации (12а). Заметим, что для маркированного возвратного местоимения 3PL также допустима коиндексация с ИГ в единственном числе, с которой ассоциируется некоторое контекстуально заданное множество (12б), (12в).

- (12) *anaj-ez* *n̄l-jos-̄z-l̄* *ās'-se* *s'aris' /*
 мать-POSS.3SG девочка-PL-POSS.3SG-DAT REFL-POSS.3PL о
s'aris't-̄z̄ *vera-∅-z*.
 о-POSS.3PL рассказывать-PST-3PL
 а. 'Мать рассказала дочерям о себе и них.'
 б. 'Мать рассказала дочерям о себе и своей новой семье.'
 в. 'Мать рассказала дочерям о них и ещё ком-то.'

Большинство из приведенных здесь примеров относятся возвратным местоимениям в позиции модификатора ИГ. Из-за этого можно предположить, что обсуждаемые особенности могут быть связаны именно с этим, тем более, что для возвратных притяжательных местоимений характерен ряд свойств, наблюдаемых и в татышлинском удмуртском (нарушение принципа А, семантика интенсификации, см. обсуждение на материале русского языка в (Zubkov 2018)). Об этом же могут свидетельствовать сравнение примеров (7)–(8), где местоимение связывается в локальной области со случаями, где местоимение и антецедент оказываются в различных клаузах (см., например, (18) в разделе 5). Способность маркированных форм иметь расщепленный антецедент в (12) показывает, что эти особенности ассоциируются не только с позицией модификатора ИГ (однако известно, что для послелогов в удмуртском характерен ряд именных свойств; см. Arkhangelskiy, Usacheva 2015). Мы связываем эти особенности с наличием на возвратном местоимении посессивного показателя, который и определяет связывание этих единиц (см. раздел 5).

4 Возвратные местоимения как интенсификаторы

Типологически распространена ситуация полисемии рефлексивных местоимений и интенсификаторов (König, Gast 2006). Такая же ситуация наблюдается в литературном удмуртском (Volkova 2014: 121) и в татышлинском говоре (13). В отличие от рефлексивного употребления интенсификаторы не занимают аргументной позиции и вносят семантический компонент контрастивности (хотя их семантика и не сводится к этому, см. Eckardt 2001).

- (13) *maša ač'-iz kos-i-z n'ina-jez_i*
 Маша REFL-POSS.3SG велеть-PST-3SG Нина-ACC
as-lâ-z_i č'aj les'tâ-nâ.
 REFL-DAT-POSS.3SG чай делать-INF
 'Маша сама попросила Нину_i налить себе_i чай.'

Интенсификаторы отличаются по своим свойствам от рефлексивных местоимений. Например, усеченная форма *as* в качестве интенсификатора связывается с антецедентом — прямым дополнением (14), что невозможно в рефлексивных употреблениях (15).

- (14) *kud o' dârja les't-is'ko-m prosto ž'az'eg as*
 который один во_время делать-PRS-1PL просто гусь REFL
ponna-z pãž-is'ko-m.
 для-POSS.3SG печь-PRS-1PL
 'Иногда делаем просто гуся, его самого (без ничего) запекаем.'
 (Корпус: «Пирожки»)

- (15) *vas'a_j ataj-ze_k as_j/_{*k} ponna-z sureda-Ø-z.*
 Вася отец-ACC.POSS.3SG REFL для-POSS.3SG рисовать-PST-3SG
 'Вася нарисовал отца для себя_j / *него_k.'

Как видно по (13)–(14), употребление в качестве интенсификаторов характерно для усеченной, так и для маркированной форм. Также (14) показывает, что употребление интенсификатора возможно и при опущении вершины. Этот факт позволяет объяснить, в частности, употребление возвратных местоимений без антецедента (9)–(10). Заметим, однако, что не во всех подобных случаях у местоимения четко прослеживается компонент интенсификации (9). Их семантика требует дальнейшего изучения.

5 Посессивные суффиксы как связыватели анафоров

Как уже было сказано, возвратные местоимения в татышлинском удмуртском тесно связаны с системой посессивных показателей, и маркированные формы имеют в своем составе посессивный суффикс, совпадающий в лице и числе с антецедентом анафора. Исключения, обсуждаемые в разделе 3, касаются только маркированных форм. Поэтому можно предположить, что эти свойства связаны именно с особенностями посессивных показателей, нежели собственно с рефлексивными местоимениями; ср. (Волкова 2012: 552): «Именно наличие посессивных показателей в составе возвратных местоимений в финно-угорских языках во многом определяет их синтаксические свойства». Возможно, истинное связывание анафора происходит не напрямую с ИГ-антецедентом, а посредством посессивного показателя. В этом разделе мы рассмотрим аргументы в пользу этого анализа.

Во-первых, для посессивных показателей доступно функциональное прочтение в сфере действия универсального квантора (т.е. прочтение совместимое с ситуацией, при которой мальчики прочитали разные книги), что может свидетельствовать о том, что коиндексация происходит благодаря связыванию, а не установлению кореферентности в дискурсе (об этих механизмах см. Reuland 2011: 27–29):

- (16) *každâj pi kn'iga-ze lâ'ž'i-z.*
 каждый мальчик книга-ACC.POSS.3SG читать-PST-3SG
 'Каждый мальчик прочитал свою книгу.'

Это предположение также позволяет объяснить асимметрию в выборе антецедента между усеченной формой возвратного местоимения, которые связываются только ИГ в позиции субъекта, и маркированной, чей антецедент может находиться и в иных структурных позициях (см. (5)–(6)). Аналогичное поведение демонстрируют посессивные показатели, например, в (17), где владельцем книги может быть как Маша, так и Вася.

- (17) *maša_j vas'a-lâ_k kn'iga-ze_{e_j/k} s'ot-i-z.*
 Маша Вася-DAT книга-ACC.POSS.3SG дать-PST-3SG
 'Маша_j дала Васе_k свою_j / его_k книгу.'

Во-вторых, посессивные показатели могут анафорически отсылать к антецеденту в другом предложении (18). Аналогичное поведение демонстрируют и маркированные формы возвратного местоимения в (19).

- (18) *vas'a_j n'i bert-i-z. mon mašina-ze_j*
 Вася уже возвращаться-PST-3SG я машина-ACC.POSS.3SG
korka vāžā-is'tāz_j a'ž'i-∅.
 дом корень-EL-POSS.3SG видеть-PST-1SG
 'Вася_j уже вернулся. Я видел его_j машину у его_j дома.'

- (19) *vas'a_j tolon gorod-e vetl-i-z. mānām*
 Вася вчера город-ILL ходить-PST-3SG я.DAT
as-laz_j agaj-ez vera-∅-z
 REFL-GEN.POSS.3SG брат-POSS.3SG рассказывать-PST-3SG
 'Вася_j вчера ездил в город. Мне его_j брат сказал.'

Коиндексация может наблюдаться и в структурах, где отсутствует си-командование между антецедентом и посессивным показателем: в (20) показатель *ez-* 'POSS.3SG' на ИГ-субъекте отсылает к ИГ-каузируемому.

- (20) *ataj-ez_j maša-jez_j lā'ž'ā-t-i-z.*
 отец-POSS.3SG Маша-ACC читать-CAUS-PST-3SG
 'Машу_j заставил читать ее_j отец.'

Для посессивных показателей также доступна кореферентность с расщепленным антецедентом (см. аналогичное поведение возвратного местоимения в (12)):

- (21) *l'ena_j kart-āz-lā_k nālpī-jos-sā_{j+k} s'aris'*
 Лена муж-POSS.3SG-DAT ребенок-PL-POSS.3PL о
vera-∅-z.
 рассказывать-PST-3SG
 'Лена_j рассказала мужу_k об их_{j+k} (общих) детях.'

Таким образом, очевидно, что принципы определения антецедента посессивного показателя не сводятся к теории связывания, но также регулируются дискурсивным механизмом установления кореферентности. В (Volkova 2014) показано, что в берсермянском удмуртском посессивные показатели демонстрируют ряд свойств, характерных для анафорических местоимений.

В татышлинском говоре однако правила их коиндексации не сводятся к таковым у прономинатов, потому что, в частности, они могут связываться локально (см. (16)). Исследование этих принципов на данном этапе требует дополнительных данных.

Предположение о том, что именно посессивные показатели являются истинными связывателями анафоров, позволяют объяснить исключения, обсуждаемые в разделе 3. В пользу этой гипотезы говорят и данные реципрокальных местоимений, дистрибуция которых также должна быть ограничена принципом А (см. Chomsky 1981 и мн. др.), однако в татышлинском удмуртском могут связываться в нарушение него. В частности, для большинства опрошенных носителей возможна коиндексация реципрока в позиции посессора субъекта с ИГ — прямым дополнением (22).

- (22) [?] *og-og-zâ-len_j* *agaj-jos-sâ* [*vas'a-jez no*
 один-один-POSS.3PL-GEN брат-PL-POSS.3PL Вася-ACC ADD
miša-jez_j *tolon a'ž'-i-zâ.*
 Миша-ACC вчера видеть-PST-3PL
 'Васин брат встретил Мишу, а Мишин — Васю.'
 (Букв. 'братья друг друга_j видели [Васю и Мишу]_j')

Отметим, однако, что на данном этапе гипотезе противоречит тот факт, что связывание анафоров ограничено локальной областью. В настоящий момент подобные ограничения для посессивных показателей не выявлены. Необходимо дальнейшее исследование по выявлению возможных синтаксических ограничений на посессивные показатели, которое и позволит проверить рассматриваемую гипотезу.

6 Заключение

В работе была рассмотрена система возвратных местоимений в татышлинском говоре удмуртского языка с точки зрения ее соответствия теории связывания. Нарушения предсказаний этой теории были разделены на два класса.

Первый класс образуют случаи, когда вместо возвратного местоимения употребляется аналогичный ему по форме интенсификатор. Поскольку интенсификатор занимает адъюнктную позицию внутри ИГ, мы можем анализировать случаи, подобные (9)–(10), как опущение вершины.

Второй класс нарушений связан с несоблюдением структурного отношения между антецедентом и анафором, предписываемого в рамках теории связывания. Мы показываем, что эти нарушения возникают для форм, маркированных посессивным показателем. Истинным связывателем анафора в этих случаях, как мы предполагаем, выступает именно посессивный показатель, коиндексация которого с антецедентом регулируется более свободными правилами.

Интересной видится возможность предложить параллельный анализ для связывания возвратных местоимений и интенсификаторов. Если гипотеза о связывании посессивными показателями верна, то окажется, что в общем случае связывание этих единиц происходит в рамках одной ИГ, т.е. расположенный высоко в структуре ИГ посессивный показатель си-командует анафором, таким образом связывание происходит при соблюдении принципа А. Похожая ситуация наблюдается и у интенсификаторов, которые также находятся с антецедентом в рамках одной ИГ. Возникает вопрос, насколько распространенным оказывается механизм такого локального связывания. Проблемными случаями кажутся усеченные формы, которые могут связываться с антецедентом, находясь в составе немаркированной по посессивности послеложной группы (4).

Таким образом, дальнейшее исследование предполагает выявление правил, ограничивающих коиндексацию посессивных показателей с их антецедентами, и сравнение этих правил с дистрибуцией возвратных местоимений.

Список условных сокращений

1, 3 — 1-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие; DAT — датив; EL — элатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; INF — инфинитив; INTER — вопросительная частица; NMLZ — номинализация; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

- Алатырев В. И., ред. (1970). *Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения*. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- Волкова А. А. (2012). «Синтаксические особенности возвратных местоимений в финно-угорских языках». *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. Под ред. А. И. Кузнецовой, Н. В. Сердобольской, С. Ю. Толдовой, С. С. Сая, Е. Ю. Калининой. М.: Рукописные памятники Древней Руси. 543–590.
- Тепляшина Т. К. (1970). *Язык бесермян*. М.: Наука.
- Arkhangelskiy T., Usacheva M. (2015). “Syntactic and Morphosyntactic Properties of Postpositional Phrases in Beserman Udmurt as Part-of-Speech Criteria”. *SKY Journal of Linguistics* 28. 103–137.
- Baidoullina A. (2003). “Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология”. MA thesis. Tartu Ülikool.
- Chomsky N. [1993] (1981). *Lectures on Government and Binding: The Pisa Lectures*. Berlin; New York: Walter de Gruyter.
- Eckardt R. (2001). “Reanalysing selbst”. *Natural Language Semantics* 9.4. 371–412.
- König E., Gast V. (2006). “Focused assertion of identity: A typology of intensifiers”. *Linguistic Typology* 10.2. 223–276.
- Reuland E. J. (2011). *Anaphora and language design*. Cambridge, Mass: The MIT Press.
- Volkova A. (2014). *Licensing Reflexivity: Unity and variation among selected Uralic languages*. Utrecht: LOT.

Числовое согласование с количественными конструкциями в татышлинском говоре удмуртского языка*

Мария Эмилия Александровна Винклер

Институт языкознания РАН;
МГУ имени М. В. Ломоносова

В работе рассматривается числовое согласование предиката с количественными конструкциями (КК) в татышлинском говоре удмуртского языка. Внутри КК допускается форма как единственного, так и множественного числа, в то время как согласование предиката является чаще всего строго синтаксическим. Мы рассмотрим случаи числового рассогласования (в другой терминологии — семантического согласования), покажем набор релевантных факторов и опишем их взаимодействие. Кроме того, мы продемонстрируем, что класс случаев, в котором рассогласование наиболее частотно, на самом деле является результатом регулярного эллипсиса.

Number agreement with Numeral + Noun constructions in Tatyshly Udmurt

Maria Emilia A. Winkler

Institute of Linguistics RAS; Lomonosov MSU

This paper examines the predicate number agreement with numerical constructions in Tatyshly Udmurt. A noun can take both singular and plural forms in such expressions, while predicate agreement is strictly syntactic in most cases. I will consider cases of a numerical mismatch (in other words, semantic agreement), show a set of relevant factors and describe their interaction. As I will demonstrate, the class of cases where the mismatch is the most regular is caused by ellipsis.

*Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

1 Введение

Исследование проведено на материале татышлинского говора удмуртского языка (относится к периферийно-южному диалекту южного наречия, см. Кельмаков 1998: 42–43). Материал собран в ходе экспедиций 2019–2023 гг. с помощью опроса носителей в Татышлинском районе Республики Башкортостан (основной массив данных записан в с. Нижнебалтачево, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы).

Мы опишем закономерности числового согласования предиката с конструкциями, включающими количественное числительное и вершинное существительное (далее также количественные конструкции, КК).

В (Corbett 2000) рассматриваются случаи, когда признаки контролера и мишени согласования различаются. Часть таких примеров обусловлена несовпадением семантических и синтаксических свойств контролера согласования: например, существительные типа англ. *committee* ‘комитет’ формально обладают признаком единственного числа, однако семантически являются множественными, поскольку обозначают группу людей. Вследствие этого они допускают как синтаксическое согласование (по формальным признакам — в данном случае, по единственному числу), так и семантическое (глагол способен в сочетании с такими существительными принимать форму множественного числа, несмотря на то что множественность вершинного имени не выражена формально), ср. англ. *the committee has / have decided* ‘комитет решил’ (Corbett 2000: 189).

В типологии рассматриваются контексты, которые способны повлиять на выбор формы предиката при возможной вариативности, см. (Corbett 2000, 2006), в том числе со ссылкой на (Belnap 1999). Среди типологически ориентированных описаний конкретных языков можно выделить корпусное исследование на материале башкирского языка (Аплонова, Сай 2014), а также исследование казымского диалекта хантыйского языка (Писаренко 2022).

В перечисленных работах отмечается ряд факторов, влияющих на числовое согласование с именными группами, которые синтаксически обладают признаком единственного числа, но являются семантически множественными. Учитывая все упомянутые работы, можно сформулировать следующие типологически ожидаемые факторы:

- **одушевленность субъекта:** чем выше позиция референта в иерархии одушевленности, тем вероятнее согласование по множественному числу;
- **статус данного vs нового:** референты, упомянутые в предшествующем дискурсе, с большей вероятностью будут вызывать множественное согласование, чем упоминающиеся впервые;
- **определенность:** определенные именные группы чаще вызывают множественное согласование, чем неопределенные;
- **коммуникативная структура клаузы:** на материале хантыйского языка показано, что с КК, где числительное находится в фокусе, может ожидаться согласование предиката по единственному числу;
- **дистанция между субъектом и предикатом (real distance):** наличие элементов, отделяющих контролер и мишень согласования друг от друга, способствует семантическому согласованию;
- **дистрибутивная / собирательная интерпретация:** в клаузах, где однозначно задана дистрибутивная интерпретация, КК в роли контролера согласования с большей вероятностью вызывают семантическое (множественное) согласование, тогда как в клаузах с собирательной интерпретацией предпочтительно согласование по единственному числу.

Кроме того, упоминаются такие потенциально значимые факторы, как морфосинтаксические свойства предиката (в частности, различные временные формы), посессивное маркирование существительного в КК, взаимное расположение контролера согласования и мишени согласования (S + V или V + S), тип квантификатора в КК (является ли квантификатор простым или сложным, ср. *пять vs пять-шесть, пять или шесть, пять из шести*), структуры с однородными финитными сказуемыми (например, в башкирском языке первый элемент такой последовательности может принимать форму единственного числа, тогда как остальные могут иметь форму множественного числа), а также тип предиката (отмечается, что экзистенциальные предикаты не всегда согласуются по множественному числу).

2 Синтаксическое и семантическое согласование: система факторов

Категория числа в удмуртском языке представлена двумя граммемами — единственного и множественного числа. Существительные в количественных конструкциях могут маркироваться показателем как единственного, так и множественного числа. При этом в большинстве случаев согласование с ними строго **синтаксическое**, ср. (1a)–(1b) и (2a)–(2b).

- (1) a. *kək uč'en'ik ləkt-i-z* / **ləkt-i-zə*.²
два ученик приходить-PST-3SG приходить-PST-3PL
- b. *kək uč'en'ik-ž'os ləkt-i-zə* / **ləkt-i-z*.
два ученик-PL приходить-PST-3PL приходить-PST-3SG
'Два ученика пришли.'
- (2) a. *žök vəl-ən das č'aška səl-e* / **səl-o*.
стол верх-LOC десять чашка стоять-PRS.3SG стоять-PRS.3PL
- b. *žök vəl-ən das č'aška-os səl-o* /
стол верх-LOC десять чашка-PL стоять-PRS.3PL
**səl-e*.
стоять-PRS.3SG
'На столе стоят десять чашек.'

Высокое положение референта КК в иерархии одушевленности, как видно из (1)–(2), не делает семантическое согласование более допустимым.

Однако, по нашим данным, в ряде случаев **семантическое** согласование с КК, внутри которых существительное имеет форму единственного числа, все же возможно.

Во-первых, важным фактором для татышлинского удмуртского является **тип предиката**: двухместные предикаты допускают семантическое согласование как минимум в части идиолектов.

²Согласно имеющимся у нас данным, допустимость множественного числа в примерах такого типа различается по идиолектам: так, в с. Нижнебалтачево носители строго запрещают форму множественного числа предиката, в то время как некоторые носители из д. Старый Кызыл-Яр и д. Ивановка допускают семантическое согласование в таких контекстах. В настоящей работе мы ориентируемся преимущественно на систему с. Нижнебалтачево.

- (3) a. *vit' koč'ăš lăkt-i-z* / **lăkt-i-ză*.
 пять кот прийти-PST-3SG прийти-PST-3PL
 'Пришло пять котов.'
- b. *vit' koč'ăš šâr-jos-tă kut-i-z* / ?*kut-i-ză*.
 пять кот мышь-PL-ACC ловить-PST-3SG ловить-PST-3PL
 'Пять котов поймали мышей.'

Как отмечается в (Corbett 2000: 214), для согласования нередко оказывается релевантным сочетание нескольких факторов, т.е. факторы могут усиливать друг друга в одном контексте. Например, при добавлении посессора в субъектную именную группу в конструкции с двухместным предикатом семантическое согласование становится еще более грамматичным и даже предпочтительным у части носителей, ср. (3b) и (4).

- (4) *so-len* (/ *ruslan-len*) *vit' koč'ăš-ez šâr-jos-tă*
 тот-GEN Руслан-GEN пять кот-POSS.3SG мышь-PL-ACC
kut-i-ză / ??*kut-i-z*.
 ловить-PST-3PL ловить-PST-3SG
 'Его пять котов (/ пять котов Руслана) поймали мышей.'

Как видно из (5), данный фактор не работает в конструкциях с одноместными предикатами.

- (5) a. *vit' koč'ăš s'i-s'k-i-z* / **s'i-s'k-i-ză*.
 пять кот-POSS.3SG есть-DETR-PST-3SG есть-DETR-PST-3PL
 'Пять котов поели.'
- b. *so-len vit' koč'ăš-ez s'i-s'k-i-z* /
 тот-GEN пять кот-POSS.3SG есть-DETR-PST-3SG
 **s'i-s'k-i-ză*.
 есть-DETR-PST-3PL
 'Его пять котов поели.'

Такого эффекта не наблюдается, если существительное в субъектной КК маркировано посессивным показателем, но сам посессор отсутствует. Наличие указательного местоимения также не влияет на степень допустимости семантической стратегии согласования (6). Таким образом, среди потенциально возможных факторов (выраженный посессор; посессивное маркирование существительного; определенность) релевантным оказывается именно выраженный посессор.

- (6) (ta) vit' koč'ăš-*ez* šâr-jos-tâ kut-i-z /
 этот пять кот-POSS.3SG мышь-PL-ACC ловить-PST-3SG
 ??kut-i-zâ.
 ловить-PST-3PL

‘(Эти) [его] пять котов поймали мышей.’

Как отмечается в (Писаренко 2022: 4), в казымском диалекте хантыйского языка семантическое согласование (т.е. по множественному числу) обязательно, если существительное в КК маркировано посессивным показателем. Однако если существительное не несет на себе посессивного показателя, но в конструкции присутствует выраженный посессор, то семантическое согласование факультативно. Таким образом, для казымского хантыйского, напротив, более значим фактор посессивного маркирования. Мы предполагаем, что за фактором посессивности в КК может стоять система коммуникативных механизмов, однако данный вопрос требует более детального изучения.

Еще одно сочетание факторов, повышающее допустимость семантической стратегии согласования, было ранее описано в (Алатырев 1970: 98) для литературного удмуртского. Это сочетание предполагает наличие в субъектной КК «собирающего» существительного, т.е. реферирующего не к одному элементу, а к группе, а также линейную дистанцию между контролером и мишенью согласования (real distance). Элементы, отделяющие мишень согласования от контролера, в литературном удмуртском также должны иметь форму множественного числа,³ ср. (7).

- (7) Куишь семья — Василей Петырь-ёс, Максим Миколь-ёс
 три семья Василий Петр-PL Максим Николай-PL
 но Семон Ондо-ос — валче турна-∅-зы.
 ADD Семен Андрей-PL вместе косить-PST-3PL

‘Три семьи — Петра Васильевича, Николая Максимовича и Андрея Семеновича — вместе косили.’

(Алатырев 1970: 98)

³В (Алатырев 1970: 98) данная закономерность сформулирована следующим образом: «Существительные, выражающие категорию собирательности или совокупности, при сочетании с количественными числительными обычно стоят в единственном числе, и глаголы-сказуемые согласуются с ними в числе (един.) (...) Но если в предложении при таких сочетаниях имеются приложения, и они оформлены аффиксом множественного числа, то глагол-сказуемое обычно стоит во множественном числе».

Согласно нашим данным, фактор линейной дистанции не работает с существительными, отсылающими к единичным объектам (как и в литературном удмуртском):

- (8) *kün' nālpī* (— *ruslan, rajda no rinat* —)

три ребенок Руслан Райда ADD Ринат

č'ošatsk-on-e pâr-is'k-e /

соревноваться-VN-ILL заходить-DETR-PRS.3SG

**pâr-is'k-o.*

заходить-DETR-PRS.3PL

‘Трое детей (— Руслан, Райда и Ринат —) принимают участие в соревнованиях.’

Однако с «собирательными» существительными данный фактор проявляется несколько иначе, чем было описано в (Алатырев 1970): элементы, отделяющие субъектную КК и предикат друг от друга, не обязательно должны быть в форме множественного числа, ср. (9)–(10).

- (9) *kün' klas č'ošatsk-on-e pâr-is'k-e /*

три класс соревноваться-VN-ILL заходить-DETR-PRS.3SG

**pâr-is'k-o.*

заходить-DETR-PRS.3PL

‘Три класса принимают участие в соревнованиях.’

- (10) *kün' klas — č'amâs-eti, das-eti no das*

три класс восемь-ORD десять-ORD ADD десять

odig-eti — č'ošatsk-on-e pâr-is'k-o /

один-ORD соревноваться-VN-ILL заходить-DETR-PRS.3SG

?pâr-is'k-e.

заходить-DETR-PRS.3PL

‘Три класса — восьмой, десятый и одиннадцатый — принимают участие в соревнованиях.’

В (Corbett 2006: 180) на материале сочиненных ИГ описано явление, которое мы далее будем называть «эффектом предшествования»: контролеры, предшествующие мишени согласования, типологически чаще вызывают согласование по множественному числу (т.е. семантическое согласование), чем те, которые следуют за мишенью согласования. Согласно нашим данным, татышлинский удмуртский соответствует типологическим

ожиданиям. Наиболее наглядно влияние данного фактора можно проследить в идиолектах носителей из д. Старый Кызыл-Яр и д. Ивановка (11).

- (11) а. *mi dor-â nil' äž'ämi lâkt-i-z /*
мы у-ILL четыре человек приходить-PST-3SG
?lâkt-i-zâ.
приходить-PST-3PL
- б. *mi dor-â lâkt-i-z / *lâkt-i-zâ nil'*
мы у-ILL приходить-PST-3SG приходить-PST-3PL четыре
äž'ämi.
человек
'К нам пришло четыре человека.'

Далее был рассмотрен фактор наличия в клаузе однородных финитных сказуемых. Он известен нам из (Аплонова, Сай 2014), где отмечается, что в башкирском языке первый предикат в таких последовательностях во всех обнаруженных корпусных примерах имеет форму единственного числа, в то время как последующие предикаты принимают форму множественного числа. Похожую тенденцию мы обнаружили в татышлинском удмуртском: первый предикат может принимать форму единственного числа, однако также он может быть и в форме множественного (при условии, что последующие предикаты также имеют форму множественного числа), см. (12).

- (12) а. *das äž'ämi lâkt-i-z / lâkt-i-zâ,*
десять человек приходить-PST-3SG приходить-PST-3PL
si-i-zâ no košk-i-zâ.
есть-PST-3PL ADD уходить-PST-3PL
- б. **das äž'ämi lâkt-i-zâ, si-i-z no*
десять человек приходить-PST-3PL есть-PST-3SG ADD
košk-i-z.
уходить-PST-3SG
'Десять человек пришли, поели и ушли.'

Также семантическое согласование в татышлинском удмуртском возникает с некоторыми аппроксимативными конструкциями. Ср. (13), где присутствует числительное с точным количественным значением, и (14) с аппроксимативной конструкцией,

где квантификатор состоит из количественного числительного и аппроксимативного элемента.

- (13) *praz'n'ik-e kâz' äž'ämi lâkt-i-z /*
 праздник-ILL двадцать человек приходит-*PST-3SG*
**lâkt-i-zâ.*
 приходит-*PST-3PL*
 'На праздник пришло двадцать человек.'

- (14) *praz'n'ik-e kâz' äž'ämi-lâ mat-e*
 праздник-ILL двадцать человек-DAT близко-ILL
lâkt-i-z / lâkt-i-zâ.
 приходит-*PST-3SG* приходит-*PST-3PL*
 'На праздник пришло около двадцати человек.'

В разделе 3 мы покажем, что в (14) согласование на самом деле синтаксическое, а обе числовые формы предиката доступны за счет регулярного эллипсиса.

3 Эллипсис в аппроксимативных КК

В данном разделе мы сфокусируемся на аппроксимативных конструкциях с маркером *mate* 'примерно'.

В татышлинском удмуртском существует много стратегий выражения приблизительности. В конструкциях, где приблизительность выражается с помощью постпозитивного маркера, как правило, присутствуют следующие элементы:

- числительное;
- единица измерения: общепринятая (*час, километр* и др.) или окказиональная (*эта собака размером с двух котов*);
- настоящее квантифицируемое — существительное, которое подвергается квантификации, но само в данном контексте не обладает квантифицирующими свойствами.

Языки мира различаются по параметру линейного расположения маркера приблизительности: за таким маркером может быть закреплена линейная позиция после любого из этих элементов. В то же время один язык может совмещать несколько стратегий, и, более того, одному и тому же маркеру может быть доступно несколько вариантов линейной позиции.

Большинство маркеров в татышлинском удмуртском может занимать только одну линейную позицию: после так называемого «количественного слота» — т.е. либо после числительного (в случае отсутствия единицы измерения), либо после единицы измерения, ср. (15a)–(15b). Как показано в (15a), показатели не могут следовать за настоящим квантифицируемым.

(15) a. *rajda s'i-i-z das ž'oros kāmfet / *das*
 Райда есть-РСТ-3SG десять округа конфета десять
kāmfet ž'oros.
 конфета округа

‘Райда съела примерно десять конфет.’

b. *rajda mān-i-z das is'kem ž'oros / *das*
 Райда идти-РСТ-3SG десять километр округа десять
ž'oros is'kem.
 округа километр

‘Райда прошла примерно десять километров.’

Стратегия с показателем *mate* представляется контраргументом к данному обобщению: в (14), по семантическим соображениям, существительное *äž'ämi* ‘человек’ является настоящим квантифицируемым.

Аппроксимативный показатель в КК может занимать линейную позицию сразу после числительного, как в (15), ср. также (16a)–(16b). В этих случаях мы наблюдаем строгое синтаксическое согласование.

(16) a. *praz'n'ik-e kâz'-lâ mat-e äž'ämi*
 праздник-ILL двадцать-DAT близко-ILL человек
*lâkt-i-z / *lâkt-i-zâ.*
 приходит-РСТ-3SG приходит-РСТ-3PL

b. *praz'n'ik-e kâz'-lâ mat-e äž'ämi-os*
 праздник-ILL двадцать-DAT близко-ILL человек-PL
*lâkt-i-zâ / *lâkt-i-z.*
 приходит-РСТ-3PL приходит-РСТ-3SG

‘На праздник пришло около двадцати человек.’

Далее была проверена гипотеза о возможном влиянии одушевленности. Были отобраны существительные, находящиеся в иерархии одушевленности ниже, чем *äž'ämi* ‘человек’. Как видно

из (17), таким существительным недоступен линейный порядок элементов, показанный ранее в (14).

- (17) **busi-jân kâz' skal-lâ mat-e veʔl-e.*
поле-LOC двадцать корова-DAT близко-ILL ходить-PRS.3SG

Ожидаемое значение: 'В поле пасется примерно двадцать коров.'

Стратегия, при которой аппроксимативный показатель следует за числительным, конструкциям с такими существительными доступна. В этом случае также происходит синтаксическое согласование, см. (18a)–(18b).

- (18) а. *busi-jân kâz'-lâ mat-e skal veʔl-e /*
поле-LOC двадцать-DAT близко-ILL корова ходить-PRS.3SG
**veʔl-o.*
ходить-PRS.3PL

- б. *busi-jân kâz'-lâ mat-e skal'-l'os*
поле-LOC двадцать-DAT близко-ILL корова-PL
*veʔl-o / *veʔl-e.*
ходить-PRS.3PL ходить-PRS.3SG

'В поле пасутся примерно двадцать коров.'

Однако допустимость той или иной стратегии не коррелирует строго с иерархией одушевленности, ср. (17) и (19), поскольку в (19) существительное в этом отношении имеет те же характеристики, что и в (14).

- (19) *ta klas-e kâz'-lâ mat-e uĉ'en'ik / *kâz'*
этот класс-ILL двадцать-DAT близко-ILL ученик двадцать
uĉ'en'ik-lâ mat-e lâkt-i-z.
ученик-DAT близко-ILL приходить-PST-3SG

'В этот класс пришло примерно двадцать учеников.'

Рассмотрим также конструкции с единицами измерения: для них доступна стратегия, когда они предшествуют показателю приблизительности, поскольку они относятся к количественному слогу, как и числительные. В то же время они не допускают согласования по множественному числу (20).

- (20) *kâz' sägät-lä mat-e or'č'-i-z /*
 двадцать час-DAT близко-ILL проходить-PST-3SG
**or'č'-i-zâ.*
 проходить-PST-3PL
 'Прошло около двадцати часов.'

В (21) показано, что, в отличие от КК со всеми существительными, рассмотренными выше, в КК с конвенциональными единицами измерения типа *sägät* 'час' маркер приблизительности не может занимать линейную позицию сразу после числительного.

- (21) **kâz'-lâ mat-e sägät or'č'-i-z /*
 двадцать-DAT близко-ILL час проходить-PST-3SG
or'č'-i-zâ.
 проходить-PST-3PL
 Ожидаемое значение: 'Прошло около двадцати часов.'

В конструкциях с единицами измерения также можно выразить настоящее квантифицируемое:

- (22) *kâz' sägät-lä mat-e dâr or'č'-i-z /*
 двадцать час-DAT близко-ILL время проходить-PST-3SG
**or'č'-i-zâ.*
 проходить-PST-3PL
 'Прошло около двадцати часов.'

Как видно из (22) в сопоставлении с (20), предикат согласуется с настоящим квантифицируемым *dâr* 'время', которое имеет синтаксический признак единственного числа. Данный элемент способен элидироваться, и в связи с тем, что элидируемому существительному доступна только форма единственного числа в данном контексте, предикативное согласование в этом случае возможно только по единственному числу.

Таким образом, мы предполагаем, что в примерах типа (23) = (14) существительное *äž'ämi* 'человек' также не является синтаксической вершиной субъектной именной группы, а входит в состав количественного слота, тем самым становясь окказиональной единицей измерения.

- (23) *praz'n'ik-e kâz' äž'ämi-lâ mat-e*
 праздник-ILL двадцать человек-DAT близко-ILL
lâkt-i-z / lâkt-i-zâ.
 приходить-PST-3SG приходить-PST-3PL

‘На праздник пришло около двадцати человек.’

Подтверждением данной гипотезы служит возможность заполнения эллиптического пропуска в (24a)–(24b).

- (24) a. *ta klas-e kâz' nâlpî-lâ mat-e*
 этот класс-ILL двадцать ребенок-DAT близко-ILL
uč'en'ik-jos / Ø_[PL] lâkt-i-zâ.
 ученик-PL приходить-PST-3PL
- b. *ta klas-e kâz' nâlpî-lâ mat-e uč'en'ik /*
 этот класс-ILL двадцать ребенок-DAT близко-ILL ученик
Ø_[SG] lâkt-i-z.
 приходить-PST-3SG

‘В этот класс пришло примерно двадцать учеников.’

Примеры (24a)–(24b) показывают, что элидируемое имя может обладать признаком как единственного, так и множественного числа. Именно это объясняет доступность обеих форм предиката в случае эллипсиса.

Описанный механизм является свойством аппроксимативных конструкций с *mate*: как видно из (25), в КК с точным количественным значением использование *nâlpî* в качестве единицы измерения невозможно, в отличие от (24a)–(24b).

- (25) **ta klas-e kâz' nâlpî uč'en'ik lâkt-i-z.*
 этот класс-ILL двадцать ребенок ученик приходить-PST-3SG
 Ожидаемое значение: ‘В этот класс пришло двадцать человек учеников.’

4 Заключение

В татышлинском говоре удмуртского языка в конструкциях с одноместными предикатами чаще всего наблюдается строгое синтаксическое согласование с субъектными КК. Ряд факторов способны вызвать семантическое согласование: так, оно становится

возможным в конструкциях с двухместными предикатами. Наблюдается корреляция множественного числа предиката и наличия выраженного посессора в субъектной КК: данный параметр повышает допустимость семантического согласования в клаузах с двухместными предикатами, однако не работает в случае с одностепенными. Этот фактор и его взаимодействие с другими параметрами нуждаются в дополнительном исследовании.

Также семантическое согласование возникает в клаузах с «сбирательными» существительными при условии наличия дополнительных элементов, отделяющих предикат от контролера согласования. Кроме того, в предложениях с последовательностью однородных финитных сказуемых числовая форма первого элемента последовательности допускает вариативность.

В клаузах, где субъектной именной группой является КК с аппроксимативным маркером *mate*, также фиксируется вариативное согласование. Его причиной является эллипсис, в то время как согласование в таких конструкциях строго синтаксическое. При эллипсисе существительное, занимающее позицию перед *mate*, является не вершинным именем, контролирующим согласование, а частью количественного модификатора.

Список условных сокращений

3 — 3-е лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; DAT — датив; DETR — детранзитив; GEN — генитив; ILL — иллатив; LOC — локатив; ORD — порядковое числительное; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; VN — отглагольное имя.

Литература

- Алатырев В. И., ред. (1970). *Грамматика современного удмуртского языка. Синтаксис простого предложения*. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- Аплонова Е. С., Сай С. С. (2014). «Числовое маркирование сказуемого (на материале башкирских устных текстов)». *Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Материалы XIV Всероссийской научной конференции*. Под ред. Ф. Г. Хисамитдинова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 98–108.

- Кельмаков В. К. (1998). *Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты*. Ижевск: Удмуртский университет.
- Писаренко Д. Ю. (2022). *Субъектное согласование групп с числительными в севернохантыйском языке*. Доклад на Девятнадцатой конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб.
- Belnap R. (1999). "A new perspective on the history of Arabic: variation in marking agreement with plural heads". *Folia Linguistica* 33.1–2. 169–186.
- Corbett G. G. (2000). *Number*. Cambridge: Cambridge University Press.
- (2006). *Agreement*. Cambridge: Cambridge University Press.

Малые языки Южного Дагестана: опыт полевого исследования*

Татьяна Игоревна Давидюк

Институт языкознания РАН;
МГУ имени М. В. Ломоносова

Юрий Борисович Коряков

Институт языкознания РАН; НИУ ВШЭ

Данная статья описывает результаты экспедиций в Дербентский район Республики Дагестан в 2022–2023 гг., а также затрагивает организационные аспекты, связанные с их планированием и выполнением. Целью экспедиций являлось изучение языковой ситуации и документация двух даргинских идиомов (амухского и анклухского диалектов), митаги-джалганского языка и языка джуури.

Minority languages of Southern Dagestan: field research experience

Tatiana I. Davidyuk

Institute of Linguistics RAS; Lomonosov MSU

Yuri B. Koryakov

Institute of Linguistics RAS; HSE University

This article describes the results of the expeditions in the Derbent District of the Republic of Dagestan in 2022-2023, while also addressing the organizational aspects associated with their planning and execution. The aim of the expeditions was to study the linguistic situation and document two Dargwa idioms (Amuq and Anklugh dialects), the Mitagi-Jalqan language, and the Juhuri language.

*В работе Ю. Б. Корякова использованы результаты проекта «Структурная конвергенция языков в типологической перспективе», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 году.

1 Введение

В Дагестане, богатом своим культурным наследием и этническим разнообразием, бытует множество недостаточно задокументированных или вовсе не задокументированных идиомов, многие из которых находятся на разных стадиях языкового сдвига.

Настоящая статья описывает организационные аспекты и результаты экспедиций в Дербентский район Республики Дагестан в 2022–2023 гг. Целями экспедиций являлись изучение языковой ситуации и документация двух даргинских идиомов (амухского и анклухского диалектов), митаги-джалганского языка и языка джуури.

2 Организационные аспекты

Экспедиция базировалась в городе Дербент, который оказался оптимальным выбором благодаря своему расположению: он находится на равном расстоянии как от г. Дагестанские Огни и с. Чинар, в которых проживают амухцы и анклухцы, так и от с. Нижний Джалган, где проживают носители митаги-джалганского языка. Этот выбор позволил обеспечить достаточно равномерное распределение времени и усилий при перемещении между этими населенными пунктами.

Однако необходимо отметить некоторые негативные аспекты. Первым из них стало наличие больших транспортных пробок в направлении г. Дагестанские Огни, и ситуация с пробками только ухудшилась к 2023 г. Вторым фактором стали ограничения общественного транспорта в регионе. Если в г. Дагестанские Огни регулярно ездят маршрутные такси, что обеспечивает относительно удобное перемещение, то в Нижний Джалган маршрутное такси ездит существенно реже и приблизительно до 18 часов вечера, что создает препятствия для вечерней работы с респондентами, уезжающих днем на работу. С Чинаром практически отсутствует регулярное общественное транспортное сообщение. В с. Верхний Джалган, в котором также проживают носители митаги-джалганского языка, маршрутное такси отправляется раз в день и возвращается вниз к с. Нижний Джалган только на следующий день. Тем не менее, стоит отметить, что использование такси облегчило перемещение между пунктами экспедици-

онной работы. Кроме того, в 2023 г. в маршрутном такси, следующем по маршруту г. Дербент — с. Нижний Джалган, нам с коллегами удалось установить контакт с многими носителями митаги-джалганского языка (так как практически все пассажиры оказались жителями с. Нижний Джалган) и наладить полезные связи, что оказало положительное влияние на ход экспедиции.

В 2022 г. ближе к середине экспедиции мы обратились в администрацию Дербентского района, чьи представители оказали нам неоценимую поддержку. Они организовали нам транспортное сопровождение, что позволило достичь ряда важных локаций — бывшего горско-еврейского села Ньюди, сел Верхний Джалган, Нижний Джалган и Митаги (в котором также проживают носители митаги-джалганского языка). Сотрудники администрации помогали нам в организации видео- и аудиозаписи монологов и диалогов на исследуемых языках. Особенно ценно было то, что они могли вести диалог на азербайджанском языке с пожилыми носительницами митаги-джалганского языка и языка джуури, которые плохо владеют русским языком, но понимают азербайджанский. Благодаря помощи сотрудников администрации мы смогли познакомиться со многими носителями исследуемых языков, которые стали нашими помощниками в дальнейшей работе. Эта поддержка оказала значительное влияние на продвижение исследования и позволила нам эффективнее взаимодействовать с сообществами носителей исследуемых языков.

При работе непосредственно с языками мы руководствовались идеей документации с целью ревитализации (Аралова и др. 2021). Мы стремились создать более полный и разнообразный лингвистический архив, поэтому в процессе сбора материалов не ограничивались только аудиозаписями. Мы активно применяли видеозапись для документирования монологов и диалогов, с тем чтобы далее добавить субтитры и опубликовать эти видеоматериалы на популярных видеохостингах. Это делает языковой материал более доступным для широкой аудитории, включая носителей языка. Помимо этого, мы собирали материалы для создания разговорников и небольших словарей. В 2023 г., расширяя наши исследования, мы обратили внимание на детскую речь и речь, обращенную к детям (о важности документации такого языкового материала см. (Pue 2021) среди прочих). Для амухского диалекта мы подобрали и записали фразы для разговорника по

речи, обращенной к детям, а для митаги-джалганского языка записали несколько диалогов между взрослым и ребенком.

3 Результаты экспедиций

В данном разделе мы представим краткий обзор имевшихся до экспедиций сведений об исследуемых идиомах, а также расскажем о новых данных, которые мы смогли собрать в ходе экспедиций. На карте 1 показаны ареалы распространения идиомов, с которыми мы работали.

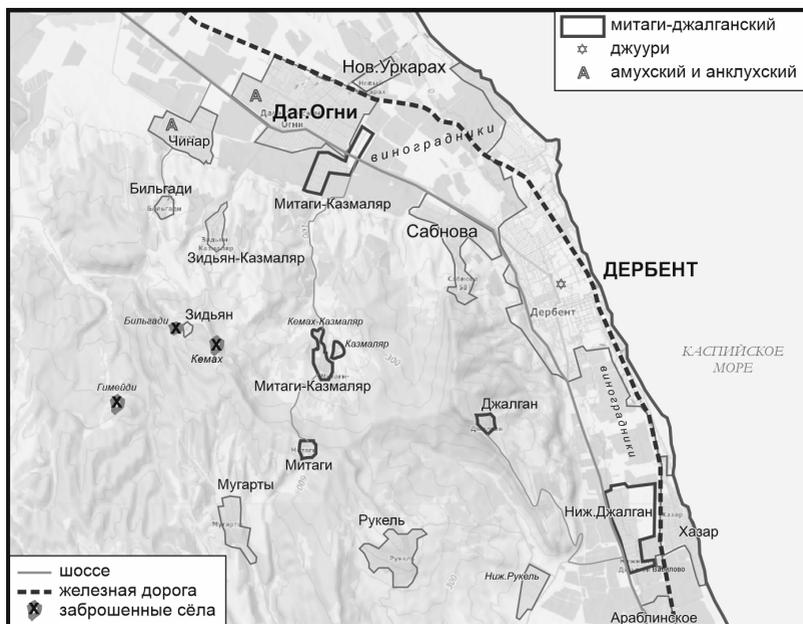

Рис. 1: Окрестности Дербента с ареалами амухского и анклухского диалектов, митаги-джалганского языка и языка джуури

3.1 Амухский и анклухский диалекты

Амухский и анклухский диалекты — одни из наиболее слабо исследованных диалектов цудахаро-сирхинского языка¹ (< даргинские языки). Ранее носители данных диалектов компактно проживали в селах Амух и Анклух Агульского района Республики Дагестан. Ныне село Анклух является заброшенным, а в Амухе проживает лишь несколько человек. Большая часть населения сел переселилась на равнину — в с. Чинар Дербенского района и в г. Дагестанские Огни.

По амухскому и анклухскому диалектам имеется несколько статей И. А. Курбанова (Курбанов 2015a,b, 2016, 2019), который является носителем анклухского диалекта, а также ранняя работа о консонантизме амухского диалекта (Гасанова 1981). Диалектологический словарь С. М. Темирбулатовой (Темирбулатова 2021) содержит некоторый лексический материал по амухскому диалекту. Другие опубликованные данные об амухском и анклухском диалектах в настоящее время отсутствуют.

В ходе экспедиций нами было записано более 10 часов речи на амухском диалекте и около 7 часов речи на анклухском диалекте. Также у пяти носителей данных диалектов нами были собраны социолингвистические анкеты в формате глубинного интервью; все эти носители старше 45 лет.

Результаты социолингвистических интервью выявили следующее. Своим родным языком опрошенные считают амухский / анклухский диалект; исключением является носительница анклухского диалекта, родившаяся уже в с. Чинар, которая считает своим родным языком русский, потому что она думает на нем и ей удобнее на нем разговаривать. Отсутствие песен на амух-

¹То, что «даргинский язык» корректнее считать группой, состоящей из нескольких языков, было показано несколькими исследователями (из последних работ см., в частности, (Муталов 2021; Коряков 2021; Malyshev et al. 2019). Границы цудахаро-сирхинского языка для исследователей пока не до конца ясны: в (Муталов 2021) в состав цудахарско-сирхинского языка предположительно включаются также такие идиомы, как санжинский, ицаринский, амузгинский и ширинский, тогда как сайт «Малые языки России» (<https://minlang.iling-ran.ru/>) с опорой на мнение Д. С. Ганенкова ставит под сомнение включение в состав цудахарско-сирхинского языка кункинского, амухского и хуццкого диалектов. По классификации даргинских языков, представленной в (Коряков 2021), цудахаро-сирхинский соответствует трем языкам: цудахарскому, усшабутринскому и юго-западно-даргинскому языкам. Последний как раз включает амухский и анклухский диалекты.

ском / анклухском диалекте и тот факт, что немногие помнят сказки, которые рассказывали их бабушки на диалекте, подчеркивают уменьшающееся влияние языковой культуры на среднее и молодое поколение амухцев и анклухцев. Внуки опрошенных нами носителей уже практически не владеют диалектами. До школы все опрошенные нами носители диалектов разговаривали исключительно по-даргински, однако в школах в сс. Амух и Анклух родной язык не преподавался, обучение велось на русском языке. Таким образом, большинство амухцев и анклухцев практически не владеют даргинской письменностью, однако многие опрошенные нами носители хотели бы улучшить свои знания. При этом амухцы и анклухцы отмечают низкий уровень понимания акушинского диалекта, который лег в основу даргинского литературного языка.

Стоит отметить, что среди амухцев и анклухцев распространено также знание агульского языка. Что касается русского языка, то, как отмечают опрошенные, он представляет собой неотъемлемую часть повседневной жизни дагестанцев; большинство на вопрос «Какие языки, по Вашему мнению, необходимы Вам в жизни?» первым делом отвечали про русский язык. Тем не менее, русский, как кажется, доминирует не во всех сферах публичной жизни амухцев и анклухцев: некоторые подчеркивают неловкость использования русского языка на религиозных праздниках и похоронах. Кроме того, опрошенные нами носители общаются на диалектах со старшими родственниками.

Что касается возможностей ревитализации диалектов, то у опрошенных нами носителей отсутствует стремление расширять сферу применения диалектов. Все опрошенные отмечают, что усвоение этих диалектов происходит исключительно в семье, и на введение занятий по диалектам в школах и детских садах смотрят скептически из-за того, что в с. Чинар и в г. Дагестанские Огни представлено этнически разнородное население. Некоторые опрошенные нами носители замечают и снижение использования даргинского языка в целом (в этом плане показательна цитата из одного записанного нами интервью: «Табасаранцы почти всегда по-своему разговаривают, а наши [даргинцы] почти всегда по-русски»).

В настоящее время мы активно занимаемся расшифровкой записанных текстов, которые были собраны в ходе экспедиций. Мы сотрудничаем с пожилым носителем анклухского диалекта, и

наш метод оказался успешным: записанные тексты отправляются носителю, он транскрибирует их, используя даргинскую письменность, которую самостоятельно выучил в молодости.

3.2 Митаги-джалганский язык

Митаги-джалганский (язык татов-мусульман Дагестана) относится к татской (татоидной) группе, входящей в состав юго-западной ветви иранских языков. Носители этих языков достаточно четко различаются по конфессиональной принадлежности: на митаги-джалганском и других татских говорят мусульмане и христиане (Армянская церковь), на джуури — горские евреи. Долгое время в советском языкознании эти языки считались диалектами одного татского языка, соответственно южным (мусульманско-татским) и северным (еврейско-татским). Однако сами носители языков считают себя разными этническими группами, а свои языки — самостоятельными. Взаимопонятность между ними нарушена, а по данным лексикостатистики, процент совпадений между разными диалектами джуури и татского колеблется в пределах 84–87%, что также достаточно для признания их отдельными языками. Более того, процент совпадений между разными идиомами татов-мусульман неодинаков и позволяет выделить как минимум три языка: восточнотатский (включающий северные, центральные и апшеронские диалекты), ширванско-татский (оба в Азербайджане) и митаги-джалганский (Koguyakov 2022).

Изучение языков татов-мусульман было начато в начале XX века В. Миллером (В. Ф. Миллер 1905, 1907) и продолжено его сыном Б. Миллером (Б. В. Миллер 1929, 1945), затем этими языками занимался А. Л. Грюнберг (Грюнберг 1963; Грюнберг, Давыдова 1982). Единственным изданным словарем является азербайджаноязычный словарь восточнотатского (А. К. Soltanov, М. С. Soltanov 2013). Уже в XXI веке появился ряд исследований в Азербайджане, среди которых стоит отметить первые описание апшеронского (Mammadova 2017) и ширванско-татского (Suleymanov 2020). Однако по митаги-джалганскому языку Дагестана, распространенному в двух сельских кластерах — в сс. Джалган и Нижний Джалган к югу от Дербента и сс. Митаги и Митаги-Казмаляр к северо-западу от Дербента — не опубликовано ни одного лингвистического описания.

В ходе экспедиций мы записали около 8 часов речи на джалганском и митагинском диалектах этого языка и взяли социолингвистическое интервью у трех носителей. Сообщество татов-мусульман Дагестана имеет достаточно сложную идентичность. Многие идентифицируют себя как азербайджанцев (что отражается также в результатах переписей), некоторые называют себя персами; при этом название «таты» практически не встречается. В отношении названия их языка также существует разнообразие мнений: некоторые называют его «фарси» (фарс, фарсидский), большинство же просто используют названия, производные от мест проживания: «джалганский» и «митагинский»; название «татский» практически не пользуется, под ним понимается или язык джуури, или язык татов Азербайджана. Поэтому нами было принято решение использовать составное название для этого языка: «митаги-джалганский».

Несмотря на сложности с идентичностью, митаги-джалганский язык достаточно хорошо сохранился. Подростки используют его в повседневной коммуникации; в 2023 г. мы даже собирали некоторые грамматические анкеты у школьников средней школы. Однако среди детей более младшего возраста уже намечается тенденция к утрате активного владения языком, хотя навыки его понимания сохраняются. Джалганцы отмечают, что в последние годы жители с. Митаги и окрестностей все больше переходят на азербайджанский язык.

В школе носители языка в качестве родного языка изучают азербайджанский. В целом носители положительно относятся к идее введения митаги-джалганского языка в школе и детском саду, однако этому предстоит значительный объем работы. В отличие от языка джуури, митаги-джалганский язык остается бесписьменным. Тем не менее, носители активно используют свой язык в мессенджерах, передавая свой язык письменно, используя кириллические символы. Один носитель языка школьного возраста, с которым мы работали, разработал собственную систему письменности, которая включает в себя также символы из азербайджанского алфавита на латинице. В 2023 г. мы начали обсуждать с носителями варианты письменности, более близкие к письменности джуури, однако вопрос письменности все еще остается актуальным и требует дополнительных исследований.

Ранее, как утверждается, еще в начале XX века, на татском говорили и в других соседних селах: сс. Бильгади, Зидьян, Кемах,

Гимейди, Рукель и, возможно, Мугарты. В 2023 г. мы посетили с. Бильгади, которое в прошлом имело другое местоположение, ближе к с. Митаги, но в 1930-х гг. жители села переселились на равнину недалеко от с. Чинар. Жители села полностью перешли на азербайджанский язык и идентифицируют себя как азербайджанцев. Даже самые пожилые жители села не могут вспомнить случаев, когда их бабушки и дедушки говорили на татском языке. Тем не менее, в сознании местных жителей остаются воспоминания о том, что в прошлом в Бильгади использовался татский язык. Однако существует убеждение, что на этом языке говорили евреи, с которыми жители ныне себя не ассоциируют.

3.3 Язык джуури

Носители джуури (горско-еврейского) сосредоточены в настоящее время в Дербенте и Махачкале, а также разбросаны по другим городам Северного Кавказа и остальной России. Ранее в Дагестане было несколько компактных поселений горских евреев; в 2022 г. мы посетили одно из таких поселений — с. Ньюгди, — в котором проживает лишь несколько еврейских семей. Кроме того, в Азербайджане джуури распространен в поселке Красная Слобода, пригороде Кубы, а ранее на нем говорили также в нескольких локациях к югу от Кавказского хребта (Варташен, Мюджю-Хяфтяран, Шамахи и др). Многие горские евреи из Азербайджана переехали в Дагестан. Примечательно, что местные жители отмечают, что прибывшие из Азербайджана евреи сохраняют более хорошее владение своим родным языком.

В 1930-е годы язык горских евреев «объединили» с языком татов-мусульман под названием «татский язык», и, так как про митаги-джалганских татов было практически ничего неизвестно, название «татский язык» в Дагестане стало ассоциироваться именно с языком джуури. Несмотря на то, что он был литературным языком в Дагестане, он оставался практически неопианным с научной точки зрения. В 1997–2021 гг. был издан ряд словарей на основе, в основном, дербентского и кубинского говоров. Единственной современной грамматикой остается работа Жюля Отье (Authier 2012).

В ходе экспедиции в 2022 г. мы сделали не так много записей на языке джуури — суммарно чуть более 2 часов. В 2023 г. мы не делали записей на языке джуури.

В Дагестане горские евреи сталкиваются с постепенной утратой своего родного языка. Подавляющее большинство детей уже не говорят на нем, и этот процесс ускоряется с течением времени. В настоящее время джуури не представлен в школьном образовании. Дополнительной проблемой становится эмиграция горских евреев в Израиль и другие страны, что дополнительно способствует отдалению от их родного языка и культурного наследия. Среди этих обстоятельств важную роль может сыграть детский сад, работающий при синагоге Келе-Нумаз. Этот садик, как нам показалось, имеет потенциал для создания полноценного языкового гнезда для языка джуури. Однако, как мы наблюдали, язык джуури редко используется в работе преподавателями данного детского сада. Основное внимание уделяется религиозной тематике и ориентации на иврит.

4 Заключение

Экспедиции в Дагестан в 2022–2023 гг. стали значительным шагом в направлении сохранения и документации нескольких малоизученных и уязвимых языков и диалектов этого региона. Создание аудио- и видеоматериалов, а также разработка разговорников способствуют сохранению и распространению знаний о языках и диалектах, что может помочь их ревитализации.

Рассмотренные языки представляют собой три разных случая относительно своего социолингвистического статуса. Митаги-джалганский язык находится в наиболее благоприятном положении, так как носители этого языка сохранили компактные поселения и используют его в повседневной коммуникации. Тем не менее, даже у этого языка наблюдается снижение его активного использования среди более молодого поколения. Ситуация с амухским и анклухским диалектами является наиболее уязвимой. Джуури также находится в уязвимом положении, однако обладает потенциалом для продвижения, подкрепленного доступом к ресурсам и образовательным возможностям.

Литература

- Аралова Н. Б., Будянская Е. М., Сюрюн А. А., Груздева Е. Ю. (2021). *Как документировать языки, чтобы их сохранить. Методические рекомендации по сбору материала для потенциальной поддержки и ревитализации миноритарных языков*. URL: https://iling-ran.ru/library/revitalization/aralova_et_al_documenting_languages.pdf (дата обр. 01.09.2023).
- Гасанова С. М. (1981). «Особенности системы согласных амукского диалекта». *Фонетическая система дагестанских языков*. Под ред. Б. Б. Талибова. Махачкала: Дагестанский филиал Академии наук СССР. 143–150.
- Грюнберг А. Л. (1963). *Язык североазербайджанских татов*. Л.: Изд-во Академии наук СССР.
- Грюнберг А. Л., Давыдова Л. Х. (1982). «Татский язык». *Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки*. Под ред. В. С. Расторгуевой. М.: Наука. 231–236.
- Коряков Ю. Б. (2021). «Даргинские языки и их классификация». *Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова*. Под ред. Т. А. Майсака, Н. Р. Сумбатовой, Я. Г. Тестельца. М.: Буки Веди. 139–154.
- Курбанов И. А. (2015а). «Именные части речи в анклухском и амукском диалектах даргинского языка». *Путь науки* 10. 80–83.
- (2015b). «К вопросу об анклухском и амукском диалектах даргинского языка». *Путь науки* 9. 79–81.
- (2016). «Личные формы глагола в анклухском и амукском диалектах даргинского языка». *Общественные науки* 1. 160–167.
- (2019). «Падежная система анклухского и амукского диалектов даргинского языка». *Вестник Пятигорского государственного университета* 1. 83–90.
- Миллер Б. В. (1929). *Таты, их расселение и говоры (материалы и вопросы)*. Баку: Общество обследования и изучения Азербайджана.
- (1945). «Татские тексты». *Иранские языки I*. Под ред. И. И. Мещанинов. М.; Л.: Академия наук СССР. 107–126.
- Миллер В. Ф. (1905). *Татские этюды. Часть I. Тексты и татско-русский словарь*. М.: Типография В. А. Гатцук.

- Миллер В. Ф. (1907). *Татские этюды. Часть II. Опыт грамматики татского языка*. М.: Типография В. А. Гатцук.
- Муталов Р. О. (2021). «Классификация даргинских языков и диалектов». 10-е заседание Дискуссионно-аналитического клуба по вопросам языковой политики, Институт языкознания РАН.
- Темирбулатова С. М. (2021). *Диалектологический словарь даргинского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДФНЦ РАН, Алеф.
- Authier G. (2012). *Grammaire juhuri, ou judéo-tat, langue iranienne des Juifs du Caucase de l'est*. Wiesbaden: Ludwig Reichert.
- Koryakov Y. B. (2022). “Derbent-area Tatic: sociolinguistics and affiliation”. HSE ConLab seminar, Moscow.
- Malyshev V., Malysheva V., Gutz A., Novaya I., Panina A., Yurkova A., Clifton J. M., Tiessen C. (2019). *The Sociolinguistic Situation of the Dargwa in Dagestan*. Vol. 2019-011. SIL electronic survey reports. Dallas, TX: SIL International.
- Mammadova N. (2017). *Éléments de description et documentation du tat de l'Apshéron, langue iranienne d'Azerbaïdjan*. Paris: Université Sorbonne Paris Cité.
- Pye C. (2021). “Documenting the acquisition of indigenous languages”. *Journal of Child Language* 48. 454–479.
- Soltanov A. K., Soltanov M. C. (2013). *Tati-türki, türki-tati lügət. Ə'riüsküş – Dağ Quşçı ləhceyi. Tatca-azərbaycanca, azərbaycanca-tatca lügət*. Bakı: Qanun Nəşriyyatı.
- Suleymanov M. (2020). *A Grammar of Şirvan Tat*. Wiesbaden: Ludwig Reichert.

Две стратегии образования exceed-компаративов в языке натиоро*

Вадим Викторович Дьячков

Институт языкознания РАН;

МГУ имени М.В. Ломоносова

В статье рассматриваются свойства компаративных конструкций в языке натиоро (гур), которые образуются с помощью глаголов со значением 'превосходить'. Исследуются базовые синтаксические отличия между двумя конструкциями, которые заключаются в том, что в одном случае клауза, выражающая стандарт сравнения, адъюнгируется к главной клаузе, а во втором номинализованный лексический глагол сопоставляется с именным стандартом внутри простой клаузы. Также высказывается гипотеза о логических отличиях между двумя конструкциями. В конструкциях первого типа глагол 'превосходить' опционально присоединяет стандарт сравнения и связан с семантикой интенсификации, в то время как конструкции второго типа представляют собой более типичную конструкцию сравнения.

Two types of exceed-comparatives in Natioro: syntactic and semantic distinctions

Vadim V. Dyachkov

Institute of Linguistics RAS; Lomonosov MSU

The article deals with the properties of comparative constructions in Natioro (Gur), which are formed using the verbs with the meaning 'to exceed'. The basic syntactic distinctions between the two constructions are investigated. Construction of the first type are clauses expressing the standard of comparison is adjuncted to the main clause. In constructions of the second type, the nominalized lexical verb is compared to a nominal standard within a simple clause. I also put forward a hypothesis about the logical differences between the two constructions. In constructions of the first type, the 'exceed' verb optionally attaches a comparison standard and is associated with intensification semantics, while constructions of the second type represent a more typical comparative construction.

*Исследование поддержано грантом РФФ № 22-18-00285.

1 Введение

Настоящая статья представляет собой исследование проблемы exceed-компаративов в языке натиоро. Этот малоописанный язык принадлежит к семье гур (Западная Африка); его носители компактно проживают на территории Республики Буркина-Фасо.

Exceed-компаративами называют сравнительные конструкции, которые образуются с помощью глаголов со значением 'превосходить' (Stassen 2013). Такие компаративы распространены в языках Африки, где в целом синтетические средства выражения компаративных значений достаточно редки. В исследуемом языке существует как минимум две стратегии образования exceed-компаративов, и цель настоящей работы — сделать первые шаги на пути выявления существенных отличий между ними.

Статья устроена следующим образом. В разделе 2 мы опишем существующие в натиоро стратегии образования exceed-компаративов. В разделе 3 мы опишем синтаксические отличия между ними. Раздел 4 посвящен обсуждению семантических свойств конструкций. Раздел 5 обобщает полученные результаты.

Данные, которые описываются в настоящем исследовании, получены в ходе полевой работы автора в 2022–2023 гг. с консультантом, который является носителем диалекта деревни Темба (язык-посредник — французский).

2 Инвентарь exceed-компаративов

В языке натиоро exceed-компаративы представлены двумя стратегиями, которые отличаются друг от друга базовыми синтаксическими свойствами. Их мы будем далее называть TEN- и LAKA-компаративами (по глагольному элементу, который употребляется в них).

При базовом порядке слов SVO, TEN-компаративы являются переходными клаузами, в которых субъект и объект разделяет последовательность лексического глагола и глагола 'превосходить' (последние мы будем называть компаративными глаголами). LAKA-компаративы являются сложной предикацией, в которой за лексическим глаголом следует зависимая клауза. Ее субъект выражается согласуемым с субъектом главной клаузы местоимением, которое клитизируется к глаголу 'превосходить', за кото-

рым, в свою очередь, следует стандарт сравнения, маркируемый дативным послелогом. Структурные схемы даны в (1).

- (1) TEN-компаративы: S + V + tɛ̃ⁿ + DO
 ЛАКА-компаративы: S + V + S = lākā + N + DAT

Оба глагола ‘превосходить’ могут подвергаться тоновым чередованиям, природу которых мы не будем рассматривать в данной статье. В конструкциях обоих типов могут употребляться не только качественные лексемы (прилагательных как отдельного синтаксического класса в натиоро нет), но и обычные глаголы. Примеры конструкций приведены ниже. В (2) представлена предикация с положительной (т. е. не-компаративной) формой, в (3) — ее компаративный вариант. ЛАКА-компаративы иллюстрируются в (4).

- (2) *mádū lāmbiŋ-gā*

Маду быть_высоким-КА

‘Маду высокий.’

- (3) *mádū lāmbī tɛ̃ⁿ zàkí*

Маду быть_высоким превосходить Заки

‘Маду выше Заки.’

- (4) *má wólí = ː má = lākā nà = : t̄*

2SG есть.PFV = MED 2SG = превосходить 1SG.POSS DAT

‘Ты ешь больше меня.’

Качественные лексемы делятся на два класса, см. таблицу 1.

	основа	атрибутивная форма	предикативная форма
А	<i>kpété</i> ‘стать коротким’	<i>kpētē-nā</i> стать_коротким-ATTR	<i>kpété-kā</i> стать_коротким-КА
Б	<i>pāⁿ</i> ‘большой’	<i>pāⁿ</i> большой	<i>kā-pāⁿ</i> КА-большой

Таблица 1: Классы прилагательных в натиоро

Первый из них (класс А) состоит из глаголов, которые, употребляясь в атрибутивной позиции, требуют суффикса *-na*, а в позиции клаузуального сказуемого — суффикса *-ka*. Лексемы второго класса (класса Б) имеют практически те же свойства, что

существительные. В атрибутивной позиции они следуют за определяемым именем, а в предикативной требуют семантически пустого префикса *ka-*.

3 Синтаксические отличия

В данном разделе мы рассмотрим синтаксические отличия между двумя типами компаративов. Мы утверждаем, что эти отличия сводятся к следующим обобщениям:

1. TEN-компаративы являются переходными предикациями, в которых субъект — номинализированный лексический глагол, а объект — стандарт сравнения;
2. LAKA-компаративы являются конструкциями с клаузой адъюнктивного контроля.

Синтаксические тесты, которые позволяют сделать данные утверждения, сводятся к употреблению синтаксических падежей. В натиоро отсутствует словоизменение существительных, однако местоимения имеют достаточно сложную систему склонения. Для наших целей необходимо иметь в виду, что систематически различаются формы местоимений 1 лица (номинативная / генитивная форма *nà* vs форма обликвуса *nā-mī*) и 3 лица (номинатив *ā* vs генитив *tā* vs обликвус *ndū*). Последовательно применим эти тесты, замещая участников местоимениями.

В TEN-компаративах стандарт сравнения оформляется обликвусом — падежом прямого объекта:

- (5) *má làmbī* *tēⁿ* *nā-mī*
 2SG быть_высоким превосходить 1SG-OBL
 ‘Ты выше меня.’

Субъект сравнения оформляется нулевым падежом (6), что контрастирует с положительными формами прилагательных (7). В последнем случае субъект должен быть оформлен обликвусом, но не нулевой формой.

- (6) *nà* / **nā-mī làmbī* *tēⁿ* *mā*
 1SG 1SG-OBL быть_высоким превосходить 2SG
 ‘Я выше тебя.’

- (7) $n\bar{a}-m\bar{i}$ / $*n\bar{a}$ $\lambda\bar{a}mb\bar{i}j-g\bar{a}$
 1SG-OBL 1SG быть_высоким-КА
 ‘Я высокий.’

Прилагательные класса Б требуют в компаративных конструкциях особого элемента $n\bar{i}m\bar{i}$, который следует за лексическим глаголом, см. (8). Субъект также оформляется нулевой формой, но не обликвусом, хотя в положительной форме он должен быть оформлен обликвусом, как в (9).

- (8) $n\bar{a}$ / $*n\bar{a}-m\bar{i}$ $k\bar{a}-p\bar{a}^n$ $n\bar{i}m\bar{i}$ $t\bar{e}^n$ $m\bar{a}d\bar{u}$
 1SG 1SG-OBL КА-большой состояние.NEUT превосходить Маду
 ‘Я толще, чем Маду.’

- (9) $n\bar{a}-m\bar{i}$ $k\bar{a}-p\bar{a}^n$
 1SG-OBL КА-большой
 ‘Я толстый.’

Элемент $n\bar{i}m\bar{i}$ в таких компаративах следует трактовать как лексему с абстрактным значением ‘состояние’. Он встречается во многих композитах и образует единицы со значением ‘состояние или активность, связанная сущностью, называемой основой существительного’. Пример такого композита приведен в (10). В этом случае фигурирует показатель единственного числа *-wa*. Соответствующую форму без числового показателя в (6) следует трактовать как форму нейтрального (общего) числа, которое также широко распространено в натиоро.

- (10) $y\bar{i}:-s\bar{i}-n\bar{i}m-w\bar{a}$
 деревня-владелец-состояние-SG
 ‘выполнение функций вождя’

Описательной проблемой является отсутствие единообразия в оформлении положительных и компаративных форм: мы видим, что в конструкциях двух типов субъект сравнения маркируется по-разному.

Отличия между двумя стратегиями этим не исчерпываются. В TEN-компаративах невозможны переходные клаузы с базовым порядком SVO (11). В свою очередь, LAKA-компаративы сохраняют структуру исходного предложения и вполне допустимы с переходными глаголами (12).

- (11) * \bar{a} $b\bar{l}\bar{a}$ $y\text{-}\bar{e}$: $t\bar{e}^n$ $n\bar{a}=:$ $t\bar{w}$
 3SG ставить.PFV песня-PL превосходить 1SG DAT
 Ожид.: ‘Он спел песню лучше, чем я.’
- (12) $m\bar{a}d\bar{u}$ $t\bar{u}l\bar{i}$ $w\bar{a}s\bar{a}^n$ $\bar{a}=l\bar{a}k\bar{a}$ ($z\bar{a}k\bar{i}$: $t\bar{w}$)
 Маду получить.PFV деньги 3SG=превосходить Заки DAT
 ‘Маду заработал больше денег (чем Заки).’

Что касается прилагательных класса Б в LAKA-компаративах, они сохраняют все свои морфосинтаксические свойства (13). Прилагательные в таком случае употребляются в своей предикативной префиксальной форме и не требуют прибавления элемента $n\bar{u}m\bar{u}$:

- (13) $n\bar{a}$ $m\bar{s}b\bar{i}l\bar{i}$ $k\bar{a}\text{-}w\bar{u}l\bar{a}$ $w\bar{a}=l\bar{a}k\bar{a}$ $m\bar{a}$ $w\bar{a}^n$ $t\bar{w}$
 1SG автомобиль КА-новый NONH=превосходить 2SG POSS DAT
 ‘Мой автомобиль более новый, чем твой.’

Решение, которое, на наш взгляд, объясняет все асимметрии, состоит в следующем. Мы предполагаем, что LAKA-компаративы являются обычными конструкциями с адьюнктным контролем. Морфосинтаксическое оформление таких конструкций совпадает с оформлением других конструкций, выражающих контроль в натиоро. Пример такой конструкции приведен в (14). Сказуемое зависимой клаузы употребляется в особой форме, которую можно условно назвать субьюнктивом, а главная клауза сохраняет все свои синтаксические свойства. Как мы видели выше, это происходит и в LAKA-компаративах.

- (14) $n\bar{a}$ $\bar{a}k\bar{a}$ $t\bar{a}\text{-}r\text{-}\bar{a}=:$ $\bar{t}\bar{t}=c\bar{e}r\bar{e}$
 1SG поднять.PFV камень-SG 1SG =кинуть
 ‘Я поднял камень, чтобы кинуть.’

В свою очередь, относительно TEN-компаративов мы делаем следующее утверждение: эти конструкции представляют собой переходные клаузы, в которых субъектом является номинализация, а объектом — стандарт сравнения. Ниже мы приведем аргументы в пользу такого анализа.

Синтаксическую структуру можно выявить с помощью конкретноязыковых тестов. Так, в натиоро есть связки, которые располагаются после субъекта и берут в качестве комплемента номинализованные глаголы. Пример такой связки — показатель

прошедшего времени *tʃ*, компонентом которой является глагол с суффиксом *-ka*, функционально эквивалентный причастию. Прямой объект в этом случае располагается до номинализованного глагола. Между субъектом и связкой не может быть вставлен никакой другой элемент. Если показатель *tʃ* оформляет компаративную конструкцию, то только компаративный глагол принимает на себя суффикс *-ka*. Последовательность субъекта сравнения и лексического глагола располагается до связки, что однозначно указывает на статус ее как составляющей и на структурную позицию субъекта.

- (15) *t̄ɪd̄ɪŋā*: [*mādū bōmbōrō*] *tʃ zàkí tē:ŋ-kā*
 раньше Маду быть_толстым PST Заки превосходить-*kā*
 ‘Раньше Маду был толще, чем Заки.’

Последовательность субъекта сравнения и лексического глагола в таком случае, по-видимому, должна трактоваться как генитивная конструкция. Если это так, предсказание анализа состоит в том, что если в языке есть специальные формы посессора или обладаемого, отличные от других форм имен, то именно они будут представлены в компаративной конструкции.

Это предсказание выполняется. В натиоро есть специальные формы генитивных местоимений, и именно они, а не номинативные формы, употребляются в компаративных конструкциях:

- (16) *tà/ *ā kā-pāⁿ n̄m̄ tēⁿ*
 3SG.POSS 3SG КА-большой состояние.NEUT превосходить
nā-mī
 1SG-OBL

‘Он толще, чем я (букв. его толщина превосходит меня).’

Таким образом, мы заключаем, что последовательность субъекта сравнения и лексического глагола является генитивной конструкцией. Это позволяет единообразно объяснить следующие факты. Во-первых, прямое объяснение получает отсутствие показателя обликвуса на субъектах компаративных конструкций. Как было показано выше, этот показатель обязателен в конструкциях с некомпаративными формами (и, шире, с любыми именными сказуемыми). При анализе конструкции как генитивной форма *nā* в примерах типа (8) является просто притяжательным местоимением, которое сегментно идентично номинативной форме. Во-вторых, невозможность употребить переходные глаголы в

TEN-компаративах объясняется просто — генитивные конструкции неспособны присоединить существительное в постпозиции к лексическому глаголу, поскольку последний, будучи вершиной, требует посессора в препозиции. Клаузы с прямым объектом в препозиции допускались нашим консультантом:

- (17) $t\bar{a}$ $y-\bar{a}=:$ $b\bar{l}-\bar{e}$ $t\bar{e}^n$ $n\bar{a}-m\bar{i}$
 3SG песня-SG ставить-NMLZ превосходить 1SG-OBL
 ‘Он поет лучше меня.’

В-третьих, единообразное объяснение получают конструкции с прилагательными как класса А, так и класса Б. В обоих случаях вершиной номинализации является имя – в случае прилагательных класса А это номинализированный глагол, а в случае прилагательных класса Б это абстрактная лексема $n\bar{i}t\bar{i}$ ‘состояние’. Тот факт, что в этих конструкциях употребляется именно форма нейтрального числа, может быть предметом отдельного исследования.

Наконец, анализ в терминах номинализации не находится в противоречии с общей структурой клаузы в натиоро. Если предположить, что, к примеру, $t\bar{e}^n$ является не полноценным, а грамматикализованным глаголом или суффиксом, такая схема грамматикализации требует дополнительного объяснения. Натиоро, будучи языком SVO, грамматикализует левые, но не правые глаголы в полипредикативных конструкциях, и, таким образом, грамматикализация $t\bar{e}^n$ как самого правого глагола в последовательности как минимум необычна.

Таковы в общих чертах синтаксические отличия между двумя стратегиями образования exceed-компаративов. В следующем разделе мы рассмотрим семантические параметры, которые потенциально могут дифференцировать два типа конструкций.

4 Семантические отличия

Существенных семантических отличий между двумя стратегиями выявлено не было. В литературе известно большое количество логически возможных отличий между компаративами, см., к примеру, обзор в (Kennedy 2009). Одной из гипотез исследования было то, что стратегии могут отличаться по параметру скрытого / открытого сравнения, однако эта гипотеза не подтверди-

лась. Еще одной гипотезой исследования было предположение о том, что разные компаративы могут быть привязаны к разным шкалам — например, ассоциируемым с разными таксономическими классами предикатов. Эта гипотеза также не получила подтверждения, поскольку в целом ограничений на семантический класс предиката нет и оба компаративных глагола могут сочетаться практически со всеми прагматически допустимыми лексическими глаголами.

Единственное валидное обобщение, по-видимому, заключается в том, что шкала, которую модифицирует компаративный глагол, должна быть открыто выражена в клаузе. К примеру, (18) недопустимо, поскольку ситуация ‘Сата превзошла Минату в подметании дома’ прагматически странная. Если в клаузе появляется открыто выраженный лексический глагол ‘быть долгим’, как в (19), компаративная конструкция с глаголом ‘подметать’ становится приемлемой.

- (18) **siātā féndé-sí* sw-â wá = lā-kā
 Сата быть_чистым-CAUS.PFV дом-SG 3SG = превосходить
mīnātā t̄
 Мината DAT
 ‘#Сата превзошла Минату в подметании полов.’

- (19) *siātā fé* sw-â féndé-si-ā-sī
 Сата быть_долгим.PFV дом-SG.POSS быть_чистым-CAUS-NMLZ-LOC
á = lākā mīnātā t̄
 3SG = превосходить Мината DAT
 ‘Сата подметала пол дольше, чем Мината.’

Не отличаются два типа компаративов также и по набору возможных функциональных элементов, которые они могут присоединять. Как TEN-, так и LAKA-компаративы могут присоединять стандарты — мерные выражения:

- (20) *mādū lāmbī* t̄ⁿ mētēē jūndī
 Маду быть_длинным превосходить метр два
 ‘Маду выше двух метров.’

- (21) *mādū lāmbij-gā* á = lākā mētēē jūndī t̄
 Маду быть_длинным-КА 3SG = превосходить метр два DAT
 ‘Маду выше двух метров.’

Также оба типа компаративов способны сочетаться с дифференциалами — выражениями, описывающим числовую разницу по сравниваемому параметру:

- (22) *nà* *b̄ṣ:r̄s̄* *túⁿwíⁿ* *wá = lākā̄/*
 1SG.POSS мешок быть_тяжелым NONH = превосходить
tēⁿ *mā* *wāⁿ* (*t̄*) *kīlō* *sūsū*
 превосходить 2SG.POSS POSS DAT килограмм пять
 ‘Мой мешок тяжелее твоего на пять килограммов.’

Наконец, обе компаративных конструкции не могут присоединять клаузальные стандарты сравнения. Этот факт в целом следует автоматически из морфосинтаксического оформления стандарта — в случае LAKA-компаративов он оформляется дативным послелогом, который не может брать клаузальный элемент. TEN-компаративы теоретически могли бы соединяться с номинализрованными клаузами, однако финитные клаузы они присоединять не могут.

- (23) **mādū* *kā-pāⁿ* *nūmū* *tēⁿ* *ā*
 Маду КА-большой состояние.NEUT превосходить 3SG
t̄ *t̄nd̄ngā:* `
 быть.PST раньше
 Ожид.: ‘Маду толще, чем раньше.’

Таким образом, согласно имеющимся данным, два вида exceed-компаративов не отличаются в натиоро ни по каким известным в теоретической литературе семантическим параметрам. Тем не менее, на наш взгляд, перспектива дальнейшего исследования заключается именно в установлении логико-семантических отличий между стратегиями. Некоторые данные указывают на то, что композиция компаративных конструкций может быть устроена принципиально различным образом. Не имея возможности предложить исчерпывающий анализ в рамках настоящей работы, ниже мы кратко охарактеризуем наблюдаемые отличия.

Прежде всего, LAKA-компаративы выделяются тем, что их типичные употребления связаны, по-видимому, не с семантикой сравнения, а с семантикой интенсификации. Выше мы упоминали о том, что группа стандарта сравнения у LAKA-компаративов опциональна. В имеющейся в нашем распоряжении коллекции текстов на натиоро (ок. 2,5 часов звучащей речи) бóльшая часть употреблений конструкции — это как раз высказывания, где стан-

дарт сравнения отсутствует. Они переводятся выражениями вида ‘ситуация S происходит в степени выше стандарта (= очень, чрезмерно)’. Пример приведен в (24). Из сказанного следует, что возможный вариант анализа LAKA-компаративов — такой, при котором глагол *lākā* является степенным оператором, берущим пропозицию в свою сферу действия и сопоставляющим ей некоторую повышенную степень. В квазиформальном виде это можно представить как в (25). При таком анализе группа стандарта — это клаузальный адьюнкт, и как именно он входит в композицию клаузы, является отдельным исследовательским вопросом.

- (24) *álī à lāmbīj wá = lākā lē =: mí*
 даже сом быть_длинным.PFV NONH = превосходить NEG 2PL
bīlā wā wū d̄:nī
 ставить.IMP NONH немного немного
 ‘Даже если она [= песня] не слишком длинная, вы спойте ее немного.’

- (25) *mádū s̄ā:kā á = lākā zàkī t̄*
 Маду старый-КА 3SG = превосходить Заки DAT
 ‘Маду старше Заки.’
 (1) ||Madou is old|| = $\lambda d.$ oldness(Madou) > d
 (2) ||LAKA|| = $\lambda x.\lambda d.d(x)$ & INCREASE(d),
 где INCREASE – функция, увеличивающая степень

TEN-компаративы при этом являются предикатами, сопоставляющими два степенных аргумента, ассоциируемых с участниками. Такой подход сопряжен с определенными теоретическими проблемами — получается, что сопоставляются номинализованная клауза и существительное. При этом имеющиеся данные говорят о том, что первый участник не является существительным, обозначающим релевантное измерение, вопреки анализу (Bochnak 2018). Это видно в (26), где для деривации имени ‘длина’ требуется не нулевая форма, как в компаративах, а суффиксальная номинализация. Это ставит также вопрос о семантике номинализованных форм в компаративах, который мы оставляем для будущего исследования.

- (26) *sāmbē lāmbīⁿ-yā / *lāmbīⁿ*
 измерить.IMP быть_длинным-SG быть_длинным
 ‘Измерь длину!’

5 Заключение

В настоящей работе мы кратко рассмотрели синтаксические и семантические свойства exceed-компаративов в языке натиоро. Мы установили базовые различия между двумя имеющимся в языке стратегиями: при одной из стратегий клауза со стандартом сравнения вводится конструкцией с адьюнктным контролем (что видно по ее поверхностному морфосинтаксису), а при другой стратегии стандарт сравнения является прямым объектом. Во втором случае субъект сравнения является генитивной составляющей в номинализованной конструкции.

Таким образом, компаративы второго типа являются конструкциями, в которой степень, ассоциируемая с номинализованной клаузой, сопоставляется степени, ассоциируемой со стандартом сравнения. Это представляет определенную теоретическую проблему и нуждается в дальнейшем моделировании. Вместе с тем, мы не выявили никаких семантических отличий между двумя типами компаративов (оба типа сочетаются с мерными выражениями, дифференциалами и другими выражениями, характерными для компаративов).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ATTR — атрибутивизатор; CAUS — каузатив; DAT — датив; KA — номинализирующий аффикс *ka*; MED — средний залог; NEUT — нейтральное число; NONH — неодушевленное местоимение; OBL — обликвус; PFV — перфектив; POSS — посессор; REL — релятивизатор; SG — единственное число.

Литература

- Bochnak R. M. (2018). "Two-place exceed comparatives in Luganda". *45th Annual Conference on African Linguistics: ACAL 45*. Ed. by A. Akinlabi, L. J. Downing. Berlin: LangSci Press. 361–375.
- Kennedy C. (2009). "Modes of Comparison". *Papers from the 43rd Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society*. Ed. by M. Elliott, J. Kirby, O. Sawada, E. Staraki, S. Yoon. 141–165.
- Stassen L. (2013). "Comparative constructions". *The World Atlas of Language Structures Online*. Ed. by M. Dryer, M. Haspelmath. Berlin: LangSci Press.

Глаголы падения и лексическая типология фасадности: данные удмуртского языка*

Егор Владимирович Кашкин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;
МГУ имени М. В. Ломоносова

Статья посвящена глаголам падения в татышлинском говоре удмуртского языка, с фокусом на глаголе *kâmas'kânâ*, описывающем падение лицевой стороной вниз. Данные обсуждаются в свете теоретических работ о понятии фасадности, которое относится к выделенной функциональной стороне предметов.

Verbs of falling and lexical typology of frontness: evidence from Udmurt

Egor V. Kashkin

Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences;
Lomonosov MSU

The paper deals with verbs of falling in Tatyshly Udmurt and focuses on the verb *kâmas'kânâ*, which describes falling on the front side. The data are compared to the theoretical discussion of frontness, the latter notion being related to the functional side of an object.

* Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285, выполняемый в МГУ имени М. В. Ломоносова).

1 Введение

В ряде работ о лексической семантике обсуждается признак фасадности. По (Ю. Д. Апресян 1980: 39), он «присваивается именам предметов, имеющих такую выделенную сторону, через которую в норме осуществляется их использование». Например, фасадным объектом является зеркало (в силу наличия той выделенной стороны, которая отражает изображение); нефасадным объектом является палка (в силу отсутствия подобной выделенной стороны). Понятие фасадности, кроме того, обсуждалось в (Fillmore 1968: 89–90; Бычкова 2016; В. Ю. Апресян, Рахилина 2020). Важный вопрос заключается в том, как этот семантический признак отражается на дистрибуции имен.

В работах, выполненных на материале русского языка, в качестве дистрибутивного коррелята фасадность рассматривается интерпретация сочетаний с предлогами *перед* и *за*. Так, согласно (В. Ю. Апресян, Рахилина 2020: 131), для нефасадных объектов сочетание с предлогом *перед* задает локализацию относительно позиции наблюдателя (1а). В случае же фасадных объектов это сочетание относится к локализации относительно функциональной поверхности: например, предложение (1b), как утверждают авторы, предполагает, что столик стоит перед функциональной стороной зеркала. Масштабирование этого дистрибутивного теста на больший список русских существительных предпринято в (Бычкова 2016).

(1) а. *Перед горой лежало озеро.*

б. *Перед зеркалом стоял столик.*

(В. Ю. Апресян, Рахилина 2020: 131)

Тем не менее многие вопросы требуют дальнейших исследований, например:

- Какие дистрибутивные свойства являются диагностическими для определения фасадности?
- Одинаковое ли разбиение объектов на фасадные и нефасадные получится при применении различных диагностик?
- Каковы границы типологического варьирования в этой области?

Не претендуя на решение всех сформулированных вопросов в одной краткой статье, мы попробуем внести вклад в эту дискуссию, обсудив данные о глаголах падения. Под падением в дан-

ном случае понимается неконтролируемое перемещение по воздуху вниз без контакта с поверхностью (ср. рус. *упасть, опрокинуться, рухнуть, свалиться* и др.). Этой семантической группе был посвящен типологический проект, результаты которого суммированы в (Рахилина и др. 2020). В некоторых языках было отмечено имеющее отношение к понятию фасадности лексическое противопоставление падения человека на лицо и на спину (см. упоминание в этой связи ненецкого, корейского и кхмерского языков в Резникова и др. 2020: 40–41). Данные удмуртского языка оказываются в этом отношении несколько богаче, как следует из нашего исследования дистрибуции глагола *kâmas'kânâ*, употребляющегося не только по отношению к падению человека на лицо, но и в некоторых других типах контекстов.

Наше исследование опирается в первую очередь на материал татышлинского говора периферийно-южного диалекта южного наречия удмуртского языка. Данные собраны в экспедициях ОТиПЛа МГУ¹ в 2021–2023 гг. в Татышлинский район Республики Башкортостан (с. Нижнебалтачево, д. Старый-Кызыл Яр, д. Ивановка, с. Новые Татышлы, с. Старокальмиярово, д. Верхнебалтачево, с. Уразгильды). Мы проводили анкетирование носителей языка в рамках фреймового подхода к лексической типологии, предполагающего анализ семантики лексем на основе изучения их сочетаемости (Рахилина, Резникова 2013). Для сопоставления учитывались данные литературного языка, полученные из словарей и корпусов (Udmcorpus²; Webcorpora³). Примеры, полученные при анкетировании, не имеют специальных помет. Татышлинские примеры записываются в фонологической транскрипции экспедиционного проекта. При цитировании примеров из других источников система записи сохраняется.

Статья структурирована следующим образом. В разделе 2 мы кратко охарактеризуем устройство системы глаголов падения в татышлинском удмуртском. Раздел 3 посвящен семантике центрального для статьи глагола *kâmas'kânâ*. В разделе 4 приводится информация о переходном глаголе *kâmanâ*, от которого он образован. В разделе 5 сформулированы итоги.

¹Подробнее о проекте см. <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws/>

²Udmcorpus — Национальный корпус удмуртского языка. Электронный ресурс: <http://udmcorpus.udman.ru/home>. Дата обращения: 20.08.2023.

³Webcorpora — Корпуса удмуртского языка. Электронный ресурс: <http://udmurt.web-corpora.net/>. Дата обращения: 20.08.2023.

2 Глаголы падения в татышлинском удмуртском: устройство системы

Центральными глаголами падения в татышлинском говоре удмуртского языка являются *ús'ə̀nə* (лит. *усыны*) и *poɣraŋə* (лит. *пограны*). Первый из них описывает падение всего субъекта сверху вниз (2), второй — смену вертикального положения на горизонтальное (3).

- (2) *vas'a-len ž'ər-a-z jablok ús'-i-z.*
 Вася-GEN голова-LOC/ILL-POSS.3SG яблоко упасть-PST-3SG
 'Васе на голову упало яблоко.'

- (3) *peres' pispù poɣra-Ø-z.*
 старый дерево упасть-PST-3SG
 'Старое дерево упало.'

Для еще одного глагола — *kɥaʂkanə* (лит. *куашканы*) — прототипические контексты предполагают падение с разрушением (4).

- (4) *šur-len ž'ar-ez kɥaʂka-Ø-z.*
 река-GEN берег-POSS.3SG обрушиться-PST-3SG
 'Берег реки обрушился.'

Также имеется несколько глаголов, описывающих перемещение жидкостей, сыпучих веществ, множественных субъектов некоторых типов, см. о них (Кашкин 2023).

К анализу употреблений глагола *kə́mas'kə̀nə*⁴, для которых релевантно понятие фасадности, мы перейдем далее.

3 Глагол *kə́mas'kə̀nə*

3.1 Контексты падения

Глагол *kə́mas'kə̀nə*, как уже было сказано во Введении, может применяться к падению человека лицом вниз (5); при этом адвербиал с соответствующей семантикой может быть как выражен, так и опущен.

⁴В литературном языке встречаются варианты *кымаськыны* и *кымалскыны*. Семантических различий между ними мы не обнаружили. Их толкования в словаре Udmcorpus также совпадают: 'прокинуться; оказаться вверх дном'.

- (5) *pijaš vāž vāl-e (āmnār-ān-āz) kâma-s'k-i-z.*
 парень пол верх-ILL лицо-INS-POSS.3SG опрокинуть-DETR-PST-3SG
 'Парень упал на пол лицом вниз.'

Интересна и этимологическая справка об этом глаголе. В (Лыткин, Гуляев 1970: 152) он сопоставляется с лексемой коми языка *кымынь* 'ничком, вверх дном' и с общепермским корнем **kim-* 'фасад, верх (посуды)'

В (6) глагол *kâmas'kânâ* не сочетается с адвербиалом, обозначающим падение на спину и потому противоречащим семантике глагола.

- (6) **pijaš vāž vāl-e tâbâr-ān-āz / tâbâr-a-z*
 парень пол верх-ILL спина-INS-POSS.3SG спина-LOC/ILL-POSS.3SG
kâma-s'k-i-z.
 опрокинуть-DETR-PST-3SG

Ожидаемое значение: 'Парень упал на пол на спину.'

В литературных текстах встречаются и примеры с рассматриваемым глаголом, который описывает контролируемое перемещение человека лицом вниз (7). Носителям татышлинского говора это употребление также знакомо (8).

- (7) *Аля кабинет-э бызьы-са мын-й-з но жёк был-э*
 Аля кабинет-ILL бежать-CVB идти-PST-3SG ADD стол верх-ILL
кыма-ськ-и-з, викышгья-ны кутск-и-з.
 опрокинуть-DETR-PST-3SG всхлипать-INF начать-PST-3SG
 'Аля вбежала в кабинет и бросилась на стол, зарыдала.'
 (Udmcorpus: Семён Самсонов. Вужер (1989))

- (8) *žók vāl-e kâma-s'kâ-sa bôrd-i-z.*
 стол верх-ILL опрокинуть-DETR-CVB плакать-PST-3SG
 'Она плакала, уткнувшись лицом в стол.'

Помимо связанных с человеком контекстов, ожидаемых и из типологических данных, *kâmas'kânâ* описывает падение больших неодушевленных предметов из вертикального положения на лицевую сторону (9), ср. запрет на сочетаемость с адвербиалом противоположной семантики в (10). Примеры типа (9) не встретились нам в литературных корпусах, но опрошенные носители татышлинского говора уверенно признают их приемлемыми.

- (9) *škaf kâma-s'k-i-z pič'i nâl vâl-e.*
шкаф опрокинуть-DETR-PST-3SG маленький девушка верх-ILL
'Шкаф упал [дверцами вперед] на маленькую девочку.'
- (10) *škaf ôs-jos-ân-âz vâl-lan' lû-sa*
шкаф дверь-PL-INS-POSS.3SG верх-APPROX быть-CV
*pogra-∅-z / *kâma-s'k-i-z.*
упасть-PST-3SG опрокинуть-DETR-PST-3SG
'Шкаф упал дверцами вверх.'

В части исследованных идиолектов рассматриваемый глагол применим к падению небольших предметов (11). Он предпочтителен по отношению к смене вертикального положения на горизонтальное. В ситуации падения всего субъекта сверху вниз возможна конструкция с деепричастием глагола *kâmas'kânâ*, модифицирующим базовый глагол падения *ûs'ânâ* (12).

- (11) *?sägât / stend / kârtäs'ka kâma-s'k-i-z.*
час стенд фотография опрокинуть-DETR-PST-3SG
'Часы упали циферблатом вниз / Стенд упал текстом вниз / Фотография упала изображением вниз.'
- (12) *st'ena-is' kârtäs'ka kâma-s'kâ-sa ûs'-i-z.*
стена-EL фотография опрокинуть-DETR-CV падать-PST-3SG
'Со стены упала фотография [изображением вниз].'

В сочетании с субъектами, у которых не выделяется четкая лицевая сторона, глагол *kâmas'kânâ* невозможен:

- (13) *s'is' pispû pogra-∅-z / *kâma-s'k-i-z.*
гнилой дерево упасть-PST-3SG опрокинуть-DETR-PST-3SG
'Гнилое дерево упало.'
- (14) *sereg-ân kort kûj pogra-∅-z /*
угол-LOC железо лопата упасть-PST-3SG
**kâma-s'k-i-z.*
опрокинуть-DETR-PST-3SG
'В углу упала лопата.'

3.2 Контексты переворачивания

Помимо контекстов падения, глагол *kâmas'kânâ* используется в контекстах переворачивания⁵, например, по отношению к транспортному средству (машине, телеге, возу, лодке и др.), которое переворачивается колесами вверх либо дном вверх (15).

- (15) *mašina / t'el'ežka kâma-s'k-i-z.*
 машина тележка опрокинуть-DETR-PST-3SG
 'Машина / тележка перевернулась колесами вверх.'

Такие примеры распространены и в корпусах литературного языка, см. (16)–(17). В случае (16), в дополнение к комментариям носителей языка о семантике глагола, онлайн доступен целый ряд русскоязычных новостей о происшествии 20.06.2017 с фотографиями машины, перевернутой вверх колесами.

- (16) ...20-тiй инвожо-е куишь час-э ċукна Дэбес
 двадцать-ORD июнь-ILL три час-ILL утро Дебесы
 ёрос-ын ВАЗ-2110 сюрес съёр-ы кошкы-са,
 район-LOC ВАЗ-2110 дорога зад-ILL уйти-CVV
кыма-ськ-ем.
 опрокинуть-DETR-PST2
 '...20 июня в три часа утра в Дебесском районе ВАЗ-2110 перевернулся, съехав с дороги.'
 (Webcorpora: Иднакар, 2017.06.30)

- (17) *силътoл жутскы-са, нылпи-ос-ын кык пыжъ-ёс*
 буря подняться-CVV ребенок-PL-INS два лодка-PL
кымалск-и-зы.
 опрокинуться-PST-3PL
 '[Жуткое происшествие в Карелии потрясло всю Россию:]
 когда поднялась буря, перевернулись две лодки с детьми.
 [14 детей найдены погибшими].'
 (Webcorpora: Удмурт дунне, 2016.06.30)

⁵В целом удмуртский язык, включая татышлинский говор, обладает достаточно богатой системой глаголов вращения, описывающих движение по круговой траектории различных типов (вокруг внутренней или внешней оси, с полным или неполным оборотом, с однократными или многократными оборотами и др.). Подробнее об этих глаголах см. (Крюкова 2022), об их типологии — (Круглякова 2010).

Кроме того, рассматриваемый глагол описывает ситуации, в которых переворачивается вверх дном контейнер:

- (18) *jagoda-jen meska kâta-s'k-i-z.*
ягода-INS кастрюля опрокинуть-DETR-PST-3SG
'Кастрюля с ягодами опрокинулась [вверх дном].'
- (19) *Оло-кызьы янгыш-а-з — чернильница ковёр*
INDEF-как ошибка-LOC/ILL-POSS.3SG чернильница ковер
был-э кымалск-и-з.
верх-ILL опрокинуться-PST-3SG
'Как-то по ошибке чернильница опрокинулась на ковер.'
(Udmcorpus: Архипов Т. А. Ортчеменыз пумиськон: Повесть, веросьёс. 2005)

Употребление глагола *kâtas'kânâ* в контекстах как падения (перемещения из вертикального положения в горизонтальное), так и вращения (переворачивания), может быть обусловлено сходством траекторий при этих типах движения. Верхняя часть падающего объекта перемещается в этом случае по фрагменту круговой траектории относительно точки его опоры. Схожие соображения высказаны в (Rakhilina et al. 2022: 255), где анализируется пример лексического пересечения между семантическими зонами падения и вращения: в шугнанском языке глагол *gâxtow* сочетает значения 'терять вертикальную ориентацию' ('to lose vertical orientation') и 'поворачиваться' ('to turn'). Еще один известный нам пример пересечения (наличие таковых представляет эмпирическую аргументацию семантических соображений о смежности двух зон) засвидетельствован в мордовских языках: глагол *велямс* означает 'опрокинуться, упасть из вертикального положения' в мокша-мордовском языке и 'вертеться, кружиться' в эрзя-мордовском языке (Жорник, Егорова 2018: 970).

4 Переходный глагол *kâtanâ*

Рассмотрим употребления переходного глагола *kâtanâ*, от которого образован глагол *kâtas'kânâ*. Для глагола *kâtanâ* также важно противопоставление лицевой и нелицевой сторон. Как и его непереходный дериват, он применим к переворачиванию контейнера вверх дном, см. (20)–(22). Довольно частотны в текстах

и в реакциях носителей контексты, связанные с употреблением алкоголя, как (21).

- (20) *mis'k-em* *č'ukâr-me* *žók vâl-e*
 мыть-PTCP.PST чашка-ACC.POSS.1SG стол верх-ILL
kâma-j.
 опрокинуть-PST.1SG

‘Я поставила мытую чашку на стол [вверх дном].’

- (21) *stopka-de* ***kâma-sa*** *ž'û-Ø.*
 рюмка-ACC.POSS.2SG опрокинуть-CVB пить-IMP
 ‘Рюмку пей до дна (букв.: опрокинув, пей).’

- (22) *Žытазе со кыма-м* *пыж ул-э*
 вечером тот опрокинуться-PTCP.PST лодка низ-ILL
пыр-е *вал...*
 зайти-PRS.3SG быть.PST

‘Вечером он залезал под перевернутую лодку...’

(Udmcoopus: П. Блинов. Улэм потэ (1986))

Помимо этого, *kâmanâ* может указывать на каузированное перемещение объекта лицевой стороной вниз (23) или лицевой стороной внутрь, как в (24).

- (23) *žók vâl-e* *fotografija-ze* ***kâma-sa***
 стол верх-ILL фотография-ACC.POSS.3SG опрокинуть-CVB
pon-i-z.
 положить-PST-3SG

‘Он положил на стол фотографию [лицевой стороной вниз].’

- (24) ***kâma-sa*** ***ošâ-nâ*** *u'* *ž'ara.*
 опрокинуть-CVB вешать-INF NEG.PRS.3 быть_возможным
 ‘Лицевой стороной внутрь [одежду] вешать нельзя.’

5 Заключение

Рассмотренный в статье на материале татышлинского говора удмуртского языка глагол *kâmas'kânâ* (как и, судя по имеющимся данным, его литературный аналог) чувствителен к функциональному противопоставлению сторон предмета. Он встречается в

контекстах падения и переворачивания. Этот глагол применяется к падению человека лицом вниз, а также к падению неодушевленных предметов (в первую очередь предметов большого размера, сменяющих вертикальное положение на горизонтальное) на лицевую сторону, если таковая у них выделяется. В контекстах падения таких предметов, у которых нет четко выраженной лицевой стороны, глагол *k̄mas'k̄n̄* невозможен. В контекстах переворачивания *k̄mas'k̄n̄* типично описывает транспортные средства (если они переворачиваются колесами вверх) и контейнеры (принимающие положение вверх дном). У субъектов этих типов также имеются функционально противопоставленные стороны: открытая для наполнения часть и дно у контейнеров, пространство для пассажиров и колеса (или другая непосредственно перемещающаяся часть) у транспортных средств. Тем самым глагол *k̄mas'k̄n̄* во всех своих употреблениях описывает перемещение вниз некой стороной, которая может быть оценена как лицевая. Аналогичные свойства проявляет и производящий переходный глагол *k̄man̄*.

Полученные данные связаны с теоретическим понятием фасадности, которое предполагает противопоставление лицевой и нелицевой сторон, и представляют интересный пример того, как признак фасадности может коррелировать с дистрибуцией лексических единиц.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; APPROX — аппроксиматив; CVB — деепричастие; DETR — детранзитив; EL — элатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; IMP — императив; INDEF — показатель неопределенного местоимения; INF — инфинитив; INS — инструменталис; LOC — локатив; ORD — показатель порядкового числительного; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; PTCP.PST — причастие прошедшего времени; SG — единственное число.

Литература

- Апресян В. Ю., Рахилина Е. В. (2020). «Две стороны фасадности: двери и окна». *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова* 24.2. 136–148.
- Апресян Ю. Д. (1980). *Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели 'Смысл — Текст'*. Wien: Wiener Slawistischer Almanach.
- Бычкова П. А. (2016). *Русские существительные с признаком фасадности*. Курсовая работа. М.: НИУ ВШЭ.
- Жорник Д. О., Егорова А. Д. (2018). «Глаголы падения». *Элементы мохшанского языка в типологическом освещении*. Под ред. С. Ю. Толдовой, М. А. Холодиловой, С. Г. Татевосова, Е. В. Кашкина, А. А. Козлова, Л. С. Козлова, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцевой, И. А. Стенина. М.: Буки Веди. 863–889.
- Кашкин Е. В. (2023). «Глаголы перемещения веществ в татышлинском говоре удмуртского языка». *Пермистика 19: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сборник научных статей*. Под ред. С. А. Сажинной. Сыктывкар: ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН. В печ.
- Круглякова В. А. (2010). «Семантика глаголов вращения в типологической перспективе». Дис. ... канд. М.: РГГУ.
- Крюкова А. И. (2022). *Глаголы вращения в татышлинском удмуртском в типологической перспективе*. Доклад на Третьей конференции по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам (СПб, ИЛИ РАН, 21–23 ноября 2022 г.)
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. (1970). *Краткий этимологический словарь коми языка*. М.: Наука.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И. (2013). «Фреймовый подход к лексической типологии». *Вопросы языкознания* 2. 3–31.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Рыжова Д. А., ред. (2020). *Acta Linguistica Petropolitana* 16.1: *Типология глаголов падения*.
- Резникова Т. И., Рахилина Е. В., Рыжова Д. А. (2020). «Глаголы падения в языках мира: фреймы, параметры и типы систем». *Acta Linguistica Petropolitana* 16.1. 9–63.
- Fillmore C. (1968). "Types of lexical information". *Working papers in linguistics* 2. 65–103.
- Rakhilina E., Ryzhova D., Badryzlova Y. (2022). "Lexical typology and semantic maps: perspectives and challenges". *Zeitschrift für Sprachwissenschaft* 41.1. 231–262.

Цветобозначения в татышлинском говоре удмуртского языка

Элина Константиновна Кожевникова

МГУ имени М. В. Ломоносова

В работе выделены базовые лексемы цветобозначения (*tòd'* 'белый', *s'òd* 'черный', *gord* 'красный', *vož* 'зеленый', *č'už* 'желтый', *č'agâr* 'синий', *l'òmrog* 'коричневый', *kuren* 'фиолетовый', *napč'už* 'оранжевый'), а также основные стратегии обозначения оттенков в татышлинском говоре удмуртского языка. Кроме того, мы рассмотрим сочетаемостные свойства близких по значению лексем и представим данные в типологической перспективе.

Colour terms in Tatyshly Udmurt

Elina K. Kozhevnikova

Lomonosov MSU

The article outlines the basic colour terms (*tòd'* 'white', *s'òd* 'black', *gord* 'red', *vož* 'green', *č'už* 'yellow', *č'agâr* 'blue', *l'òmrog* 'brown', *kuren* 'purple', *napč'už* 'orange') in Tatyshly Udmurt, as well as the main strategies for describing shades. I also consider combinability of some synonyms and present the data in a typological perspective.

1 Введение

Лексика цветообозначения (ЦО) хорошо изучена в языках мира. Мы опирались на исследования (Berlin, Kay 1969; Kay 1975; Kay, McDaniel 1978) и др. Ранее данные удмуртского языка были представлены в (Рябина 2011), где отдельно была рассмотрена система закамских говоров на материале ответов 10 информантов (в т.ч. 5 из с. Уразгильды Татышлинского района Республики Башкортостан). Основной задачей нашего исследования было выделить базовые цветообозначения татышлинского говора удмуртского языка, а также рассмотреть основные стратегии выражения оттенков цвета и описать сочетаемостные свойства близких лексем. Материал был собран в Татышлинском районе в селах Старый Кызыл-Яр, Ивановка и Нижнебалтачево в 2022 г. Методика его сбора описана далее.

По (Berlin, Kay 1969), базовые ЦО являются немотивированными (т.е. их лексическое значение невыводимо из значения компонентов), обладают широкой сочетаемостью, а также имеют тенденцию оказываться первыми в числе названных в ходе соответствующего эксперимента (см. раздел 2). Ниже представлены стадии развития системы цветообозначений в языках мира (базовое ЦО для серого не относится к 7-й стадии и может появиться на любой стадии от 2-й до 6-й):

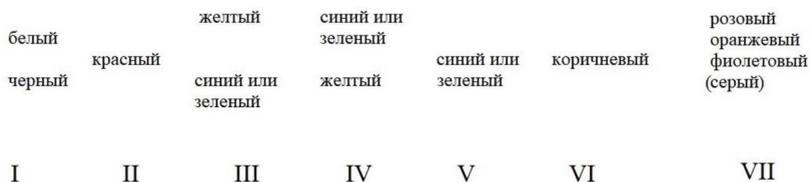

Рис. 1: Стадии развития системы ЦО в языках мира

Если ЦО на некоторой стадии является базовым, то ЦО предыдущих стадий аналогично имеют статус базовых.

Для определения базовых ЦО использовался метод опроса, описанный в (Davies, Corbett 1995): сначала информантам предлагалось перечислить все известные им цветообозначения в языке (эксперимент 1), а затем назвать цвета предъявляемых образцов (эксперимент 2). На материале эксперимента 2 мы также проанализировали стратегии выражения оттенков цвета.

Кроме того, мы рассмотрим особенности сочетаемости некоторых лексем, основываясь на фреймовом подходе, описанном в (Рахилина, Резникова 2013).

В разделе 2 мы представим результаты экспериментов, на основании которых были выделены базовые лексемы ЦО в татышлинском говоре удмуртского языка. Раздел 3 посвящен модификаторам, позволяющим дифференцировать оттенки цвета. В разделе 4 будут рассмотрены сочетаемостные свойства близких по значению лексем. В разделе 5 будут подведены итоги.

2 Базовые цветообозначения

2.1 Эксперимент на название цветов

Информантам предлагалось перечислить все цвета говора, которые они могут вспомнить. Учитывался также порядок называния цветов. В эксперименте приняло участие 10 информантов.

На данном этапе высчитываются:

- частота называния F — количество ответов, в которых встретилось ЦО;
- средняя позиция mP — сумма индексов позиций EP , деленная на частоту F данного ЦО;
- индекс психологической значимости S — частота называния F , деленная на N — общее число информантов — и среднюю позицию mP .

Таким образом, индекс психологической значимости рассчитывается по формуле $S = F / (N \times mP)$.

Результаты вычислений представлены в Таблице 1.

Среднее значение психологической значимости для ЦО, представленных в таблице, 0,137, средняя длина цепочки цветов 12. У ЦО, относящихся к I–IV стадии (I: белый, черный, II: красный, III–IV: желтый и зеленый), индекс психологической стадии выше среднего значения. Для синего (*č'agər*), который может наравне с зеленым появиться на V стадии, индекс уже несколько ниже, однако отклонение от среднего значения не превышает 1%. Фиолетовый, также относящийся к VII стадии, имеет приближенный к коричневому индекс психологической значимости и отклонение от среднего меньше 10%. При этом отклонение розового и оранжевого (также VII стадия) уже больше 10%. Лексема

	перевод	S	F	mP	EP
<i>vož</i>	зеленый	0,303	10	3,3	33
<i>č'už</i>	жёлтый	0,3	9	3	27
<i>s'od</i>	чёрный	0,256	10	3,9	39
<i>gord</i>	красный	0,244	10	4,1	41
<i>tod'</i>	белый	0,237	9	3,8	34
<i>č'agâr</i>	синий, голубой	0,133	8	6	48
<i>l'ompog</i>	коричневый	0,125	9	7,22	65
<i>kuren'</i>	фиолетовый	0,123	9	7,33	66
<i>al</i>	розовый	0,115	8	7,75	62
<i>parč'už</i>	оранжевый	0,109	9	8,22	74
<i>sur</i>	серый	0,082	7	8,57	60
<i>lâz</i>	синий, голубой	0,061	6	9,83	59
<i>bardovâj</i>	бордовый	0,045	5	12,4	62
<i>kiz'er č'agâr</i>	светло-синий	0,031	3	10,6	32
<i>nap č'agâr</i>	темно-синий	0,016	2	13,5	27
<i>kiz'er vož</i>	светло-зеленый	0,016	2	14	28

Таблица 1: Индекс психологической значимости, частота названия и средняя позиция названных ЦО

parč'už для оранжевого трактуется как нечленимая на синхронном уровне, поскольку может употребляться с различными модификаторами (см. подробнее раздел 3).

В предыдущих исследованиях отклонение от среднего значения не учитывалось как критерий определения статуса ЦО. Однако по результатам нашего исследования его можно считать релевантным для данного эксперимента. Так, отклонение ЦО *sur*, *lâz*, *bardovâj* больше 20%, *bardovâj* является заимствованной лексемой и не может иметь статус базовой (7 критерий по Berlin, Kay 1969), для зоны синего спектра основной лексемой является скорее *č'agâr*, чем *lâz*. Последние три цвета в таблице нельзя отнести к базовым, т.к. они противоречат первому критерию (Berlin, Kay 1969) о невыводимости значения ЦО из значений компонентов.

2.2 Эксперимент с образцами

В ходе опроса участникам демонстрировались карточки 65 цветов, равномерно распределенных на спектре (из каталога RAL:

<https://ral.ru/>)¹. Предлагалось подобрать наиболее точно передающее оттенок образца название. При затруднении разрешалось пропустить образец и перейти к следующему. Использовался тот же набор образцов, что в работе (Сибирева 2017), за следующими исключениями: оттенок 5008 заменен на 5011 ‘черно-синий’, оттенок 6015 заменен на 6012 ‘черно-зеленый’.

Перед началом эксперимента участники проходили тест на цветовосприятие, составленный из 5 изображений (таблиц Рабкина). Все информанты успешно прошли тест.

В данном эксперименте высчитывается общая частота названия ЦО Tf (для общего количества ответов) и доминирующая частотность Df — количество образцов, названных преимущественно данным ЦО. Затем подсчитывается Df при индексе доминантности (DI) = 1/2, то есть количество образцов, названных данным ЦО более чем половиной информантов, и Df при индексе доминантности (DI) = 3/4, то есть количество образцов, названных данным ЦО 8 и более информантами (из 10). Также считается индекс специфичности SI , определяющийся по формуле Df/Tf . Он определяет расхождения в идиолектах относительно ЦО. Представленные в Таблице 2 данные упорядочены по индексу специфичности.

	перевод	SI	Tf	Df	DI _{1/2}	DI _{3/4}
<i>tòd'</i>	белый	1	20	20	2	2
<i>l'òmpog</i>	коричневый	0,84	19	16	2	1
<i>č'už</i>	жёлтый	0,8	31	25	3	3
<i>vož</i>	зеленый	0,77	26	20	2	1
<i>s'òd</i>	чёрный	0,76	34	26	2	2
<i>napč'už</i>	оранжевый	0,76	47	36	5	1
<i>sur</i>	серый	0,76	25	19	1	0
<i>gord</i>	красный	0,71	21	15	2	0
<i>č'agâr</i>	синий, голубой	0,66	27	18	3	1
<i>kuren'</i>	фиолетовый	0,63	27	17	2	0

Таблица 2: Индекс специфичности и частотность названия ЦО

¹<http://tipl.philol.msu.ru/application/files/2717/0220/3233/colours.pdf>

Статус базовых по (Davies, Corbett 1995) получают ЦО, для которых значение $DI_{1/2}$ больше нуля. По результатам эксперимента 2 все цвета с I по VII стадии, кроме розового, имеют статус базовых. При этом по результатам эксперимента 1 статус ЦО *al* 'розовый' даже несколько выше, чем ЦО *parč'uz* 'оранжевый'. Розовый не получил статус базового, поскольку оттенок 3015 половина носителей назвала *kiz'er al* 'светло-розовый', используя модификатор оттенка. По (Berlin, Kay 1969), подобные ЦО не могут иметь статус базовых.

Таким образом, статус базовых ЦО в татышлинском говоре по результатам двух экспериментов безусловно имеют *tòd* 'белый', *s'òd* 'черный', *gord* 'красный', *vož* 'зеленый', *č'uz* 'желтый', *č'agâr* 'синий', *l'òmrog* 'коричневый', *kuren'* 'фиолетовый', *parč'uz* 'оранжевый', в промежуточной стадии находятся лексемы *al* 'розовый' и *sur* 'серый' (у *sur* индекс психологической значимости в эксперименте 1 ниже, чем у лексем основных стадий). При этом в ходе эксперимента 2 ни разу не было названо ЦО для серого *пурьсы*, оцененное в (Рябина 2011) как более частотное для закамского региона. То есть, татышлинский говор находится между VI и VII стадиями развития по (Berlin, Kay 1969).

В работе (Рябина 2011) данные закамских говоров не анализировались подробно. Основные результаты представлены на материале эксперимента 1. Лексема *lâz* ранжирована выше лексем *l'òmrog* 'коричневый' и *kuren'* 'фиолетовый'. По нашим данным, *lâz* не имеет статус базового ЦО, в отличие от лексем *l'òmrog* и *kuren'*.

3 Модификаторы

Также на материале эксперимента 2 мы проанализировали различные способы обозначения небазовых ЦО. Выделяется несколько стратегий выражения оттенков:

- суффиксация: *gordgales* 'красноватый', *č'agârges* 'синеватый', *vožpârjem sur* 'зеленовато-серый';
- лексические модификаторы:
 - светлый (*kiz'er* 'жидкий', *ž'ugât* 'светлый');
 - темный (*rejmat* 'темный', *par* 'густой', *s'òd* 'черный');

– яркий (*as'ək* ‘ясный’, *č'eber* ‘красивый’, *ž'ugət* ‘яркий’; также данное значение возможно выразить при помощи редупликации ЦО)

- альтернативные стратегии, в частности, сравнительные конструкции:

- (1) *tulās turəm kad' vož*
весна трава как зеленый
'зеленый, как весенняя трава'

Далее мы подробно рассмотрим лексические модификаторы, позволяющие дифференцировать оттенки цвета, и представим данные в типологической перспективе.

3.1 Светлый

Для обозначения светлых оттенков, кроме лексемы *ž'ugət* ‘светлый’, употребляется также лексема *kiz'er* ‘жидкий’, причем именно *kiz'er* является доминирующей лексемой. Так, в эксперименте 1 (на называние значимых цветов) в ответах 3 раза встретилось *kiz'er č'agăr* ‘светло-синий’ и 2 раза *kiz'er vož* ‘светло-зеленый’, а оттенки с модификатором *ž'ugət* не были названы ни разу.

В эксперименте 2 лексема *kiz'er* встретилась в ответах всех информантов, в то время как лексему *ž'ugət* в значении ‘светлый’ употребили только двое. Также более половины опрошенных носителей назвали образец 5012 *kiz'er č'agăr*, что говорит об устойчивости данного ЦО в языке. Аналогично половина носителей назвала оттенок 6019 *kiz'er vož* ‘светло-зеленый’, оттенок 1034 *kiz'er parč'už* ‘светло-оранжевый’, оттенок 3015 *kiz'er al* ‘светло-розовый’.

По результатам эксперимента 2, *kiz'er* может модифицировать любые лексемы. Возможны также сочетания с заимствованными ЦО, ср. *kiz'er bir'uzoväj* ‘светло-бирюзовый’.

3.2 Темный

Модификатором темных оттенков, кроме лексемы *rejmtät* ‘темный’, является лексема *par* ‘густой’. В эксперименте 1 сочетание *par č'agăr* ‘темно-синий’ было названо 2 раза. В отличие от *kiz'er*, лексема *par* употребляется наравне с основной лексемой *rejmtät*.

Так, в эксперименте 2 в качестве модификаторов темных оттенков в ответах одного носителя может встретиться как лексема *nap*, так и лексема *pejmât*, в том числе в качестве модификаторов одного цвета (например, образец 5003 определен как *nap č'agâr*, а оттенок 5011 как *pejmât č'agâr*). Некоторые носители интерпретируют значение лексемы *nap* в данных контекстах не как 'темный', а как 'яркий, насыщенный', например, *nap gord* 'ярко-красный'.

Семантические переходы из поля 'жидкий' — 'густой' в поле 'светлый' — 'темный' не зафиксированы в базе CLICS², обобщающей сведения о многих моделях полисемии в языках мира. Однако подобные переходы отмечены в каталоге DatSemShift³ (как не слишком частотные). Так, зафиксирован переход из поля 'густой' в поле 'темный' в древнегреческом (*bathús*) и турецком (*koyu*).

Кроме того, в значении 'темный' может употребляться лексема *s'öd* 'черный'. Однако это достаточно редкая стратегия, которая использовалась только при обозначении самых темных оттенков (5011, 6012).

3.3 Яркий

В значении 'яркий' может употребляться прилагательное *as'äk* 'ясный', также *ž'ugät* 'светлый' и *č'eber* 'красивый'. По данным эксперимента 2, лексема *as'äk* более частотна по сравнению с *č'eber* (13 вхождений против 4; ср. *as'äk č'už* 'ярко-желтый' и *č'eber narč'už* 'ярко-оранжевый'). Лексема *ž'ugät* может интерпретироваться как 'светлый' либо как 'яркий' и варьируется по носителям. Еще одной стратегией выражения значения 'яркий' является редупликация, ср. *narč'už narč'už* 'ярко-оранжевый'.

Лексема *as'äk* является татарским заимствованием (Алатырев 1988: 132). В (Асылгараев и др. 2007: 150) в качестве первого значения приводится 'открытый, раскрытый, распахнутый'; это значение является исходным по (Севортян 1974: 209). В татышлинском говоре заимствованы значения 'ясный, светлый, погожий, яркий', 'светлый, яркий' (Кожевникова 2022); в (Байдуллина 2003: 4) данная лексема переводится как 'яркий, ясный (о цвете)'. В каталоге DatSemShift зафиксированы 5 случаев подобных семантических переходов из поля 'открытый', в том числе на примере турецкого *açık*.

²<https://clics.clld.org/>

³<https://datsemshift.ru/>

Лексема *č'eber* 'красивый' обозначает яркость цвета и имеет свободную сочетаемость, см. *č'eber narč'už* 'ярко-оранжевый', *č'eber gord* 'ярко-красный', *č'eber vož* 'ярко-зеленый'. Переходы из семантического поля 'красивый' в поле 'яркий' не зафиксированы в рассмотренных базах данных. Также *č'eber* может иметь значение 'яркий' в независимых от цвета контекстах (2).

- (2) *ta derem č'eber-ges val mis'k-em-les' az'lo*
 этот платье красивый-СМРР быть.РСТ мыть-NMLZ-GEN2 сначала
 'Это платье было ярче до стирки.'

4 Сочетаемостный анализ

Ранее границы сочетаемости прилагательных цвета на материале русского языка были подробно проанализированы в (Рахилина 2008: 168–196). Также данный подход был применен в (Uusküla 2011) к лексемам со значением 'красный' в венгерском и чешском языках. В рамках данной статьи мы опишем особенности сочетаемости только некоторых близких по значению лексем ЦО, основываясь на фреймовом подходе, сформулированном в (Рахилина, Резникова 2013).

В (Рябина 2011) приводятся две лексемы для зоны синего и голубого: *лыз* 'синий' и *чагыр* 'синий, голубой'. В татышлинском говоре ЦО *č'agâr* является основной лексемой для синего спектра. Лексемой *lâz* большинство информантов называют более светлые оттенки синего спектра (5012: *kiz'er č'agâr* либо *lâz*); только один носитель перевел *lâz* как 'синий', а *č'agâr* как 'голубой'. Некоторые информанты говорят о примеси серого цвета в оттенках, обозначаемых лексемой *lâz*. Однако данные ЦО различаются при характеристике отдельных явлений. Например, выражение *č'agâr inbat* обозначает чистое, светлое небо, а *lâz inbat* характеризует небо в пасмурную погоду, см. коррелирующие с этим употребление *lâz* и запрет на использование *č'agâr* в (3).

- (3) *s'òd s'òd / lâz lâz / *č'agâr č'agâr pil'em*
 черный черный голубой голубой синий синий туча
lâkt-e
 прийти-PRS.3SG
 'Черная-черная туча идет.'

Кроме того, лексема *lâz* употребляется в устойчивом словосочетании *lâz* / ^{??}*č'agâr dâdâk* 'сизый голубь', однако в не ограниченных сочетаемостными свойствами контекстах скорее не употребляется, ср. (4)–(5). Маркирование лексемы *lâz* различными модификаторами также не допускается, ср. *as'âk č'agâr* / **as'âk lâz* 'ярко-синий, ярко-голубой', [?]*kiz'er lâz* 'светло-синий', ^{??}*nap lâz* 'темно-синий'.

(4) *cikorij-len s'äs'ka-jez č'agâr / ??lâz*
цикорий-GEN цветок-POSS.3SG синий голубой
'У цикория цветы голубые.'

(5) *č'agâr / ?lâz futbolka*
синий голубой футболка
'синяя футболка'

В (Рябина 2011) на основании проведенного опроса утверждается, что в закамских говорах серый цвет может обозначаться двумя лексемами: *пурьсь* и *sur*. Однако в ответах, полученных нами в эксперименте 2, ни разу не встретилась лексема *purâs'*, основным наименованием серого цвета является *sur*. В татышлинском говоре лексема *purâs'* имеет значение 'седой' (6), отсутствующее у прилагательного *sur*.

(6) *mânam tros purâs' / purâs'ta-m / *sur ž'ârs'i*
я.GEN много седой поседеть-PTCP.PST серый волос
pot-i-z in'i
выйти-PST-3SG уже
'У меня уже много волос седых стало.'

5 Заключение

Данные татышлинского говора отличаются от результатов, ранее представленных в (Рябина 2011). Так, лексема *пурьсь* не употребляется для обозначения серого цвета, а основной лексемой для зоны синего и голубого является лексема *č'agâr*.

Мы установили набор базовых ЦО. Это 9 лексем: *tôd'* 'белый', *s'ôd* 'черный', *gord* 'красный', *vož* 'зеленый', *č'už* 'желтый', *č'agâr* 'синий', *l'ômpog* 'коричневый', *kuren'* 'фиолетовый', *napč'už* 'оранжевый'. Таким образом, татышлинский говор находится между

VI и VII стадиями развития цветообозначений в терминологии (Berlin, Kay 1969).

В качестве модификаторов для обозначения оттенков в татышлинском говоре, кроме лексем семантического поля цветообозначения *ž'ugât* 'светлый' и *pejtmât* 'темный', используются лексемы, в первом значении характеризующие степень густоты: *kiz'er* 'жидкий' и *nar* 'густой'. Наши результаты дополняют данные каталога DatSemShift, в котором подобные семантические переходы зафиксированы для древнегреческого и турецкого.

Для обозначения яркости употребляется лексема *as'âk* 'ясный', заимствованная из татарского, в котором исходным значением является 'открытый, раскрытый, распахнутый'. Семантический переход из поля 'открытый' в базе данных CLICS представлен на материале 5 языков, в том числе турецкого (*açik* 'открытый', однокоренное с глаголом *açmak* 'открывать'). Кроме того, для обозначения яркости может использоваться лексема *ç'eber* 'красивый'. В базе данных CLICS и в каталоге DatSemShift подобный семантический переход не зафиксирован.

Некоторые ЦО, не имеющие статус базовых, могут употребляться в устойчивых выражениях (*lâz inbat* 'синее небо') или в более узком значении (*purâs' ž'âr's'i* 'седые волосы').

Список условных сокращений

3 — 3-е лицо; CMPR — компаратив; GEN — генитив; GEN2 — второй генитив (аблатив); NMLZ — номинализация; POSS — possessивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Алатырев В. И. (1988). *Этимологический словарь удмуртского языка*. Ижевск: НИИ при СМ УАССР.
- Асылгараев Ш. Н., Ганиев Ф. А., Закиев М. З., Миннуллин К. М., Рамазанова Д. Б., ред. (2007). *Татарско-русский словарь. В двух томах. Т. 1 (А–Л)*. Казань: Магариф.
- Байдуллина А. (2003). *Словарь татышлинского говора удмуртского языка*. Рукопись.

- Кожевникова Э. К. (2022). «Лексемы цветообозначения в татышлинском говоре удмуртского языка». *Тезисы Конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой*. URL: http://tipl.philol.msu.ru/~otipl/application/files/6916/6602/4298/Kozhevnikova_tezisy.pdf.
- Рахилина Е. В. (2008). *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М.: Русские словари.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И. (2013). «Фреймовый подход к лексической типологии». *Вопросы языкознания* 2. 3–31.
- Рябина Е. С. (2011). *Основные цветообозначения в пермских языках*. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- Севортян Э. В. (1974). *Этимологический словарь тюркских языков*. М.: Наука.
- Сибирева А. А. (2017). «Экспериментальное исследование цветообозначений в восточных говорах горномарийского языка в аспекте ареальных контактов». *Проблемы компьютерной лингвистики и типологии* 6. 158–181.
- Berlin B., Kay P. (1969). *Basic color terms: Their universality and evolution*. Berkeley & Los Angeles: University of California Press.
- Davies I. R., Corbett G. G. (1995). “A practical field method for identifying probable basic colour terms”. *Languages of the World* 9.1. 25–36.
- Kay P. (1975). “Synchronic variability and diachronic change in basic color terms”. *Language in society* 4.3. 257–270.
- Kay P., McDaniel C. K. (1978). “The linguistic significance of the meanings of basic color terms”. *Language* 54.3. 610–646.
- Uusküla M. (2011). “Terms for red in Central Europe: An areal phenomenon in Hungarian and Czech”. *New directions in colour studies*. Ed. by C. P. Biggam, C. A. Hough, C. J. Kay, D. R. Simmons. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 147–156.

Рекатегоризация форм множественного числа существительных в татышлинском удмуртском

Анастасия Игоревна Крюкова

МГУ имени М. В. Ломоносова;
Институт языкознания РАН

В статье рассматриваются неаддитивные значения показателя множественного числа в татышлинском удмуртском, связанные с рекатегоризацией — переинтерпретацией неисчисляемых существительных в качестве исчисляемых — и ее эффектами. На примере четырех различных групп существительных *singularia tantum* (обозначающих нечленимое вещество, гомогенную и негомогенную совокупность и абстрактную сущность) проверяется способность показателя множественного числа образовывать формы с видовой, дистрибутивной и эмфатической интерпретацией.

Noun plural form recategorization in Tatyshly Udmurt

Anastasiia I. Kriukova

Lomonosov MSU; Institute of Linguistics, RAS

This article discusses non-additive interpretations of the plural marker in Tatyshly Udmurt that are associated with recategorization, or reinterpretation of uncountable nouns as countable, and its effects. Using examples from four different groups of *singularia tantum* nouns (denoting non-separable substances, homogeneous and non-homogeneous aggregations and abstract entities), I test the ability of plural forms to acquire sort, distributive or emphatic reading.

1 Введение

В данной статье речь пойдет о возможности существительных, обозначающих вещества и совокупности, а также абстрактных существительных, присоединять показатель множественного числа с неаддитивной интерпретацией. Рекатегоризация — реанализ исчисляемых существительных как неисчисляемых, а также неисчисляемых существительных как исчисляемых (ср. рус. *купи мне два кофе*, Corbett 2000: 81).

Мы сконцентрируемся на втором типе ситуаций, при котором существительные приобретают способность образовывать формы множественного числа с аддитивной интерпретацией ‘единица вещества X / проявление чувства X в количестве больше одного’ и квантифицироваться числительными без квантификатора. К эффектам рекатегоризации относятся видовое, дистрибутивное и эмфатическое прочтение, когда форма множественного числа X-PL приобретает некоторое дополнительное значение вдобавок к аддитивному.

Мы также сравним данные татышлинского удмуртского с имеющимися данными других вариантов удмуртского языка, а также иных генетически и ареально близких языков. Как правило, рекатегоризация и ее эффекты описываются как (не)допустимые для всех неисчисляемых существительных, без учета потенциально возможной разницы в поведении различных типов существительных. В нашей работе мы покажем, почему может быть важным делить существительные на группы в зависимости от свойств денотата.

Удмуртский язык относится к пермской подветви финно-угорской ветви уральских языков. Татышлинский говор включается в периферийно-южный диалект южного наречия удмуртского языка и распространен в Татышлинском районе Республики Башкортостан. Данные были получены методом анкетирования носителей в д. Старый Кызыл-Яр, с. Нижнебалтачево, с. Новые Татышлы в 2021–2022 годах в экспедиции ОТиПЛ МГУ. Часть примеров взята из корпуса устных текстов¹ (27 тыс. словоупотреблений на момент подготовки статьи).

¹http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly_corpus/search

2 Рекатегоризация и ее эффекты

2.1 Рекатегоризация

Для исследования были выбраны четыре категории существительных:

1. существительные, обозначающие вещества: *č'eč'ā* 'мёд', *ž'ól* 'молоко', *varen'ij* 'варенье', *lāmā* 'снег', *altān* 'золото', *azves* 'серебро', *kort* 'железо';
2. существительные, обозначающие гомогенные совокупности: *kóžžā* 'горох', *č'ābej* 'пшеница', *turān* 'травы';
3. существительные, обозначающие негомогенные совокупности: *tūs'tā-pun'ā* 'посуда', *tirlāk* 'утварь', *nāmā-kibi* 'комары, насекомые', *mebel'* 'мебель';
4. абстрактные существительные (обозначения чувств и эмоций): *šumpoton* 'радость', *šud* 'счастье', *šudbur* 'счастье', *kaigu* 'горе', *kurekton* 'горе'.

Внутри категорий существительные ведут себя однородно с точки зрения изучаемых явлений, за исключением отдельных описываемых ниже случаев.

Как было сказано в разделе 1, рекатегоризация трансформирует неисчисляемые существительные в исчисляемые, что чаще всего предполагает реинтерпретацию со значением «порция вещества» (portion / conventional unit reading, Corbett 2000: 81). Ниже под рекатегоризацией мы будем подразумевать именно это прочтение. Важно также сразу пояснить, что его (не)возможность никак не влияет на (не)возможность сортовой, дистрибутивной или эмфатической интерпретации, о которых пойдет речь далее.

Для существительных, обозначающих вещества, при изменении признака неисчисляемости важно, что вещество имеет устойчивую форму (например, золото мы обычно встречаем в виде украшений, слитков или монет). Для квантификации веществ, не имеющих устойчивой формы, необходимо эксплицировать емкость или единицу измерения (ср. (1), (2)), то есть рекатегоризация невозможна.

- (1) *škatulka-ān kāl'l'-i-zā altān-jos.*

шкатулка-ЛОС лежать-PST-3PL золото-PL

'В шкатулке лежали кусочки золота / золотые монеты / золотые украшения.'

- (2) *múš bakč'a-len kuz'o-jez kuz'ma-Ø-z*
 пчела огород-GEN хозяин-POSS.3SG подарить-PST-3SG
*mil'-em-lā č'eč'i-jen banka-os / *č'eč'i-jos.*
 мы-POSS.1PL-DAT мед-INS банка-PL мед-PL
 'Хозяин пасеки подарил нам несколько банок меда.'

Существительные, обозначающие гомогенные совокупности, не поддаются рекатегоризации:

- (3) а. *nil' č'äbej kidâs*
 четыре пшеница зерно
 б. **nil' č'äbej*
 четыре пшеница
 'четыре зернышка пшеницы'

- (4) *ž'ól'gâri vaj-em busâ-is' č'äbej / *č'äbej-jos.*
 воробей нести-PST2 поле-EL пшеница пшеница-PL
 'Воробей приносил с полей пшеницу.'

Что касается существительных со значением негомогенной совокупности, форма без показателя *-jos* может кодировать как один объект, так и их множество. На возможность рекатегоризации указывает допустимость употребления во множественном числе с однозначной множественной интерпретацией. Дополнительно оговорим, что парные существительные, как в (5)–(6), с точки зрения рассматриваемого явления ведут себя так же, как обычные существительные из той же группы.

- (5) *inga tús'tä-pun'i-jez pil'-i-z.*
 Инга чашка-ложка-ACC разбить-PST-3SG
 'Инга разбила посуду (что-то одно из посуды).'
 'Инга разбила посуду (несколько вещей).'

- (6) *kat'a tús'tä-pun'i-jos-âz pil'-i-z.*
 Катя чашка-ложка-PL-ACC разбить-PST-3SG
 'Катя разбила несколько предметов из посуды.'

Для существительных, обозначающих абстрактные сущности, рекатегоризация невозможна (7), а обнаруженные случаи можно объяснить свойствами конкретных существительных (8).

- (7) *kol'a-len van' č'ošat-s'k-on'-n'os-ân šud-ez /*
 Коля-GEN весь сравнить-DETR-VN-PL-LOC счастье-POSS.3SG
**šud-jos-âz van'.*
 счастье-PL-POSS.3SG имеется

‘Коле везет на всех соревнованиях (букв. У Коли на всех соревнованиях имеется счастье).’

- (8) *pes'aj-len ul-on-a-z kaigu(-jos) van'*
 бабушка-GEN жить-VN-LOC/ILL-POSS.3SG горе-PL имеется
val, so tuž šud-tem val.
 быть.PST тот очень счастье-NEG.ATTR быть.PST

‘У бабушки в жизни было много печали / печалей, она была очень несчастна.’

Дополнительно опишем несколько факторов, влияющих на возможность рекатегоризации. Во-первых, рекатегоризация не допускается у существительных, имеющих закрепленные в языке отдельные значения для исчисляемой и неисчисляемой форм. Существование нескольких значений признавалось нами, если эти значения находятся в существующих словарях удмуртского языка или если носители опознают различные употребления и сами предлагают в контекстах на (не)исчисляемость соответствующие интерпретации. Так, существительное *piala* имеет два значения: ‘стекло’ (неисчисляемое, вещество) и ‘оконное стекло’ (исчисляемое, предмет). По-видимому, из-за этого в (9) не допускается форма *pialajos* с интерпретациями, отличными от последнего значения.

- (9) *küno-jos lâkt-i-zâ no mon pot-t-i-Ø*
 гость-PL прийти-PST-3PL ADD я выйти-CAUS-PST-1SG
piala-jos.
 стекло-PL

‘Гости пришли, и я достала стекла / *стеклянные стопки / *бокалы / *посуду.’

В отдельных случаях у существительного отмечаются значения как совокупности, так и одного ее элемента. В примерах (10)–(11) существительное *turân* (с вариантом *turâm*) имеет значения ‘трава’ и ‘травинка’ (оба значения зафиксированы в словаре).

- (10) *pič'i pi išk-alt-i-z turân-ez i*
 маленький мальчик вырывать-АТТ-РСТ-3СГ трава-АСС и
ker²t-i-z ker²tet.
 обязать-РСТ-3СГ букет
 'Мальчик сорвал травинку и перевязал букет.'
- (11) *krol'i²-jos-âz turâm-en s'ud-is'ko-m, č'abej*
 кролик-РЛ-АСС трава-ИНС кормить-ПРС-1РЛ пшеница
s'ot-is'ko-m, kabač'ki s'ot-is'ko-m.
 давать-ПРС-1РЛ кабачки давать-ПРС-1РЛ
 'Кроликов кормим травой, даем пшеницу, даем кабачки.'
 (Корпус)

2.2 Дистрибутивная интерпретация

Дистрибутивная интерпретация, предполагающая локализацию вещества X в разных участках пространства (Даниэль 2007: 286–289), возможна для существительных, обозначающих вещество (12), гомогенную (13) и негомогенную совокупность (14).

- (12) *ž'ól'-l'os č'âr-sa-l'l'a-m.*
 молоко-РЛ прокиснуть-2/3РЛ-РСТ2
 'Молоко в разных емкостях / *в одной емкости прокисло.'
- (13) *tolon mi lumbât bič'a-∅-mâ kôžž / *kôži-jos, ta*
 вчера мы весь день собирать-РСТ-1РЛ горох горох-РЛ этот
ber-e korka târ-a-z kôžž / kôži-jos.
 зад-ИЛЛ дом полный-ЛОС/ИЛЛ-ПОСС.3СГ горох горох-РЛ
 'Мы вчера весь день собирали горох. Теперь по всему дому лежит горох.'
- (14) *mil'-em-lâ tolon vil' tûs'tä-pun'â /*
 мы-ПОСС.1РЛ-ДАТ вчера новый чашка-ложка
**tûs'tä-pun'i-jos va-i-zâ. ta ber-e korka*
 чашка-ложка-РЛ привезти-РСТ-3РЛ этот зад-ИЛЛ дом
târ-a-z tûs'tä-pun'â / tûs'tä-pun'i-jos
 полный-ЛОС/ИЛЛ-ПОСС.3СГ чашка-ложка чашка-ложка-РЛ
 'Нам вчера привезли новую посуду. Теперь по всему дому стоит посуда.'

Для существительных, обозначающих абстрактную сущность, дистрибутивная интерпретация невозможна:

- (15) *van'a kăšno-ja-s'k-i-z kün' pol, kün'*
 Ваня жена-VBLZ-DETR-PST-3SG три раз три
pol-a-z no kuspa-zâ tatulâk /
 раз-LOC/ILL-POSS.3SG ADD между-POSS.3PL взаимопонимание
**tatulâk-jos van' val*
 взаимопонимание-PL имеется быть.PST

‘Ваня был женат три раза, все три раза в браке было взаимопонимание.’

К дистрибутивной интерпретации также относятся случаи, когда денотат существительного распределен и во времени, и в пространстве, см. (16) о разных банках молока, находившихся в холодильнике в разное время.

- (16) *mânam xolod'il'n'ik-e ž'ól'-l'os l'uka-s'k-i-zâ /*
 я.GEN холодильник-ILL молоко-PL собрать-DETR-PST-3PL
ž'ól l'uka-s'k-i-z
 молоко собрать-DETR-PST-3SG

‘У меня в холодильнике копилось молоко.’

Обратимся к данным родственных и ареально близких языков. Дистрибутивная интерпретация возможна в литературном удмуртском (Кондратьева 2011: 459), ижемском коми (Шматова, Черниговская 2012: 239) и мишарском татарском (Даниэль 2007: 288). Она невозможна в бесермянском удмуртском (Шматова, Черниговская 2012: 240) и горномарийском (Винклер, Кашкин 2023).

2.3 Сортовая интерпретация

Сортовое прочтение формы множественного числа — значение «совокупность веществ, объединяемых под одним именем X, но различающихся некоторыми характеристиками» (Даниэль 2007: 287). В татышлинском удмуртском сортовую интерпретацию допускают существительные, обозначающие вещества (17) и абстрактные сущности (18), в отличие от существительных, обозначающих гомогенные и негомогенные совокупности (19)–(20).

- (17) *terkâ-ân varen'ij-os / varen'ij: gruša-les', višn'a-les',*
 тарелка-LOC варенье-PL варенье груша-GEN2 вишня-GEN2
borâ-les'
 клубника-GEN2
 'В тарелке лежат разные виды варенья: грушевое, вишневое, клубничное.'
- (18) *pes'aj-len ul-on-a-z ba'ž'ž'âm no*
 бабушка-GEN жить-VN-LOC/ILL-POSS.3SG большой ADD
pič'i no kaigu(-jos) van' val
 маленький ADD горе-PL имеется быть.PST
 'У бабушки в жизни было большое и маленькое горе.'
- (19) *kol'a bas't-i-z č'urât no n'ebât č'äbej-jez /*
 Коля взять-PST-3SG твердый ADD мягкий пшеница-ACC
**č'äbej-jos-âz*
 пшеница-PL-ACC
 'Коля купил твердую и мягкую пшеницу.'
- (20) *mil'am korka-ân pü-les' no plast'ik-les' tirlâk /*
 мы.GEN дом-LOC дерево-GEN2 ADD пластик-GEN2 утварь
**tirlâk-jos*
 утварь-PL
 'У нас в доме деревянная и пластиковая утварь.'

В некоторых случаях использования формы PL невозможно отделить сортовую интерпретацию от дистрибутивной. Например, в (21) форма множественного числа может относиться к разным коровам (сортовая интерпретация) или же к разным бидонам (дистрибутивная).

- (21) *skal-jos-len ž'ól'-l'os-sâ bidon-e târ-emân*
 корова-PL-GEN молоко-PL-POSS.3PL бидон-ILL сложить-RES
 'Молоко от разных коров разлито по бидонам / налито в бидон.'

Пример (22) отражает объективную реальность, в которой вещество разных видов (мясо разных животных в нашем случае) часто располагается в разных участках пространства (куски мяса находятся отдельно друг от друга).

- (22) *kòrăš-jos-ê vand-i-zê taka, kok kureg, pars'*
 сосед-PL-POSS.1SG резать-PST-3PL баран два курица свинья
no vuza-lo sil'-jos-se
 ADD продавать-PRS.3PL мясо-PL-ACC.POSS.3SG
 'Соседи забили барана, двух куриц, свинью и продают их мясо.'

Что касается других вариантов удмуртского, а также близких языков, сортовая интерпретация возможна в литературном (Перовищиков и др. 1962: 74) и бесермянском удмуртском (Шматова, Черниговская 2012: 241), литературном коми (Лыткин 1955: 135), ижемском коми (Шматова, Черниговская 2012: 240); спорадически встречается в горномарийском (Винклер, Кашкин 2023).

2.4 Эмфатическая интерпретация

Формы множественного числа могут допускать эмфатическое прочтение (в англоязычных работах встречаются синонимичные термины *plural of abundance*, *global plural*, *emphatic plural*, *exaggerative plural*, *intensificative reading*, см. Corbett 2000: 30–34, 235–239). В татышлинском удмуртском данное прочтение невозможно для всех типов существительных (23)–(24).

- (23) *mil'am skal ôžät ž'òl s'ot-e. tünne tros*
 мы.GEN корова мало молоко давать-PRS.3SG сегодня много
*ž'òl / *ž'òl'-l'os / *ž'òl'-l'os-êz s'ot-i-z*
 молоко молоко-PL молоко-PL-ACC давать-PST-3SG
 'Наша корова дает мало молока. Сегодня она дала много молока.'
- (24) *pes'aj-len ul-on-a-z šud-jos van'*
 бабушка-GEN жить-VN-LOC/ILL-POSS.3SG счастье-PL имеется
val
 быть.PST
 'У бабушки в жизни были радости (неизвестно, много или мало) / *было много радости.'

Эмфатическая интерпретация невозможна в ижемском коми (Шматова, Черниговская 2012: 239), горномарийском (Винклер, Кашкин 2023). Она возможна в мишарском татарском (Даниэль 2007: 288).

Отдельно остановимся на литературном и бесермянском удмуртском. Для обоих идиомов установлено, что эмфатическая интерпретация разрешается с определенным классом существительных, описывающих природные явления (снег, вода и пр.), см. (Кондратьева 2011: 460) о первом и (Шматова, Черниговская 2012: 244) о втором. В татышлинском удмуртском такие употребления также возможны (25). Именно о формах этого класса в (Даниэль 2007: 287) сказано, что их значение «несомненно содержит семантический компонент ‘большое количество’», но также и «указание на распределенность вещества ⟨...⟩ пространственную дисперсность, которое, возможно, сближает это употребление с дистрибутивным типом».

- (25) *pudo život-jos kez'āt siz'āl tól'-l'os-les' kânm-o*
 скот скотина-PL холод осень ветер-PL-GEN2 мерзнуть-PRS.3PL
 ‘Животные холодной осенью мерзнут от ветра.’

В нашем случае эмфатическая интерпретация вызывает сомнение: носители ее не предлагают вовсе, в ответ на вопросы об интерпретации примеров указывают на отсутствие компонента ‘большое количество’ (т. е., например, говорят о неопределенном количестве ветренных периодов или порывов ветра в (25)). Таким образом, поскольку в татышлинском удмуртском не зафиксированы случаи использования показателя PL с чисто эмфатической функцией, а дистрибутивная интерпретация встречается и разрешается чаще, мы склонны трактовать такие случаи именно как прочтение с дистрибуцией во времени или пространстве.

3 Заключение

Результаты исследования суммированы в таблице 1. Дистрибутивная интерпретация допускается с наибольшим количеством существительных, в то время как эмфатическая — ни с одним. Возможность рекатегоризации с чисто аддитивной интерпретацией (unit reading) или сортового прочтения формы множественного числа допускается в двух группах существительных (заметьте, что набор групп в этих случаях разный).

Провести полноценные типологические параллели в настоящее время затруднительно из-за менее дробного анализа других вариантов удмуртского языка и языков, близких удмуртскому

	Рекатегоризация	Дистр. интерпретация	Сортовая интерпретация	Эмфатич. интерпретация
Вещество ('молоко')	+ (если есть устойчивая форма)	+	+	*
Гомогенная совокупность ('горох')	*	+	*	*
Негомогенная совокупность ('посуда')	+	+	*	*
Абстрактное ('любовь')	*	*	+	*

Таблица 1: Рекатегоризация и ее эффекты для существительных разных типов

ареально и генетически. Ряд частных сопоставлений и указаний на параллели к татышлинским данным приведен в основном тексте статьи. Автор выражает надежду на появление аналогичных исследований и для других идиомов.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ATT — аттенуатив; CAUS — каузатив; DAT — датив; DETR — детранзитив; GEN — генитив; GEN2 — второй генитив; EL — элатив; ILL — иллатив; INS — инструменталис; LOC — локатив; NEG — отрицание; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; PL — множественное число; POSS — possessивность; PRS — настоящее время; RES — результив; SG — единственное число; VN — отглагольное имя; VBLZ — вербализатор.

Литература

Винклер М. Э. А., Кашкин Е. В. (2023). «Именное число». *Элементы горномарийского языка в типологическом освещении*. Под ред. Е. В. Кашкина, М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьяч-

- кова, В. А. Иванова, Д. Д. Мордашовой, П. С. Плешак, И. А. Хомченковой. М.: Буки Веди.
- Даниэль М. А. (2007). «Периферийные значения категории числа в татарском и некоторых других тюркских языках». *Мишарский диалект татарского языка. Очерки по синтаксису и семантике*. Под ред. Е. А. Лютиковой, К. И. Казенина, В. Д. Соловьева, С. Г. Татевосова. Казань: Магариф. 286–308.
- Кондратьева Н. В. (2011). «Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа)». Дис. ... док. Ижевск: Удмуртский государственный университет.
- Лыткин В. И. (1955). *Современный коми язык. Часть первая. Фонетика, лексика, морфология*. Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- Перевощиков П. Н., Вахрушев В. М., Алатырев В. И., ред. (1962). *Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология*. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- Шматова М. С., Черниговская Е. А. (2012). «Категория числа существительного в марийском и пермских языках». *Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. Под ред. А. И. Кузнецовой. М.: ЯСК. 221–249.
- Corbett G. G. (2000). *Number*. Cambridge: Cambridge University Press.

Инвентарь болевых глаголов в татышлинском удмуртском

Юлия Николаевна Кузнецова

МГУ имени М.В. Ломоносова
ИППИ им. А.А. Харкевича

Данные лексической типологии свидетельствуют о том, что семантическое поле боли обычно включает несколько исходных болевых предикатов и на порядок больше лексем, заимствованных из других полей. В настоящей статье рассматривается инвентарь первичных и вторичных болевых глаголов в татышлинском удмуртском, который подтверждает типологические обобщения. Вместе с тем внутригенетическое сопоставление (с данными бесермянского удмуртского, горномарийского, ижемского коми, хантыйского, мансийского и финского) позволяет сделать вывод о большой вариативности в степени разработанности отдельных таксономических классов внутри поля боли, а также о возможности использования отдельными языками синонимичных лексем для разных болевых ситуаций.

Inventory of pain verbs in Tatyshly Udmurt

Yulia N. Kuznetsova

Lomonosov MSU;
Kharkevich Institute for Information Transmission Problems

The data of lexical typology indicate that the semantic domain of pain usually includes several proper pain predicates and far more lexemes borrowed from other domains. This article examines the inventory of primary and secondary pain verbs in Tatyshly Udmurt, which confirms typological generalizations. At the same time, an intragenetic comparison (with the data of the Beserman Udmurt, Hill Mari, Izhma Komi, Khanty, Mansi, and Finnish) shows considerable variation. First, it concerns the size of taxonomic classes of source verbs within the domain of pain. Second, synonymous lexemes often shift to different pain situations cross-linguistically.

1 Введение

Настоящее исследование посвящено болевым глаголам в татышлинском говоре удмуртского языка. Материал собран методом анкетирования в Татышлинском районе Республики Башкортостан в 2022–2023 г. (опорную анкету см. на сайте Московской лексико-типологической группы¹). Теоретической базой выбран фреймовый подход (Рахилина, Резникова 2013), предполагающий обнаружение типологических закономерностей в семантике на основе анализа сочетаемости.

Семантическое поле боли подробно описано на материалах генетически разнообразных языков (Брицын и др. 2009). Его уникальность состоит в том, что, хотя оно включает десятки лексем, только несколько из них являются первичными, в то время как подавляющее большинство переносятся из других семантических доменов, развивая вторичное болевое значение. Типологически засвидетельствовано несколько полей-доноров для поля боли: горение, разрушение и деформация, звук, движение и каузация движения, состояние и поведение человека.

В этой зоне межъязыковое варьирование велико даже для генетически близких языков (Бонч-Осмоловская и др. 2009). В этой связи интересно сопоставить таксономические классы болевых глаголов в татышлинском удмуртском с родственными идиомами. Базовые болевые глаголы подробно описаны на материале бесермянского удмуртского (Усачева, Леонтьева 2021). Вторичные болевые глаголы изучались в нескольких родственных языках: ижемском коми (Лучина 2011), горномарийском (Жорник, Хомченкова 2017), хантыйском и мансийском (Нахрачева 2019), а также финском (Никунласси 2013).

2 Первичные глаголы боли

2.1 Базовый глагол

В татышлинском удмуртском только один глагол *vis'ənlā* 'болеть' функционирует как базовый, то есть кодирует боль разного типа, локализации и интенсивности, которая может быть вызвана как внешними, так и внутренними причинами:

¹<http://lextyp.org/questionnaire/>

- (1) *mon šukk-is'kâ-sa, ki-je vis'-e.*
я ударить-DETR-CVB рука-POSS.1SG болеть-PRS.3SG
'Я ударилась, рука болит.'
- (2) а. *mânam tûnne želudog-e vis'-e-ges.*
я.GEN сегодня желудок-POSS.1SG болеть-PRS.3SG-CMPR
б. *mânam tûnne ôžät želudog-e vis'-e.*
я.GEN сегодня немного желудок-POSS.1SG болеть-PRS.3SG
'У меня сегодня желудок побаливает.'
- (3) *tuž katâ ž'âr vis'-e.*
очень сильно голова болеть-PRS.3SG
'Голова очень сильно болит.'

При необходимости специфицировать тип боли может быть использован один из многочисленных вторичных болевых глаголов как самостоятельно, так и в форме деепричастия на *-sa* вместе с финитным глаголом *vis'ânâ* 'болеть', например, *žuasa vis'e* (букв. 'горя болит').

2.2 Специализированные глаголы

В рассматриваемом идиоме существует несколько глаголов с болевой семантикой, которые обозначают боль, специфицированную по типу или локализации, но не имеют иного значения.

Например, глагол *dolkanâ* 'набить оскомину' обозначает неприятные вяжущие ощущения, вызванные кислыми продуктами (4). Мы зафиксировали его сочетание только со словом *pin* 'зуб'.

- (4) *suter s'i-sa pin' dolka-Ø-z.*
смородина есть-CVB зуб набить_оскомину-PST-3SG
'Набила оскомину смородиной.'

Аналогично он употребляется и в бесермянском удмуртском (Усачева, Леонтьева 2021: 76).

К этому же типу относится глагол *sâzlanâ* 'ныть'. По-видимому, он является тюркским заимствованием, ср. татар. *сызлау* 'ныть, болеть; ломить' (Асылгараев и др. 2007: 820). Его семантика предполагает определенный тип боли: ноющую боль или лому в костях и суставах (5), а также несильную зубную боль.

- (5) *mânam pel'pum / gârpm sâzla-Ø.*
 я.GEN плечо локоть ныть-PRS.3SG
 'У меня плечо / локоть ноет.'

В бесермянском такой глагол не зафиксирован, однако и в татышлинском удмуртском он используется только частью носителей, в основном пожилых, а для большинства относится к пассивному словарному запасу.

Заимствованным, вероятнее всего, является и глагол *bulganânâ* 'мутить, тошнить' (6), ср. татар. *күңел болгану* (букв. 'сердце мутить') 'тошнота'.

- (6) *s'ij-em ber-ti bulganâ-sa košk-i-z, mar=ke=no*
 есть-NMLZ зад-PROL тошнить-CVB уйти- PST-3SG что = INDEF = ADD
č'ârsa-m nâsta.
 скинуть-PTCP.PST вещь
 'После еды стало тошнить, наверное, [съела] что-то испорченное.'

Еще один первичный болевой глагол *ž'umež'anâ* 'свербеть' обозначает неприятные ощущения внутри уха (7), которые по примете предсказывают смену погоды.

- (7) *mânam pel' ž'umež'a-Ø.*
 я.GEN ухо свербеть-PRS.3SG
 'У меня свербит в ухе.'

Также к первичным болевым предикатам следует отнести и глагол *zubektânâ* 'неметь', который предположительно образован от идеофона *zub-zub* со значением сильной ноющей боли (Усачева, Леонтьева 2021: 76) и обозначает чувство онемения и покалывания из-за нарушения кровообращения.

- (8) *mon šug-en pukâ-sa, mânam pâd zubekt-i-z.*
 я трудный-INS сидеть-CVB я.GEN нога неметь- PST-3SG
 'Я сидела в неудобной позе, у меня нога затекла.'

Таким образом, татышлинский удмуртский обладает небольшим набором первичных болевых глаголов, не выделяясь на этом фоне среди родственных идиомов.

3 Вторичные глаголы боли

3.1 Глаголы горения

В татышлинском удмуртском из поля горения заимствованы глаголы *žuanâ* ‘гореть’, *č’uštas’kânâ* ‘пригореть, опалиться’ и *ž’irdanâ* ‘накаляться’. Эти глаголы неравнозначны по охвату болевых ситуаций, первый гораздо более универсален.

Во-первых, *žuanâ* ‘гореть’ может обозначать ощущение жара в теле или отдельной части тела (9). Во-вторых, он относится к собственно болевым ощущениям. Их наиболее типичная локализация — кожа и слизистые оболочки. Такая боль обычно вызвана внешним воздействием, например, ожогом (солнечным, термическим (10), химическим) или укусом насекомого.

- (9) *uj-in pâd-jos-me šobret ul-is’*
 ночь-INS нога-PL-ACC.POSS.1SG одеяло низ-EL
pot-t-is’ko-∅ žua-lo.
 выходить-CAUS-PRS-1SG гореть-PRS.3PL

‘Ночью я снимаю с ног одеяло (букв. достаю ноги из-под одеяла), они [ноги] горят.’

- (10) *pôs’ šâd s’ij-em ber-e, âm puš*
 горячий суп есть-NMLZ зад-ILL рот внутренность
žua-∅.
 гореть-PRS.3SG

‘От горячего супа во рту горит.’

Глагол *žuanâ* может также обозначать боль в конечностях (как в мышцах (11), так и в суставах) и боль в сердце из-за (субъективно) интенсивной физической нагрузки (12).

- (11) *pes’anaj danak vetlâ-sa, pâd-ez žua-∅.*
 бабушка много ходить-CVB нога-POSS.3SG гореть-PRS.3SG
 ‘Бабушка много ходила, ноги горят.’

- (12) *tubat-et’i tubâ-kâ-z s’ulem-âz*
 лестница-PROL подниматься-CVB.SIM.POSS.3SG сердце-POSS.3SG
žua-sa košk-i-z.
 гореть-CVB уйти-PST-3SG

‘Она поднималась по лестнице, и у нее закололо в сердце.’

Глагол *žuanâ* ‘гореть’ в татышлинском удмуртском гораздо более универсален с точки зрения локализации и обозначения причины боли, чем в родственных идиомах, по которым у нас имеются данные. В ижемском коми также существует глагол горения *soṅny* (Лучина 2009: 8–10), который покрывает аналогичный набор болевых ситуаций, но имеет другое значение — ‘сжигать’.

Второй глагол, заимствованный из поля горения, *ž’irdanâ* ‘накаляться’ можно назвать периферийным, поскольку он обозначает только ощущение жара в теле:

- (13) *grip-les’ van’ mugor ž’irda-Ø-z.*
 грипп-GEN2 весь тело накаляться-PST-3SG
 ‘Из-за гриппа все тело горит.’

Глагол *č’uštâs’kânâ* ‘пригореть, опалиться’ описывает только монотонную желудочную боль умеренной силы или изжогу, и в этом употреблении он синонимичен глаголу *žuanâ* ‘гореть’ (14). Однокоренной глагол *č’uškânâ* ‘опалить, ошпарить’ используется в ситуации воздействия солнечных лучей на голову (15).

- (14) *alma s’ij-em ber-t’i ššdputâ žua-Ø /*
 картошка есть-NMLZ зад-PROL желудок гореть-PRS.3SG
č’uštâs’k-e.
 пригореть-PRS.3SG
 ‘Поела картошки, теперь изжога.’

- (15) *šundâ pöz’-tâ-kâ ž’âr-ez č’uška-Ø.*
 солнце вариться-CAUS-CVB.SIM голова-ACC опалить-PRS.3SG
 ‘Солнце жарит и печет голову.’

3.2 Глаголы движения и каузации движения

Все глаголы, перешедшие в поле боли из поля движения и каузации движения, обозначают только один тип болевых ситуаций и отличаются узкой сочетаемостью по локализации. Так, лексема *berganâ* ‘крутить’ является специализированным глаголом для обозначения головокружения (16), аналогичные единицы существуют в хантыйском и мансийском (Нахрачева 2019: 687).

- (16) *kɥaz' vošt-is'kâ-kâ, m̄nam ž'âr berga-Ø.*
 погода менять-DETR-CVB.SIM я.GEN голова крутить-PRS.3SG
 'При смене погоды у меня кружится голова.'

Еще один глагол, *beral'l'anâ* 'вывихивать, поворачивать', обозначает только неприятные ощущения в животе, сопровождающиеся вздутием и урчанием (17). В этом употреблении ему синонимичны глаголы *pozârtânâ* 'закрутить, скрутить' и *č'utârjanâ* 'свертывать, коробить', но второй скорее следует отнести к полю деформации.

- (17) *puk-on s'amen m̄nam kôt-e beral'l'a-sa*
 сидеть-VN по я.GEN живот-POSS.1SG поворачивать-CVB
košk-i-z.
 уйти-PST-3SG
 'Пока мы сидели, у меня начало крутить в животе.'

Глагол *kis'tis'kânâ* 'выливаться, просыпаться', относящийся к подзоне перемещения жидкостей и сыпучих веществ, описывает головокружение с потемнением в глазах из-за удара головой (18) или резкой смены позы. Интересно, что, в отличие от большинства глаголов из этого поля, он не обозначает ни круговое, ни моторно-кратное движение.

- (18) *ž'anak bord-â šukk-is'kâ-sa ž'âr-e*
 косяк край-ILL ударить-DETR-CVB голова-POSS.1SG
kis't-is'k-i-z.
 лить-DETR-PST-3SG
 'Ударилась об косяк, голова закружилась, в глазах потемнело.'

3.3 Глаголы звука

Поле звука как донор болевых предикатов в татышлинском удмуртском довольно необычно: есть только один глагол, который исходно имеет звуковое значение (*šaulanâ* 'шуметь'). Он обозначает шум в голове или ушах из-за высокого давления или после напряженной умственной работы.

- (19) *mon lumbât uža-j-∅, m̄nam ž'ār-e*
 я весь день работать-PST-1SG я.GEN голова-POSS.1SG
šaula-∅.
 гудеть-PRS.3SG
 'Весь день работала, голова гудит.'

Кроме того, существует еще два глагола, образованных от звукоподражательных идеофонов, и мы считаем возможным отнести их к полю звука на этом основании. Однако они отличаются от остальных болевых предикатов тем, что не имеют исходного неболевого значения.

Глагол *žonlan̄ / žond̄n̄* 'звенеть (в голове, в ушах)' (20) образован от идеофона *žon-žon / žoŋ-žoŋ*, обозначающего звон колокола. При этом в татышлинском удмуртском не употребляется звуковой глагол *žonget̄n̄* 'звенеть', для которого в словаре зафиксировано значение звона в ушах.

- (20) *bur pel' ke žonla-∅-z, ton-e kin = ke = no*
 правый ухо если звенеть-PST-3SG ты-ACC кто = INDEF = ADD
makta-∅, pal'l'an-ez ke žonla-∅-z,
 хвалить-PRS.3SG правый-POSS.3SG если звенеть-PST-3SG
kin = ke = no ton-e kurla-∅.
 кто = INDEF = ADD ты-ACC осуждать-PRS.3SG
 'Если в правом ухе звенело, кто-то тебя хвалит, если в левом — прицает.'

Глагол *kežegt̄n̄* 'зудеть' образован от идеофона *kež(-kež)*, обозначающего шуршание. Этот глагол описывает сильный, нестерпимый зуд:

- (21) *tur̄n žutka-m, p̄r-is' van' mugor*
 сено поднимать-PTCP.PST мякина-EL весь тело
kežegt-i-z.
 зудеть-PST-3SG
 'Поднимали сено, теперь все тело от мякины зудело.'

Для бесермянского удмуртского указывается склонность к кодированию боли высокой интенсивности при помощи идеофонов (Усачева, Леонтьева 2021: 78), но татышлинский удмуртский демонстрирует использование идеофонов не как самостоятельных единиц, а как корней для глаголов, обозначающих специфицированную боль.

Меньшая продуктивность переносов собственно звуковых глаголов в поле боле отличает татышлинский удмуртский от родственных идиомов, в которых зафиксировано от трех (мансийский, см. Нахрачева 2019: 687) до пяти (горномарийский, см. Жорник, Хомченкова 2017: 99) глаголов из поля звука.

3.4 Глаголы разрушения и деформации

Поле разрушения и деформации типологически оказывается наиболее богатым донором болевых глаголов. Внутри него выделяется несколько классов на основании типа воздействия. Представители всех этих классов зафиксированы в татышлинском удмуртском.

Воздействие инструментом

Наиболее широкое употребление имеет глагол *bâšk(alt)ânâ* ‘колоть, уколоть’, кодирующий болевые ситуации нескольких типов. В базовой форме без аттенуативного суффикса он обозначает ощущение на коже от грубой материи (22). В этом употреблении также возможен глагол *s’ijânâ* ‘есть’.

- (22) *mon sviter-ez gol’âk tän-a-m dis’a-j-Ø*
 я свитер-ACC голый тело-LOC/ILL-POSS.1SG надевать-PST-1SG
no, so mugor-me bâšk-e / s’ij-e.
 ADD тот тело-ACC.POSS.1SG колоть-PRS.3SG есть-PRS.3SG
 ‘Я надела свитер на голое тело, а он колется.’

Форма этого глагола с аттенуативным суффиксом *-alt* может иметь два значения. С одной стороны, это резкая одномоментная боль (23), т.е. ситуация с семьelfактивной семантикой; с другой стороны, это боль сниженной интенсивности, которая то появляется, то проходит (24), т.е. ситуация с дисконтинуативной семантикой.

- (23) *so-len č’ârti-jez / kusk-âz bâšk-alt-i-z.*
 тот-GEN шея-POSS.3SG поясница-POSS.3SG колоть-ATT-PST-3SG
 ‘Ему кольнуло в спину / поясницу.’

- (24) *mānam tūnne ž'ār-e bāšk-altā-sa*
 я.GEN сегодня голова-POSS.1SG колоть-ATT-CVB
vis'-e.
 болеть-PRS.3SG

‘У меня сегодня голову покалывает.’

Как по семантике, так и по возможной локализации боли глагол *bāšk(alt)ānā* ‘(у)колоть’ демонстрирует большую степень сходства с коми-зырянским глаголом *byčkuny / byčloony* ‘колоть’ (Лучина 2009: 13–14) и финским *pistää* ‘(у)колоть’ / *pistellä* ‘колоть’ (Никунласси 2013: 257).

Глагол *pil'(is'k)ānā* ‘раскалывать(ся) (на куски)’ кодирует сильную и монотонную боль. Ее основная локализация — это голова, и в целом это типологически распространенная метафора; в частности, она есть и в ижемском коми (Лучина 2009: 15), и в горномарийском (Жорник, Хомченкова 2017: 98). Употребление глагола в болевом значении без детранзитивного показателя в финитной форме затруднено:

- (25) *lāmbāt t'etrad' prover'at' karā-sa ž'ār*
 весь день тетрадь проверять делать-CVB голова
pil'-is'k-e / [?]pil'-e ini.
 колоть-DETR-PRS.3SG колоть-PRS.3SG PTCL

‘Весь день проверяла тетради, голова раскалывается.’

Однако если *pil'(is'k)ānā* используется в форме деепричастия для указания на характер боли при финитном *vis'ānā* ‘болеть’, то предпочтительна транзитивная форма:

- (26) *pil'ā-sa / [?]pil'-is'kā-sa jār vis'-e, surām*
 колоть-CVB колоть-DETR-CVB голова болеть-PRS.3SG угар
ž'ōt-em-is'
 попасть-NMLZ-EL

‘Угорел, из-за этого голова раскалывается.’

Еще один глагол из группы разрушения при помощи инструмента — *vandānā* ‘резать’. Он обозначает чрезвычайно интенсивную боль, которая может быть локализована, во-первых, в животе (27) или желудке, во-вторых, в спине или шее, но вторая локализация возможна не для всех носителей.

- (27) *nālpī pija-kā kōt vandā-sa vis'-e /*
 ребенок рожать-CVB.SIM живот резать-CVB болеть-PRS.3SG
vand-e.
 резать-PRS.3SG
 'При родах живот разрывается (в животе режущие боли).'

Воздействие руками с разрушением структуры

Глагол *č'igānā* 'ломать(ся)' кодирует боль, локализованную в шее или спине (28), которая мешает человеку двигаться. В переносном значении он возможен не во всех идиолектах.

- (28) *ataj lāmbāt s'ekāt žutka-Ø-z no kus*
 отец весь день тяжесть поднимать-PST-3SG ADD поясница
č'ig-i-z.
 ломать-PST-3SG
 'Отец весь день поднимал тяжести, и у него схватило поясницу.'

Мягкое воздействие руками

Глагол *kāskanā* 'тянуть' обозначает монотонные боли в мышцах (чаще всего спины и ног), обычно вызванные сильной физической нагрузкой (29), но не настолько интенсивные, чтобы человек потерял способность двигаться. Этот же глагол может описывать ноющую боль в суставах, ассоциированную, например, со сменой погоды.

- (29) *tolon s'uj vedro-jen pārtā-l-i-Ø no tābār*
 вчера земля ведро-INS носить-ITER-PST-1SG ADD спина
kāska-sa vis'-e.
 тянуть-CVB болеть-PRS.3SG
 'Вчера носила землю ведрами, (теперь) спину ломит.'

В ижемском коми в той же функции употребляется когнат *kyskynu* 'тащить, тянуть' (Лучина 2009: 20), а в других родственных идиомах эту зону покрывают глаголы, заимствованные из поля звука: *šuzgaš* 'шуметь, гудеть' в горномарийском (Жорник, Хомченкова 2017: 100), *сасаты* 'ныть' в хантыйском и *нянхункве* 'ныть' в мансийском (Нахрачева 2019: 687).

Глагол *z'ikatānā* ‘туго затянуть, сжимать, прижимать’ обозначает монотонные боли, возможные локализации которых — сердце (30) и голова, и в этом отношении он аналогичен мансийскому *таңыртаңкве* ‘давить, жать, сжимать’ (Нахрачева 2019: 686). Синонимичный глагол *pač'katānā* ‘давить, сжимать’ имеет ограниченное употребление среди носителей и, возможно, в метафорическом значении является русской калькой (ср. *давящая боль*).

- (30) *s'ulem z'ika-tā-sa / ?pač'ka-tā-sa*
 сердце затянуться-CAUS-CVB придавиться-CAUS-CVB
vis'-e.
 болеть-PRS.3SG
 ‘(У меня) давящая боль в сердце.’

Глагол *bič'atānā* ‘щекотать’ можно отнести к типу воздействия руками, но без деформации объекта. В болевом значении он обозначает першение в горле (31) или неприятные ощущения в носу от попадания пыли, резких запахов и др.

- (31) *mānam n'ilon bič'at-e, č'erla-s'ko-∅ dār*
 я.GEN горло щекотать-PRS.3SG заболеть-PRS-1SG наверное
in'i.
 PTCL
 ‘У меня першит в горле, наверное, я заболела.’

Глагол *č'erāl'anā* ‘щипать’ обозначает жгучую боль на коже или слизистых, вызванную химическим воздействием (32) или морозом. Идентично использование синонимичных глаголов *сър-гулкв* в мансийском (Нахрачева 2019: 687) и *č'eproony* в ижемском коми (Лучина 2009: 18–19).

- (32) *s'im-e daru pon-i-∅ no č'erāl'a-nā*
 глаз-ILL лекарство положить-PST-1SG ADD щипать-INF
bašla-∅-z.
 начать-PST-3SG
 ‘Я закапала лекарство в глаза, стало щипать.’

Набор вторичных болевых глаголов татышлинского удмуртского, заимствованных из семантического поля разрушения и деформации, оказывается довольно разнообразным, покрывая все типологически частотные подклассы. Однако пересечения с родственными идиомами не слишком многочисленны. Более того,

наличие исходно синонимичных глаголов в поле боли даже в родственных языках не гарантирует одинаковые пути метафоризации. Например, горномарийский глагол *pəčkäš* ‘резать’ обозначает резкую боль в глазах (Жорник, Хомченкова 2017: 98) в отличие от описанного татышлинского *vandānā* ‘резать’, который обозначает сильные боли в животе, как и мансийский *яктуңкве* ‘резать’ (Нахрачева 2019: 686). Аналогично и с глаголами кругового движения: в татышлинском глагол *berganā* ‘крутить’ обозначает только головокружение, глагол *beral’l’anā* ‘вывихивать, поворачивать’ — дискомфорт в животе, а в ижемском коми глагол *b’ergedlyny* ‘крутить’ — боль в суставах ног (Лучина 2011: 123).

3.5 Глаголы человеческого состояния

Глагол *kurektānā* ‘печалиться, тревожиться’ обозначает жжение на коже или слизистых из-за внешнего воздействия, а также несильную монотонную боль в желудке:

- (33) *ki pušn’er-a-s’k-i-z no, ta ber-e*
 рука крапива-VBLZ-DETR-PST-3SG ADD этот зад-ILL
kurekt-e.
 щипать-PRS.3SG
 ‘Обожгла руку крапивой, теперь жжет.’

Этот глагол интересен в связи с тем, что типологически глаголы, в исходном значении обозначающие состояния человека, в основном не приобретают сколько-нибудь универсальную болевую семантику (Бонч-Осмоловская и др. 2009: 11). При этом вполне вероятен обратный переход, когда болевой глагол приобретает переносное значение из зоны чувств и эмоций (ср. у *меня сердце щемит*). Однако в данном случае можно предположить, что болевое значение вторично, поскольку у глагола прозрачная морфемная структура с вербализатором *-ekt*, а в (Wichmann et al. 1987: 132) для слова *кур* зафиксировано только значение ‘горе, беспокойство, тревога’.

4 Заключение

В татышлинском удмуртском проявляются типологически значимые характеристики семантического поля боли. Количество

первичных болевых глаголов (и базовых, и специфицированных) невелико, в то время как у основной части лексем значение боли переносное. Все обнаруженные вторичные болевые глаголы происходят из ожидаемых полей-доноров.

Сравнение татышлинского удмуртского с идиомами разной степени генетической близости позволяет сделать вывод о большой внутригенетической вариативности в выборе лексем, которые претерпевают перенос в поле боли. Несмотря на то что в целом эти лексемы принадлежат к известным таксономическим классам, внутри них каждый язык составляет свой собственный набор предикатов и разрабатывает классы с разной степенью. Одновременно при единстве источника метафорического значения глаголы могут покрывать разные ситуации уже в новом, болевом, поле.

Список условных сокращений

1-3 — 1-е-3-е лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; ATT — аттенуатив; CAUS — каузатив; CVB — деепричастие; CVB.SIM — деепричастие одновременности; DETR — детранзитив; EL — элатив; GEN — генитив; ILL — иллатив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; INS — инструменталис; ITER — итератив; LOC — локатив; NMLZ — номинализация; PL — множественное число; POSS — посессивность; PROL — пролатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; SG — единственное число; VBLZ — вербализатор; VN — отглагольное имя.

Литература

- Асылгараев Ш. Н., Ганиев Ф. А., Закиев М. З., Миннуллин К. М., Рамазанова Д. Б., ред. (2007). *Татарско-русский словарь. В двух томах. Т. 1 (А-Л)*. Казань: Магариф.
- Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. (2009). «Глаголы боли: лексическая типология и механизмы семантической деривации». *Концепт БОЛЬ в типологическом освещении*. Под ред. В. М. Брицына, Е. В. Рахилиной, Т. И. Резниковой, Г. М. Яворской. Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго. 8-28.

- Брицын В. М., Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Яворская Г. М., ред. (2009). *Концепт БОЛЬ в типологическом освещении*. Киев: Видавничий Дім Дмитра Бураго.
- Жорник Д. О., Хомченкова И. А. (2017). «Предикаты боли в горномарийском языке: семантика и морфосинтаксис». *Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Пятой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых»*. Под ред. Е. М. Девяткиной. М.: Ин-т языкознания РАН. 95–112.
- Лучина Е. С. (2009). *Концептуализация боли в мужевском говоре коми-зырянского языка*. Экспедиционный отчет. М.
- (2011). «Концептуализация боли в мужевском говоре коми-зырянского языка». *Acta Linguistica Petropolitana* 7.3. 122–128.
- Нахрачева Г. Л. (2019). «Глаголы болевых ощущений в обско-угорских языках: семантика и механизмы семантической деривации». *Вестник угроведения* 9.4. 681–691.
- Никунласси А. (2013). «Болевые предикаты в финском языке». *Лингвистический беспредел - 2: Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой*. Под ред. А. Е. Кибрика. М.: Издательство Московского университета. 255–273.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И. (2013). «Фреймовый подход к лексической типологии». *Вопросы языкознания* 2. 3–31.
- Усачева М. Н., Леонтьева А. Л. (2021). «Базовые обозначения боли в бесермянском удмуртском». *Вопросы языкознания* 6. 69–98.
- Wichmann Y., Uotila T. E., Korhonen M., eds. (1987). *Wotjakischer Wortschatz*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Дискурсивные слова в куллуи: корпусное исследование*

Юлия Викторовна Мазурова

Институт языкознания РАН

Статья посвящена описанию трех дискурсивных слов в куллуи (малый индоарийский язык Северной Индии, принадлежащий группе химачали), а именно частиц *na* 'не так ли?', 'ну', *b^hai* 'мол', '-то' и *tə* '-то', 'вот'. Описаны просодические особенности, основные синтаксические свойства этих частиц, а также их значение и функции, важные для организации структуры дискурса. Исследование проведено на материале корпуса устных текстов на куллуи, собранных в ходе полевых исследований в Химачал-Прадеше в 2014–2017 гг.

Discourse markers in Kullui: a corpus study

Julia V. Mazurova

Institute of Linguistics, RAS

This paper deals with a description of three discursive markers in Kullui (a minor Indo-Aryan language of Northern India belonging to the Himachali group), namely the particles *na* 'isn't it?', 'well', *b^hai* 'say', and contrastive marker *tə*. The prosodic features, the main syntactic properties of these particles, as well as their meaning and functions important for the organization of discourse structure are described. The data for the study has been taken from the Kullui corpus of oral texts collected during field research in Himachal Pradesh in 2014–2017.

*Выражаю благодарность моим коллегам Е.А. Ренковской и А.С. Крыловой за плодотворную совместную работу по изучению и описанию языка куллуи, а также за ценные замечания в ходе работы над этой статьей.

1 Введение

В статье описываются свойства и семантика дискурсивных слов в куллуи — малом индоарийском языке Северной Индии, принадлежащем группе химачали. Основная масса носителей куллуи проживает в округе Куллу штата Химачал-Прадеш, и кроме куллуи, как правило, владеет также хинди (язык образования в школе), иногда английским; некоторые носители многоязычны и говорят на нескольких местных языках / диалектах. Материалом для исследования послужил корпус устных текстов на куллуи, собранных и расшифрованных в ходе экспедиций в штат Химачал-Прадеш с 2014 по 2017 г.¹ (см. Мазурова 2018; Krylova, Renkovskaya 2018). Объем корпуса на момент написания статьи составляет около 18 тыс. словоупотреблений.

В научной литературе существует множество терминов, определений и классификаций дискурсивных слов, преимущественно на материале английского и некоторых других европейских языков. Среди первых значимых теоретических работ можно отметить (Fraser 1999; Redeker 1991; Schiffrin 1987). В зависимости от целей и масштаба исследования авторы придерживаются той или иной теории, выделяют релевантные для них параметры дискурса, рассматривают более и менее широкий круг единиц. Все исследователи сходятся в том, что группа дискурсивных маркеров чрезвычайно разнородна и невозможно на данном этапе выработать универсальное определение и единую классификацию этих слов даже в рамках одного языка, не говоря уже о типологической классификации.

В книге (Баранов и др. 1993: 7), где за основу взяты теоретические рамки проекта французского коллектива под руководством Д. Пайара, дискурсивные слова определяются как единицы особого типа, которые, с одной стороны, обеспечивают связность текста, и, с другой стороны, отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего. Авторы определяют дискурсивные слова исключительно по их семантике и включают в этот класс разного рода служебную лексику — частицы, наречия, союзы, вводные слова, а также некоторые устойчивые выражения.

По определению в (Касевич и др. 2014), дискурсивные слова в узком смысле — это элементы определенной семантики, кото-

¹Звуковой корпус куллуи доступен на сайте проекта http://pahari-languages.ru/?page_id=51&lang=ru (дата обращения 05.08.2023).

рые не входят в синтаксическую структуру предложения и могут быть изъяты без потери смысла и связности (проект «Линейные и нелинейные способы обеспечения целостности и связности текста на языках Азии и Африки»).

Б. Хайне в своей фундаментальной типологической работе объединяет слова такого типа под общим термином «интерактивы» (англ. *interactives*), определяя их следующим образом: «Интерактив — это неизменяемая дейктическая форма, которая тем или иным образом выделяется из окружающего текста семантически, синтаксически и просодически и не может быть подвергнута ни отрицанию, ни вопросу»² (Heine 2023: 7). Б. Хайне подробно рассматривает синтаксические и семантические свойства интерактивов и отмечает, что несмотря на многочисленные исследования на материале разных языков, «мы пока что далеки от того, чтобы описать значение дискурсивных маркеров в связанной и лаконичной форме» (Heine 2023: 82).

Таким образом, при наличии большого количества частных и теоретических исследований, пока не существует общепринятого подхода для описания языковых элементов, которые обеспечивают связность текста, актуализацию, эмоциональную окраску, эмфатическое выделение, привлечение внимания собеседника, а также выполняют множество других функций, и при этом не являются частью синтаксической структуры высказывания.

Цель статьи — описать основные функции и значение трех наиболее частотных дискурсивных слов, встречающихся в корпусе устных текстов куллуи, а именно:

- *na* ‘не так ли?’, ‘ну’;
- *b^həi* / *b^hvi* ‘мол’, ‘-то’;
- *tə* / *ta* ‘-то’, ‘вот’.

В марровских кавычках дан приблизительный перевод в виде дискурсивных слов или частиц русского языка, однако, как отмечает Е.А. Костина, дискурсивная лексика обладает большой межязыковой вариативностью и специфична для конкретного языка, поэтому зачастую значение дискурсивного маркера сложно передать средствами другого языка (Костина 2022: 140).

Согласно классификации (Heine 2023: 10), который выделяет 10 типов интерактивов, все рассматриваемые в этой статье слова в своей основной функции принадлежат к типу, который

²Здесь и далее перевод мой.

так и называется — дискурсивные маркеры: «Дискурсивный маркер — это интерактив, используемый для выражения метатекстовых функций, связанных с организацией текста, установками говорящего и/или взаимодействием говорящего и слушающего» (Heine 2023: 129).

Все три дискурсивных слова относятся к частицам, они не изменяются и имеют определенные синтаксические и просодические свойства, отличающие их от соответствующих полнозначных слов.

2 Частица *na* ‘не так ли?’, ‘ну’

2.1 Основные характеристики

Дискурсивный маркер *na* — это отрицательная частица, употребляемая в дискурсивной функции. При дискурсивном употреблении частица *na* теряет значение отрицания, а ее синтаксические и просодические характеристики меняются. Отрицательная частица *na* употребляется препозитивно, тогда как дискурсивный маркер *na* выступает в постпозиции к той части текста, которую он оформляет. Отрицательная частица *na*, как правило, не имеет собственного ударения и является проклитикой. Дискурсивная частица *na* имеет, как правило, восходящую интонацию³ и просодически оформляет правую периферию синтагмы.

В корпусе куллуи представлено 39 примеров дискурсивного употребления *na*. Ниже будут проиллюстрированы основные дискурсивные функции этой частицы, зафиксированные в нашем материале: подтверждение информации и маркирование зачина или окончания текста.

2.2 Обращение к собеседнику

Прагматическая функция обращения к собеседнику за подтверждением своего высказывания, проверки внимания слушающего («не так ли?», «да?», «так?») часто встречается в корпусе, см. (1).

³В корпусе куллуи мы использовали элементы дискурсивной разметки, разработанные в (А. А. Кибрик, Майсак 2021; А. А. Кибрик, Подлесская 2009).

- (1) *apu dui d^huŋ-n-a defi-nə na.*
 REFL.OBL два говорить-GER\FUT.ASSR-M местный_язык-LOC DISC
 ‘Мы вдвоем будем говорить на местном языке, так?’

Этот вид взаимодействия характерен, в частности, для диалогической речи. Параллельно могут использоваться и другие способы поддержания связи с собеседником, такие как употребление выражений *t^hik sa?* ‘хорошо?’, *hai na?* ‘не так ли?’ (хинди) и др., а второй собеседник при этом может отвечать подтверждением (например, *ha* ‘да’), поддерживая течение рассказа.

Таким образом, *na* в этой функции служит для поддержания контакта между говорящим и слушающим.

Употребление *na* может быть и отражением внутреннего диалога говорящего с самим собой, когда он не совсем уверен в верности информации или подбирает подходящее, более точное слово. В этом случае говорящий обращается за подтверждением уже к себе самому, а не к собеседнику. Такое употребление частицы коррелирует с другими признаками хезитации: паузами, незаконченной интонацией, повтором, самоисправлением.

- (2) *dzebe paŋdəwə / ki bol-a si |||*
 когда Пандавы что говорить-GER\IPFV COP.PRS.PL
kidzi-n t^hi <смех> bənbas-a-nə
 что-то.OBL-LOC COP.PST лесное_изгнание-OBL-LOC
t^hi na.
 COP.PST DISC

‘Тогда Пандавы, как говорят, в чем там были... да, в лесной ссылке были.’

2.3 Зачин и окончание рассказа

Частица *na* может служить для эмфатического выделения темы рассказа, о которой в дальнейшем пойдёт речь. С таких фраз обычно начинается текст или новая часть текста: после *na* следует синтагма, отражающая основное содержание последующего рассказа. Это связано с предыдущей функцией — привлечением внимания слушающего к теме рассказа. Отличие в том, что такое употребление не подразумевает подтверждения от собеседника.

- (3) *ɔk^he ho-a sa na ek dʒatʃ.*
 здесь быть-GER\IPFV COP.PRS.SG DISC один праздник
 ‘Здесь есть, ну, один праздник.’

В (3) также наблюдается нестандартный порядок слов: при нейтральном порядке группа подлежащего *ek dʒatʃ* ‘праздник’ должна была бы начинать фразу, а для эмпазы она вынесена говорящим в позицию после глагола-связки.

Несколько текстов в корпусе начинаются именно фразами, содержащими частицу *na*. Таким же образом рассказ может и заканчиваться:

- (4) *etr-i ek sa e ots-i*
 настолько-F один COP.PRS.SG 3.PROX.DIR маленький-F
dzɛ-i kəhaŋi na tɔk^h-l-i.
 подобный-F история DISC там-ADJ-F
 ‘Вот такая вот небольшая история того места.’

Таким образом, частица *na* выступает в качестве средства организации дискурса: вводит тему рассказа, маркирует его окончание. В функции зачина беседы частица *na* сближается с русской частицей *ну* (*Ну что тут рассказать...*), а в функции маркера окончания истории — с частицей *вот* (*Вот! Вот так вот.*).

3 Частица *b^həi* ‘мол’, ‘-то’

3.1 Основные характеристики

Дискурсивный маркер *b^həi* (фонетический вариант *b^hvi*) имеет прозрачную этимологию — это слово *b^hai* ‘брат’, имеющее дискурсивные функции не только в куллуи, но и в хинди. В хинди слово *b^hai* ‘брат, братец’ может служить для оклика, обращения к лицу мужского пола (к равному или младшему по возрасту и социальному положению) (Elison 2018: 33). Это, по-видимому, промежуточный этап между полнозначным значением этого слова и дискурсивным употреблением. В речи носителей куллуи также встречается переходное употребление *b^həi*, которое десемантизировалось и уже не является собственно обращением к собеседнику. Так, на вопрос исследовательницы о значении слова на куллуи информантка отвечает *pəta nəi b^həi* ‘вот не знаю’ (А.С. Крылова, л.с.). Дословно это можно перевести как ‘не знаю, братец’,

однако в данном случае это обращение к лицу женского пола, и здесь *b^həi* является уже не обращением, а дискурсивной частицей, помогающей устанавливать контакт с собеседником.

В дискурсивной функции это слово не имеет фразового ударения, произносится слитно с синтагмой, в которую оно входит, гласный *a* претерпевает качественные изменения, поэтому частица в корпусе имеет вид *b^həi* с фонетическим вариантом *b^hvi*. В корпусе встречается 35 примеров с этим словом. В зависимости от выполняемой функции частица *b^həi* может выступать в любом месте предложения — в начале, в конце, в середине. Используется для эмоциональной передачи речи, мыслей, логического вывода ('мол'), эмфатического выделения ('-то', 'ведь').

3.2 Эмоциональная окраска

Дискурсивный маркер *b^həi* выступает как факультативный эвиденциальный показатель, маркирующий передачу речи, мыслей, восприятия или некоторый логический вывод, сделанный на основе предыдущих событий. Употребление *b^həi* в таких контекстах необязательно, без него предложение останется грамматичным, однако наличие этой частицы помимо маркирования эвиденциального значения придает высказыванию дополнительную эмоциональную окраску. По-видимому, оклик, обращение говорящего к собеседнику трансформировалось в приглашение разделить чувства, мысли или мнение говорящего. *B^həi* в этой функции, как и *na*, служит для поддержания связи между говорящим и его собеседником. Разница в том, что *b^həi* используется не для подтверждения истинности высказывания, а для того, чтобы привлечь внимание к его эмоциональной составляющей.

Использование *b^həi* — прагматическое средство выражения отношения к содержанию высказывания, появление этого слова свидетельствует о том, что сообщаемая информация эмоционально затрагивает говорящего и/или слушающего. Так, в (5) речь идет о диалоге между семьями, дети которых сбежали, чтобы пожениться:

(5) *taki tebe b^hvi tinha-be*

чтобы тогда DISC 3PL.DIST.OBL-ACC/DAT

bol-ŋ-a ebe b^hvg-e

говорить-GERV\FUT.ASSR-M сейчас убежать-PFV.PL

bvtf-e ap-e b^hvi | naradz herit

ребенок-PL REFL.DIR-PL DISC недовольный PRON.FUT.PL

ho-nd-e.

быть-IPFV_PT-PL

‘Чтобы сказать им, вот, дети сами убежали, мол, не сердитесь.’

Самым частотным случаем в корпусе является употребление частицы *b^hai* совместно с союзом *ki* ‘что’. Этот союз присоединяет сентенциальный актанта при глаголах и выражениях со значением речи, мысли, восприятия, желания и т. д. Употребление *b^hai* в сочетании *ki b^hai* необязательно: оно несет дополнительную эмоциональную окраску, но может быть изъято из высказывания без потери грамматичности. В некоторых случаях, наоборот, опускается *ki*, а *b^hai* заменяет собой всё выражение, как в примере (6):

(6) *tese budz^h-u eie b^hvi*

3SG.F.DIST.ERG думать-PFV.SG.M 3SG.M.PROX.ERG DISC

mer-a beŋ-a k^ha-u / ki b^hvi

1SG.POSS-M ребенок-DIR.M есть-PFV.SG.M что DISC

taka-u eie mer-a beŋ-a.

убить-PFV.SG.M 3SG.M.PROX.ERG 1SG.POSS-M ребенок-DIR.M

‘Она подумала: «Он ведь съел моего сына, он же убил моего сына».’

Сочетание *ki b^hai* может разрываться, между *ki* и *b^hai* могут вставляться другие слова. Субъект придаточного может совпадать или не совпадать с субъектом главного предложения, ср. (7), где присутствуют оба варианта: «она_i сказала, что (*ki b^hvi*) я_i подумала» (субъект совпадает) и «я_i подумала, что (*ki b^hvi*) мангуст_j съел» (субъект не совпадает).

- (7) *tese bol-u ki bʰɔi / mē*
 3SG.F.DIST.ERG говорить-PFV.SG.M что DISC 1SG.ERG
budzʰ-u ki bʰɔi e || <...>
 думать-PFV.SG.M что DISC 3.PROX.DIR
newl-a eie bʰɔi aṇ-a bɔtʃ-a
 мангуст-DIR.M 3SG.M.PROX.ERG DISC свой-М ребенок-DIR.M
kʰa-u.
 есть-PFV.SG.M

‘Она сказала, что ведь я подумала, что этот мангуст, он-то нашего ребенка съел.’

Частица *bʰɔi* в этом употреблении несколько похожа на русскую частицу *мол*, однако ее функции шире — она передает не только чужую речь, но и используется для передачи эмоциональной окраски речи, мыслей и восприятия самого говорящего.

4 Частица *tə* ‘-то’, ‘вот’

4.1 Основные характеристики

В качестве служебного слова *tə* (фонетический вариант — *ta*) имеет широкий круг употреблений — это союз ‘и’, союз ‘то’, ‘тогда’ в главной части условных предложений, наречие со значением ‘тогда’, ‘потом’. В дискурсивном употреблении *tə* является маркером контраста. Единого мнения по поводу этимологического происхождения частицы нет. По одной из версий, это слово родственно хинди *to* и русской частице *-то* и этимологически происходит из указательных местоимений дальнего плана (Вопно́т 1990), а Х. Хендриксен относит его к санскритскому *tat* ‘thus’ (Hendriksen 1976: 88). В работе (Montaut 2016) дан подробный анализ грамматических и дискурсивных значений слова *to* в хинди и показано, каким образом все значения, как грамматические, так и дискурсивные, связаны между собой, так что их можно описать, используя сценарий противопоставления или альтернативной картины на разных уровнях (грамматическом, прагматическом, дискурсивном). В этой работе будут затронуты только дискурсивные употребления частицы *ta/tə*, остальные значения не будут рассматриваться. В корпусе есть 32 примера дискурсивного употребления *tə*.

В качестве частицы *tə* может присоединяться энклитически практически к любой составляющей, которая чему-то противопоставляется. *Tə* часто занимает вторую позицию в клаузе, но далеко не всегда. Позиция *tə* во фразе — отдельная сложная тема, я оставляю ее за рамками этой статьи.

4.2 Контраст

Основным значением дискурсивного маркера *tə* является контрастивное противопоставление: в сферу действия этого показателя включается элемент, который противопоставляется другому элементу по какому-либо параметру, понятному из предыдущего контекста или из прагматики ситуации. Часто *tə* маркирует несоответствие ожиданиям говорящего, удивление от происходящего.

- (8) *pər eie* *neɪ kʰa-u* *tʰi eie*
 но 3SG.M.PROX.ERG NEG есть-PFV.SG.M COP.PST 3SG.M.PROX.ERG
tə kiŋ-a *mar-u* *tʰi*
 DISC змея-DIR.M бить-PFV.SG.M COP.PST
 ‘Но он не съел (ребенка), он-то убил змею.’

Заметим, что в данном случае, хотя частица *tə* энклитически примыкает к местоимению *eie* ‘он’, по смыслу она относится ко всей второй клаузе и противопоставляет ее первой предикации, описывающей первоначальные ожидания говорящей.

4.3 Топик

Еще одним употреблением *tə* является введение топика, то есть некоторого важного и, возможно, неожиданного поворота рассказа.

- (9) *dzebe ase* *apŋ-e* *dwar-a* *age pudz-i*
 когда 1PL.DIR свой-OBL дверь-OBL APUD достигать-PFV.F
ase *her-u* *asər-i* *kūdzi ta* *ɬʰi*
 1PL.ERG смотреть-PFV.SG.M 1PL.POSS-F ключ DISC NEG.COP2
e *neɪ*
 именно NEG

‘Когда мы подошли к нашей двери, мы поняли, что ключа-то и нет.’

В этом употреблении *tə* схожа с русской частицей *-то*. В таком предложении — ключевом повороте сюжета — могут появляться и другие средства контрастного выделения, ср., например, выделительную частицу *e*, разрывающую отрицательную связку в (9), а также обратный порядок элементов в этой отрицательной связке (нейтральный порядок — *nei ɔtʰi*).

Рассматриваемые дискурсивные маркеры сочетаются между собой, дополняя значения друг друга. Так, сочетание *tə bʰvi* соединяет в себе значение контраста и эвиденциальности.

5 Заключение

Я кратко рассмотрела основные синтаксические свойства и значения частиц *na*, *bʰvi* и *tə* в дискурсивном употреблении на материале корпуса устных текстов в куллуи. Значения дискурсивных частиц обобщены в таблице 1.

Маркер	Перевод	Значение
<i>na</i>	‘не так ли?’, ‘ну’	– получение обратной связи от слушателя – маркер зачина или окончания рассказа
<i>bʰɔi (bʰvi)</i>	‘мол’, ‘-то’, ‘ведь’	– маркер косвенной речи – маркер эвиденциальности
<i>tə (ta)</i>	‘-то’, ‘вот’	– маркер контраста – маркер топика

Таблица 1: Значения дискурсивных маркеров

Это первое корпусное исследование дискурсивных частиц на материале современных устных текстов куллуи. Оно может стать отправной точкой для дальнейшего изучения структуры дискурса в куллуи, а также послужит материалом для сравнительного изучения дискурсивных частиц в других индоарийских языках.

Список условных сокращений

1, 3 — 1-е, 3-е лицо; ACC/DAT — аккузатив-датив; ADJ — прилагательное; APUD — апудэссив, апудлатив; COP — копула; CVB — конверб; DIR — прямой падеж; DISC — дискурсивная частица;

DIST — указательное местоимение дальнего плана; ERG — эргатив; F — женский род; FUT.ASSR — уверенное будущее время; FUT.UNCERT — неопределенное будущее время; GEN — генитив; GER — герундий; GERV — герундив; INCH — инхоатив; IPFV — имперфектив; IPFV_PT — имперфективное причастие; LOC — локатив; M — мужской род; NEG — отрицание; OBL — косвенный падеж; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессивное местоимение; POT — потенциалис; PRON.FUT — прохитив будущего времени; PROX — указательное местоимение ближнего плана; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число; TOP — топик.

Литература

- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. (1993). *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка*. М.: Помовский и партнеры.
- Касевич В. Б., Берникова О. А., Гроховский П. Л., Инюшкина Е. И., Колпачкова Е. Н., Шубная Д. И., Яхонтова Н. С. (2014). «Дискурсивные слова восточного текста». *Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы XI Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 30 сентября–02 октября 2014 года*. Под ред. Е. Н. Колпачковой. СПб.: Студия НП-Принт. 86–90.
- Кибрик А. А., Майсак Т. А. (2021). «Правила дискурсивной транскрипции для описательных и документационных исследований». *Rhema. Рема* 2. 23–45.
- Кибрик А. А., Подлеская В. И., ред. (2009). *Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса*. М.: ЯСК.
- Костина Е. А. (2022). «Стратегии перевода дискурсивной лексики (на материале переводов рассказов М. Зоценко на хинди и бенгальский язык)». *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока* 16.1. 132–153.
- Мазурова Ю. В. (2018). «Малые индоарийские языки Северной Индии: язык куллуи». *Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки* 4. 82–91.
- Bonnot C. (1990). “La Particule to et la polémique cachée en russe moderne. A propos du statut énonciatif du theme”. *Revue des Etudes Slaves* LXII.2. 67–75.

- Elison W. (2018). *The neighborhood of gods: The sacred and the visible at the margins of Mumbai*. Chicago: University of Chicago.
- Fraser B. (1999). "What are discourse markers?" *Journal of Pragmatics* 31.7. 931–952.
- Heine B. (2023). *The Grammar of Interactives*. Oxford: Oxford University Press.
- Hendriksen H. (1976). *Himachali studies: I. Vocabulary*. København: Munksgaard.
- Krylova A., Renkovskaya E. (2018). "Documentation of the Kullui language: problems, results, prospects". *Vaak Manthan* 3.1. 5–11.
- Montaut A. (2016). "The discourse particle to and word ordering in Hindi: From grammar to discourse". *Information Structuring of Spoken Language from a Cross-linguistic Perspective*. Ed. by M. M. J. Fernandez-Vest, R. D. V. Valin. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton. 263–282.
- Redeker G. (1991). "Linguistic markers of discourse structure". *Linguistics* 29. 1139–1172.
- Schiffrin D. (1987). *Discourse Markers*. Cambridge: Cambridge University Press.

Лексические «заместители» и «распространители» в рутульском языке: материалы к внутригенетической типологии

Тимур Анатольевич Майсак

Институт языкознания РАН;
Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ

В статье на материале устных текстов кининского говора рутульского языка (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи) исследованы два типа слов-«заменителей». В качестве заместителей типа *этот, как его* в кининском используются вопросительные местоимения — прежде всего ‘кто’ и ‘что’, а также сложный глагол-заместитель ‘что делать’. Общим распространителем типа *и всякое такое* является существительное с обобщенным значением ‘вещь’, на основе которого строится глагол-распространитель ‘вещь делать’.

«Placeholders» and «general extenders» in Rutul: towards intragenetic typology

Timur A. Maisak

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences;
Linguistic Convergence Laboratory, HSE University

For the first time, the paper presents the data on the inventory and use of placeholders and general extenders in Kina Rutul, a single-village variety of the Rutul language (< Lezxic, Nakh-Daghestanian). Like in some other languages of the family, interrogative pronouns ‘who’ and ‘what’ are employed as placeholders, with a ‘what-do’ combination being used as a verbal placeholder. The word *kar* ‘thing’ functions as a general extender with nouns, while a ‘thing-do’ combination serves as an extender of verbs.

1 Введение

Настоящая работа ставит своей задачей дополнить данными рутульского языка внутригенетическую типологию слов и выражений, которые относятся к широкому классу «заменителей» и которые в кавказских и, в частности, в нахско-дагестанских языках, изучены пока недостаточно. По словам Я. Г. Тестельца, слова и выражения, играющую роль заменителей, «используются вместо других слов или групп слов», причем эта замена является неполной («редуцированной»), поскольку «заменяющее слово беднее содержанием, чем заменяемое выражение» (Тестелец 2022). К числу заменителей относятся анафорические средства (*он*), дейктические слова (*ты; здесь*), заполнители пауз хезитации (*э-э-э; короче*), а также два типа, на которых мы остановимся далее подробнее, — заместители и общие распространители.

Слова-**заместители** (известные также как «маркеры препаративной подстановки», ср. также англоязычный термин *placeholders*) — это единицы, которые говорящий временно подставляет на место проектируемого выражения, не найдя удовлетворяющей его в данный момент вербализации (ср. русск. *этот самый, как его*). Типологически распространенные источники заместителей — это указательные, вопросительные, универсальные или неопределенные местоимения, а также существительные с обобщенным значением типа ‘вещь’, ‘дело’ (Подлеская, А. А. Кибрик 2007; Podlesskaya 2010).

Общие распространители (ср. англоязычный термин *general extenders*) указывают на существование дополнительных к уже указанным членам множества — так, в русском в функции такого рода единиц используются *и всякое такое, и тому подобное*, в английском — *and stuff, and everything, or something, or anything* и прочие выражения (Overstreet 1999; Overstreet, Yule 2021).

В примере (1) из спонтанного текста на кининском говоре рутульского языка имеются единицы обоих типов — заместитель *šiw* ‘что’ и распространитель *kar* ‘вещь’.

Далее на материале устного корпуса кининского говора мы подробнее рассмотрим употребление слов-заместителей и слов-распространителей (разделы 2 и 3), а также остановимся на внутригенетических параллелях наблюдаемым в рутульском стратегиях «замещения» и «распространения» (раздел 4).

- (1) *he-mi si-ri-kʷan nu... šuw du-ruʔu-r = a,*
 ЕМРН-ЭТОТ медведь-OBL-COM PTCL что НРЛ-статья.IPFV-CVB = be
mačχulatmiš du-ruʔu-r = a, χinime-r
 развлекаться НРЛ-статья.IPFV-CVB = be ребенок.PL-PL
d-ülqe-r = a, kar haʔa-r = a.
 НРЛ-играть.IPFV-CVB = be вещь 4, делать.IPFV-CVB = be
 ‘{Приручив этого медведя,} с медведем ну... это самое де-
 лают (букв. что бывает), развлекаются, дети играют и так
 далее (букв. вещь делают).’

Рутульский язык — один из языков лезгинской группы нахско-дагестанской семьи, в России распространенный преимущественно в Рутульском районе Республики Дагестан. На одноаульном кининском говоре говорят в с. Кина, которое относится к западной периферии рутулоязычного ареала. Устный корпус кининского говора объемом около 20 тыс. слов создавался в 2016–2021 гг. в ходе экспедиций Школы лингвистики НИУ ВШЭ и состоит преимущественно из спонтанных нарративных текстов (сказки, рассказы о сельской жизни, личные истории и пр.).

2 Слова-заместители

В роли слов-заместителей в кининском говоре выступают вопросительные местоимения *wuš (huš)* ‘кто’ — для одушевленных референтов, и *šuw (šiw)* ‘что’ — для неодушевленных. Как правило, заместитель принимает то словоизменительное оформление, которое ожидается от существительного, позицию которого он временно занимает. Чаще всего после использования заместителя происходит верная вербализация, однако в некоторых случаях говорящий продолжает повествование без соответствующей коррекции.

Так, в (2) заместитель ‘кто’ использован в позиции абсолютной ИГ (субъект непереходной клаузы) и затем корректируется верной вербализацией ‘еврей’. В (3) заместитель также находится в позиции абсолютной ИГ (причем это обращение, ср. использование вокативной частицы *haj*) и затем также корректируется верной вербализацией ‘бабушка’.

- (2) *paj w-awa-s d-ixi-jne sifda wuř*
 часть 3-просить-INF HPL-уходить.PFV-COND сначала кто
hixi-r = a jevrej hixi-r = a
 1.уходить.PFV-CVB = be еврей[R] 1.уходить.PFV-CVB = be
 ‘Подарок попросить пошли, сперва **этот самый** пошел, **еврей** пошел.’

- (3) *garinene(j) jirq'ı-r, haj huř xur = x^wa, babaj...*
 старуха (2)приходить.PFV-CVB эй кто QUOT = ADD бабушка
 ‘Старуха пришла, (а он говорит): «Эй, **как тебя, бабушка,** {почему я такой сон вижу?}»’

В (4) заместитель ‘что’ находится в позиции абсолютной ИГ (в данном случае это пациенс переходного глагола), причем замещается только вершина: определение ‘мой’ порождается сразу при заместителе и далее при корректной вербализации ‘сон’ уже не воспроизводится.

- (4) *mi-now ruxa-r-diř garinene-je-ra*
 этот-OBL.N(ERG) 4.говорить.IPFV-CVB-COP.NEG старуха-OBL-ERG
iz-di řuw razgadat hiři-r xur naq’.
 я-ATTR что разгадать[R] 4.делать.PFV-CVB QUOT сон
 ‘{Из-за этого везиры и всех остальных наказали, но} он не говорит, что это, мол, старуха мой **этот самый** разгадала, **сон.**’

В следующих двух примерах заместитель ‘что’ принимает форму косвенного падежа. В (5) он имеет атрибутивную форму (функционально соответствующую генитивному падежу) и затем корректируется верной вербализацией ‘холодный’. В (6) ‘что’ занимает позицию зависимого при послелого, замещая имя в суперессиве, которым управляет послелог *w* ‘сверху’.

- (5) *řuw-di miq'-di waχt w-iři-r = a-j.*
 что-ATTR холодный-ATTR время 3-статья.PFV-CVB = be-PST
 ‘{Три друга, проголодались.} **Это самое, холодное** было время.’

- (6) *mi-d* *χinχ-i-d* *hi-ji* *u = xa*
 этот-ATTR ребенок-OBL-ATTR что-OBL(SUP) сверху = ADD

gardan-a *u = xa* *lišan ka-j = xa.*
 шея-OBL(SUP) сверху = ADD знак SUP.быть-PST = ADD

‘У этого ребенка **на этой самой, на шее** был какой-то амулет.’

Строго говоря, состав заместителей не ограничивается двумя субстантивными местоимениями ‘кто’ и ‘что’ — например, в (7) в качестве заместителя локативной группы выступает пространственное вопросительное наречие ‘где’ (верная номинация не порождается, однако по изложению понятно, что имеется в виду волчке логово).

- (7) *ubl-i-ra* *n'ek^j* *wilc'a-r = a* *ži-di*
 волк-OBL-ERG молоко 3.давать.IPFV-CVB = be сам.OBL.NM-ATTR

hile ri-girgi-r...
 где 2-вести.PFV-CVB

‘Волк {похитил девочку и} кормит молоком, утащив в своё **это самое...**’

Если же замещается глагол, в качестве заместителя используется сочетание ‘что делать’, построенное по распространенной модели для сложных глаголов в нахско-дагестанских языках («неспрягаемая часть + легкий глагол»). Так, в (8) мы видим замещение глагола в форме императива, в (9) — глагола в инфинитиве в целевом зависимом; в обоих случаях последующая коррекция номинации не происходит.

- (8) *zi allah-a-d* *ul-i-χda* *šuw m-a?*
 я Аллах-OBL-ATTR глаз-OBL-SUB(ESS) что PRON-делать

‘{Ты сюда смотри,} меня перед Аллахом **это самое не делай** (т.е. не ставь в неудобное положение).’

- (9) *r-iq'a* *za-s* *šiw ha?a-s* *huxu-jne*
 2-приходить-IMP я-DAT что 4.делать-INF 4.говорить.PFV-COND

ruxa-r = a
 4.говорить.IPFV-CVB = be

{Охотник ей предлагает:} ‘Приходи ко мне (= выходи за меня), чтобы **это самое.**’

3 Слова-распространители

Основной лексический распространитель в кининском рутульском — это слово *kar* ‘вещь, предмет, дело’ (персидское заимствование, отмечаемое в ряде лезгинских языков). В функции распространителя это слово, как правило, входит в конструкцию «N – X», означающую ‘N и тому подобные объекты’, ср. ‘чай и прочее’ в (10), ‘хлеб и прочее’ в (11), ‘шахада (точнее, шахады, во множественном числе) и прочее’ в (12).

(10) *jak^w-a-s čej kar ra^{ʕi}-r = xa*
 утро-OBL-DAT чай вещь 4.пить.PFV-CVB = ADD
 ‘{После этого он проснулся, встал,} утром чай и прочее попил...’

(11) *mirzaχan = xa xiw kar a-d χal – laχ a-d*
 Мирзахан = ADD хлеб вещь быть-ATTR дом очаг быть-ATTR
edemi jiʔi-j
 мужчина 1.COP-PST
 ‘Мирзахан был состоятельным человеком (букв. хлеб и прочее имеющий, дом-очаг имеющий).’

(12) *šahad-bir kar-bir hiwi-d-i-la qu-?*
 шахада-PL вещь-PL 4.давать.PFV-ATTR-OBL(SUP)-EL сзади-LAT
xur = xa nik^hah k-ixi-r
 QUOT = ADD брак PV-4.писать.PFV-CVB
 ‘{Дибир спросил жениха и невесту, согласны ли они.} После того, как прочли шахаду и прочее, зарегистрировали брак.’

В (13) и (14) распространитель *kar* находится в составе сложного глагола: он «распространяет» неспрягаемый компонент, тогда как легкий глагол (в обоих случаях — ‘делать’) относится уже ко всей комбинации «N – X». В (13) неспрягаемым компонентом исходного сложного глагола является азербайджанское заимствование *ar^lamiš*, в (14) — основа глагола ‘умирать’, которая в сочетании с глаголом ‘делать’ образует каузатив ‘убивать’.

- (13) *did-e nin-e ha-d riš ar'amiš kar*
отец-ERG мать-ERG тот-ATTR девушка искать вещь
ha?a-r = a
4.делать.IPFV-CVB = be
‘Отец с матерью ищут её и прочее, {но не находят.}’
- (14) *edemi-r edemi ji'χi'-r jiq'-e*
мужчина-ERG мужчина 1.бить.PFV-CVB 1.умирать-IMP
kar hi?i-ne ha-bir d-a?a-r = a
вещь 4.делать.PFV-COND тот-PL HPL-делать.IPFV-CVB = be
suŋgu-n
{1}исчезать.PFV-NMLZ
‘Если человек человека убил и тому подобное, их выселяют.’
- В роли собственно глагольного распространителя выступает сложный глагол *kar ha?as*, буквально ‘вещь делать’ (в смысле ‘делать V и тому подобные действия’). Как можно видеть по примерам (15) и (16), несмотря на использование в составе глагольного распространителя легкого глагола ‘делать’, «распространяемый» глагол может быть как переходным, так и непереходным.
- (15) *n'ek' wilc'a-r = a kar ha?a-r = a*
молоко 3.давать.IPFV-CVB = be вещь 4.делать.IPFV-CVB = be
ha-d riš eke ru-ru-r = a
тот-ATTR девушка большой 2-статья.IPFV-CVB = be
‘{Волчица} её кормит и всё прочее, и девушка растёт.’
- (16) *javmiš qi-d-ši-r kar hi?i-r*
собираться RE-HPL-статья.PFV-CVB вещь 4.делать.PFV-CVB
‘{Вернулись братья с войны.} Собрались и тому подобное сделали...’

4 Внутригенетический фон

В настоящее время в литературе можно найти сведения об инвентаре слов-заместителей и слов-распространителей лишь для нескольких языков нахско-дагестанской семьи. Из языков лезгинской группы слова-заместители наиболее подробно описаны

для агульского и удинского языков. В **агульском** в качестве заместителей для обозначения одушевленных и неодушевленных референтов используются, соответственно, вопросительные местоимения ‘кто’ и ‘что’; в роли заместителя для обозначения действий выступает сложный глагол ‘что делать’ (Ganenkov et al. 2010: 99–100, 105–107); таким образом, картина здесь аналогична тому, что выше мы видели в кининском рутульском. В **удинском** местоимение ‘что’ используются в качестве «универсального» заместителя для обозначения любых референтов; сложный глагол ‘что делать’ — заместитель для обозначения действий (Ganenkov et al. 2010: 93–98, 103–105). В описании мишлешского говора **цахурского** языка упоминается функция заместителя у местоимения ‘что’ — оно используется как «пустое» слово «в том случае, если говорящий не смог подобрать подходящего обозначения, причем ⟨...⟩ принимает на себя все словоизменительные характеристики замещаемого слова, такие как число, падеж и т.п.», — а также у наречия ‘куда’ (А. Е. Кибрик, Тестелец 1999: 140, 146, 877), ср. примеры ниже. К сожалению, нет сведений об используемых в цахурском словах-заместителях для обозначения одушевленного участника.

- (17) *sa jiv-i^l ma-na... sa niš-e:qa*
 один день-OBL-SUP этот-ATTR один что.OBL-IN-ALL
ič'-u, magazin^y-e:qa ič'-u
 1.входить-PFV магазин-IN-ALL 1.входить-PFV
 ‘Однажды он... в один этот, как его? зашел, в магазин зашел.’
- (18) *ši sanixa n'aqa aφ'k'in deš.*
 мы вчера куда ⟨NPL⟩идти.PFV COP.NEG
 ‘Мы вчера в-этот-как-его? не ходили.’

Таким образом, использование вопросительных местоимений в качестве заместителей можно считать характерной особенностью лезгинских языков. Эта стратегия, однако, не является общей для всех языков лезгинской группы и тем более нахско-дагестанской семьи в целом. Например, в словаре **арчинского** языка лезгинской группы отмечается слово *atanuwɬut* «какой-то, этот, самый (когда говорящий не может вспомнить слова, которое хочет сказать)» (Чумакина и др. 2007: 45) — оно представляет собой причастие глагольного заместителя ‘вещь делать’ от суще-

ствительного *atan* ‘вещь’ (М. А. Даниэль, л.с.). В **андийском** языке аваро-андийской группы в роли заместителя, по нашим наблюдениям, выступает особое местоимение *udo-b* (с согласуемым суффиксом рода), которое морфологически можно отнести к классу демонстративов. В **хваршинском** языке цезской группы в функции заместителя используется дальний демонстратив *okwepi* (с согласуемым инфиксом рода)¹.

Информации о единицах-распространителях в нашем распоряжении еще меньше, однако можно отметить, что в удинском языке в конструкции «N – X» ‘N и тому подобное’ вторым компонентом идет местоимение ‘что’ (то есть та же единица, что функционирует и как заместитель, см. Ganenkov et al. 2010). В агульском языке конструкция общего распространения, напротив, включает слова *zat’* и *še?* с обобщенным значением ‘вещь’ (оба являются арабизмами) — здесь, таким образом, структурно конструкция параллельна рутульской, однако собственно слово ‘вещь’ другое. Следующие примеры (из устного корпуса хпюкского говора агульского языка) дают представление об употреблении агульской конструкции: легко видеть, что функция агульских распространителей аналогична рутульским.

- (19) *te=ra iže a, χal – zat’=ra*
 DEM = ADD хороший.ADV IN.быть.PRS дом вещь = ADD
хи-паа.
 статья.PFV-PRF
 ‘Он тоже хорошо живет, дом и все остальное тоже уже есть.’
- (20) *zare küče-jar ij, mašin – še? a-duj*
 пустой улица-PL COP.PST машина вещь IN.быть-PST.NEG
žüši
 ночь(TMR)
 ‘Улицы были пустыми, не было ни машин, ничего, ночью...’

¹Ср. описание особых функций дальнего демонстратива: «The use of the distal demonstrative can signal difficulty in recalling a word, or it can be used as a means of avoiding saying a word openly and when the speaker has problem finding the right word» (Khalilova 2009: 150–151).

5 Заключение

Итак, в кининском говоре рутульского языка в роли слов-**заместителей**, или маркеров препаративной подстановки, используются вопросительные местоимения ‘кто’ и ‘что’ (а также вопросительные наречия); глагольным заместителем является сочетание ‘что делать’. Эта стратегия в целом соответствует внутригенетической тенденции, наблюдаемой в лезгинских языках, родственных рутульскому, в том числе в агульском, цахурском и удинском; при этом сама по себе стратегия использования вопросительных местоимений в роли заместителей не является для нахско-дагестанской семьи единственно возможной.

Общим **распространителем** в кининском рутульском является существительное *kar* с обобщенным значением ‘вещь, дело’; на его основе строится и глагол-распространитель ‘вещь делать’. Эта стратегия распространения также отмечается в некоторых родственных языках, но в целом внутригенетическая типология распространителей в языках семьи пока еще не разработана.

Пределы наблюдаемой в нахско-дагестанских языках вариативности в выборе средств, используемых для замещения и общего распространения, пока еще далеко не ясны. Для достижения прогресса в данной области необходима внимательная работа с устным дискурсом, в ходе которой речевые сбои и другие особенности спонтанной речи подвергались бы тщательной фиксации и последующему изучению.

Список условных сокращений

1-4 — 1-4 род; ADD — аддитивная частица; ADV — наречная форма; ALL — аллатив; ATTR — атрибутивизатор; be — бытийный вспомогательный глагол; COM — комитатив; COND — условное наклонение; COP — глагол-связка; CVB — депричастие; DAT — датив; DEM — демонстратив; EL — элатив; EMPH — эмфатический префикс; ERG — эргатив; ESS — эссив; Н — личный род; NPL — личный род, множественное число; IMP — императив; IN — локализация ‘внутри ориентира’; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; LAT — латив; NEG — отрицание; NM — не мужской род; NMLZ — имя действия; OBL — косвенная основа; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRF — перфект; PRON — прохибитив; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PV — пре-

верб; QUOT — квотатив; R — русское заимствование; RE — рефактивный преверб; SUB — локализация ‘под ориентиром’; SUP — локализация ‘на ориентире’; TMR — темпоральная форма.

Литература

- Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г., ред. (1999). *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: Наследие.
- Подлеская В. И., Кибрик А. А. (2007). «Самоисправления говорящего и другие типы речевых сбоев как объект аннотирования в корпусах устной речи». *Научно-техническая информация. Сер. 2*. 2. 2–23.
- Тестелец Я. Г. (2022). *Слова-заменители в кавказских языках*. Доклад на семинаре Отдела кавказских языков ИЯз РАН, 29 сентября 2022 г.
- Чумакина М. Э., Браун Д., Квиллиам Х., Корбетт Г. Г. (2007). *Словарь арчинского языка (арчинско-русско-английский)*. Махачкала: Деловой мир.
- Ganenkov D., Lander Y., Maisak T. (2010). “From interrogatives to placeholders in Udi and Agul spontaneous narratives”. *Fillers, pauses and placeholders*. Ed. by N. Amiridze, B. Davis, M. Maclagan. Amsterdam: John Benjamins. 95–118.
- Khalilova Z. (2009). *A grammar of Khwarshi*. Leiden: LOT.
- Overstreet M. (1999). *Whales, candlelight, and stuff like that: General extenders in English discourse*. Oxford: Oxford University Press.
- Overstreet M., Yule G. (2021). *General extenders: The forms and functions of a new linguistic category*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Podleskaya V. I. (2010). “Parameters for typological variation of placeholders”. *Fillers, pauses and placeholders*. Ed. by N. Amiridze, B. Davis, M. Maclagan. Amsterdam: John Benjamins. 11–32.

Удмуртское причастие на *-ono* в зеркале типологии варьирующей модальной силы*

Дарья Дмитриевна Мордашова

МГУ имени М.В. Ломоносова;
Институт языкознания РАН

В статье рассматривается полисемичная модальная форма на *-ono* в татышлинском говоре удмуртского языка. Показано, что данная форма во многом нарушает существующие типологические обобщения, касающиеся семантики единиц с варьирующей модальной силой. Предлагается расширение первичной типологии подобных единиц за счет привлечения данных языков Европы и Юго-Восточной Азии.

Udmurt *-ono* participle in the light of variable modal force typology

Daria D. Mordashova

Lomonosov MSU;
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

The paper deals with the polysemous modal form on *-ono* in Tatyshly Udmurt. I argue that this form violates the typological generalizations concerning the semantics of variable force modals. I also expand the previously proposed typology of such modals by taking into consideration the languages of Europe and Southeast Asia.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00285, <https://rscf.ru/project/22-18-00285/>.

1 Введение

Несмотря на богатую литературу, посвященную структуре модальных систем, полисемии модальных показателей и путям их грамматикализации в языках мира (см., среди прочего, Bybee et al. 1994; Palmer 2001; van der Auwera, Ammann 2011; van der Auwera, Plungian 1998), в типологии сохраняется не столь проработанная область, связанная с вариативностью силы модального выражения. Если полифункциональность показателя, способного выражать одновременно разные типы модальных значений (например, деонтическую и эпистемическую возможность, как англ. *may*), представляется тривиальным фактом, то на полисемию по оси модальной силы (возможность vs необходимость) всерьез обратили внимание лишь после выхода в свет нескольких публикаций о малых языках Северной Америки: лиллуэт (Rullmann et al. 2008), гитксан (Peterson 2010), не-персе (Deal 2011) и некоторых других.

Явление варьирующей модальной силы (англ. *variable modal force*) можно проиллюстрировать примером из языка лиллуэт: показатель *ka* в (1) может быть проинтерпретирован как обязательство или разрешение в зависимости от контекста, в который помещено высказывание¹.

- (1) *lán-lhkacw ka áts'x-en ti kwtámts-sw-a.*
 уже-2SG.SUBJ DEON видеть-DIR DET муж-2SG.POSS-DET
 'Ты **должен** / **можешь** навестить моего мужа сейчас.'
 (Rullmann et al. 2008: 328)

В разделе 2 мы дадим краткий обзор типологии модальных систем с учетом вариативности модальной силы по (Newkirk 2022), а затем рассмотрим, каким образом наши полевые данные о полифункциональной форме на *-ою* в татышлинском удмуртском встраиваются в существующие типологические обобщения о единицах с варьирующей модальной силой (раздел 3). Приводимые

¹В качестве некоторой параллели для этого явления в индоевропейских языках могут служить случаи прагматического усиления / ослабления модального выражения, ср. предложение *You may leave now*, которое, будучи произнесенным начальником секретарю, интерпретируется скорее как требование, а не разрешение (см. обсуждение в Depraetere 2017). Принципиальным отличием английского от языков типа лиллуэт является, однако, наличие противопоставленного *may* специфицированного модального выражения с семантикой деонтической необходимости (*have to*, *ought to*).

данные собраны методом анкетирования в ходе экспедиций в Татышлинский район Республики Башкортостан в 2021–2023 гг., к анализу также привлекался корпус текстов, собранных коллективом экспедиции².

Помимо обсуждения удмуртских данных, мы дополним предложенную Л. Ньюкерк «малую» типологию данными известных нам языков с допускающими вариативность по силе модальными выражениями (раздел 4). В разделе 5 подводятся итоги.

2 Обзор типов систем по Л. Ньюкерк

Первые наблюдения, касающиеся типов модальных систем в языках мира и учитывающие варьирующую модальную силу, представлены в Newkirk 2022. В работе задается пространство возможностей для модальных систем, основанное на двух параметрах вариативности — модальной силе и модальном значении. На довольно небольшой выборке, исследованной в основном по вторичным источникам, строится предварительная типология языков, где могут быть специфицированы оба параметра, только один или ни одного из них. Выборка включает преимущественно языки Северной Америки (не персе, вашо, гитксан, лиллуэт, оканган), а также эквадорский сиона и полевые данные Л. Ньюкерк по кинанде (< банту).

В соответствии с набором противопоставлений, заданных названными параметрами, в языках возможны четыре типа модальных систем (см. Таблицу 1).

	+ модальная сила	– модальная сила
+ модальное значение	яванский (вариант местности Пачиран) (< австронезийские)	лиллуэт (< салишские)
– модальное значение	английский (< индоевропейские)	вашо (изолят); не-персе (< сахаптийские)

Таблица 1: Типы модальных систем

²См. сайт проекта: <https://tatyshly-udmurt.tilda.ws>

Вероятно, наиболее знакомой читателю является система английского типа, в которой за модальными единицами закреплено значение модальной силы, но одна и та же единица может выражать несколько модальных значений. Проиллюстрировать это можно на примере модального глагола *must*, который всегда выражает необходимость (значение параметра «+ модальная сила»), но варьирует в отношении конкретных значений (значение параметра «- модальное значение»): ср. *you must go home now* ‘ты должен пойти домой сейчас же’ (деонтическое значение) и *the light is on, John must be at home* ‘свет горит, должно быть, Джон дома’ (эпистемическое значение).

Система типа яванской наиболее строгая; модальные выражения в ней специфицированы и по силе, и по значению, хотя второй параметр требует некоторой оговорки: полисемия в яванском все же возможна, однако она не выходит за рамки определенного семантического домена (эпистемической vs неэпистемической модальности), ср. Таблицу 2³.

	Эпист.	Деонт.	Телеол.	Динам.
Сильная необходимость	<i>mesthi</i>		<i>kudu</i>	
Слабая необходимость	<i>mestine</i>		<i>kudune</i>	
Возможность	<i>paleng</i>	<i>oleh</i>	–	<i>iso</i>

Таблица 2: Система яванского языка по (Vander Klok 2012)

Полисемия в языках типа лиллуэт устроена иначе: за модальной единицей закреплено конкретное модальное значение (например, деонтическое), тогда как модальная сила может задаваться контекстом (см. (1) выше). В языках вахо и не-персе зафиксированы наиболее свободные системы: один и тот же показатель может иметь интерпретацию возможности или необходимости с различным модальным значением, см. Таблицу 3.

В (Newkirk 2022), а также в отдельных работах, обращающих внимание на вариативность модальной силы, предлагаются обобщения относительно устройства модальной системы в языке.

³Мы используем набор стандартных ярлыков для модальных значений: динамическое, телеологическое, деонтическое и эпистемическое; подробнее см. (Nuys 2016).

	Эпист.	Деонт.	Динам.
Необходимость	(частицы)		
Возможность			о'qa

Таблица 3: Система языка не-персе по (Deal 2011)

Общее наблюдение Л. Ньюкерк заключается в том, что скудность модальной системы повышает вероятность появления варьирующих по силе показателей. В (Vander Kloek 2013: 18) утверждается, что неоднозначность модальных показателей в языке допускается только по одной оси (сила или значение) в рамках каждого модального домена (эпистемическая vs неэпистемическая модальность).

Со вторым положением полемизируют авторы работы (Steinert-Threlkeld et al. 2023), утверждая, что сила и значения суть независимые параметры, поэтому в одном домене могут встречаться модальные выражения, недоспецифицированные по обеим осям одновременно. Значения параметров (сила, force, fo и значение, flavour, fl) подчиняются универсальной закономерности (Independence of Force and Flavour, IFF): если модальный маркер выражает пары значений (fo₁, fl₁) и (fo₂, fl₂), то он также выражает пары (fo₁, fl₂) и (fo₂, fl₁). Это правило формализует интуицию о том, что в естественном языке не ожидается наличие модального показателя, который бы совмещал «непересекающиеся» значения типа эпистемической необходимости (fo₁, fl₁) и деонтической возможности (fo₂, fl₂). Согласно IFF, от показателя с таким набором функций ожидалась бы также способность маркировать эпистемическую возможность (fo₂, fl₁) и деонтическую необходимость (fo₁, fl₂).

В следующем разделе мы рассмотрим удмуртские данные с позиций этих обобщений.

3 Удмуртские данные в свете типологии

Татышлинский удмуртский обладает довольно разветвленной системой модальных единиц «английского типа» (см. обзор в Мордашова 2022), однако это не препятствует развитию вариативности по силе у причастной формы на -оно.

В (Перевощиков и др. 1962: 264–266) у этой формы отмечается только значение долженствования, тогда как наши полевые данные свидетельствуют о допустимости значения возможности в атрибутивном контексте, ср. (2)–(3). Это обстоятельство идет вразрез с обобщением о связи вариативности по силе с объемом модальной системы.

- (2) *dāšet-is' bas't-ono kn'iga-les' n'im-ze*
 учить-PTCP.ACT брат-DEV книга-GEN2 имя-ACC.POSS.3SG
vera-∅-z.
 говорить-PST-3SG

‘Учитель сказал название книги, которую надо купить.’

- (3) *ta odig gine bas't-ono kn'iga.*
 этот один только брат-DEV книга
 ‘(У меня мало денег,) это единственная книга, которую я могу купить.’

Языки в выборке (Newkirk 2022) демонстрируют семантическую широту варьирующего по силе показателя: если показатель выражает модальное значение X в домене возможности, то ему доступно значение X и в домене необходимости. Удмуртская форма имеет более ограниченную сеть значений: она имеет преимущественно значения внешней необходимости или возможности, ср. (2)–(3) выше, а также допускает значение внутренней возможности (4), деонтической необходимости (5) и специфическое эпистемическое (близкое к инферентивному, когда вывод делается на основании косвенных признаков) значение (6). Согласно комментариям носителей, использование формы на *-ono* в последнем случае указывает на неизбежность события в будущем.

- (4) *vas'a uža-no ad'ami.*
 Вася работать-DEV человек
 ‘Вася — человек, умеющий работать.’
- (5) *anaj mon-e terga-lo-z, mon s'i-ono daru-jez*
 мать я-ACC ругать-FUT-3SG я есть-DEV лекарство-ACC
vūnet-is'k-em-∅.
 забывать-1-PST2-1SG

‘Мама меня отругает, я забыл выпить лекарство, которое должен принимать (по назначению врача).’

(6) *ta ves'ka-no ad'ami.*

этот выздороветь-DEV человек

‘Этот человек точно выздоровеет (врач оценивает по медицинской карте и состоянию здоровья).’

Удмуртская модальная система нарушает сформулированное выше ограничение (Vander Klok 2013) о допустимости неоднозначности только по одному из параметров (сила или значение) в рамках одного модального домена. Одна лишь форма на *-оно* демонстрирует вариативность и по силе, и по значению (в рамках поля необходимости) в домене неэпистемической модальности. Набор значений, покрываемых этой формой, показан в Таблице 4. В таблице также проиллюстрированы некоторые другие полисемичные модальные единицы в домене неэпистемической модальности, существующие в удмуртской системе наряду с формой на *-оно*: *bāgatānā* ‘мочь’, *li-e* (статья-NPST.3SG) ‘можно’, *tijāš* ‘должен’.

	Эпист.	Деонт.	Телеол.	Динам.
	<i>bāgatānā</i>	<i>bāgatānā</i>	<i>bāgatānā</i>	<i>bāgatānā</i>
	‘мочь’	‘мочь’	‘мочь’	‘мочь’
Возможность		<i>li-e</i>	<i>li-e</i>	
		‘можно’	‘можно’	
				<i>-оно</i>
	<i>-оно</i>	<i>-оно</i>	<i>-оно</i>	<i>-оно</i>
Необходимость	<i>tijāš</i>	<i>tijāš</i>	<i>tijāš</i>	
	‘должен’	‘должен’	‘должен’	

Таблица 4: Фрагмент модальной системы татышлинского удмуртского по (Мордашова 2022)

Очевидно, что набор функций формы на *-оно* противоречит типологическому обобщению о независимости силы и значения, сформулированному в разделе 2. В противном случае в домене возможности должны были бы допускаться все четыре модальных значения в пару к соответствующим значениям необходимости. Удмуртская система, однако, удовлетворяет обобщению, предложенному в (Steinert-Threlkeld et al. 2023) в качестве более слабой альтернативы закономерности о независимости параметров силы и значения (IFF): если модальный маркер выражает па-

ры значений (f_{01}, f_{11}) и (f_{02}, f_{12}) , то он также выражает хотя бы одну из пар (f_{01}, f_{12}) и (f_{02}, f_{11}) . Схематически это представлено в Таблицах 5 и 6; Таблица 5 иллюстрирует гипотетический модальный маркер, удовлетворяющий сильной формулировке закономерности, а Таблица 6 — удовлетворяющий слабой.

	Эпист.	Деонт.	Динам.
Возможность	+	+	
Необходимость	+	+	

Таблица 5: Наборы значений гипотетических модальных маркеров: сильная формулировка IFF

	Эпист.	Деонт.	Динам.
Возможность		+	+
Необходимость	+	+	

Таблица 6: Наборы значений гипотетических модальных маркеров: слабая формулировка IFF

Таким образом, удмуртская система служит примером реализации слабой формулировки закономерности, которая была заявлена в (Steinert-Threlkeld et al. 2023) лишь как гипотетическая. Несомненно, для уточнения подобных обобщений необходимы данные других языков и ареалов.

4 Дополнения к выборке Л. Ньюкерк

Этот раздел призван дополнить ограниченную во многом Северной Америкой выборку (Newkirk 2022) доступными из литературы данными по языкам других семей, в которых возникает вариативность модальной силы.

Ядром конструкции во многих из приводимых далее примеров является глагол ‘получать’ (ср. его грамматикализацию в аквизитивный, т.е. имеющий значение реализованной возможности, модальный показатель, в van der Auwera et al. 2009). Так,

среди **индоевропейских** языков можно отметить континентальные скандинавские (норвежский и шведский), где глагол со значением ‘получать’ выражает значения как внешней возможности, так и внешней необходимости, ср. пример (7) из шведского:

- (7) *Lasse fã-r köra bil.*
 Лассе получать-PRS водить машина
 ‘Лассе может/должен вести машину.’
 (van der Auwera, Plungian 1998: 103)

В балтийской группе выделяется латышский язык, в котором, согласно (Даугавет 2016), глагол *dabūt* ‘получать’ может выражать внешнюю (причем не деонтическую) возможность и необходимость. Это ограничено контекстами, предполагающими реализацию ситуации, выраженной зависимым инфинитивом.

- (8) *Beidzot Helēn-a dabūj-a apsēs-tie-s.*
 наконец Елена-NOM.SG получить.PST-3 сестр-INF-REFL
 ‘Наконец Елена смогла сестр.’ (Даугавет 2016: 397)

- (9) *Ilgi dabūj-ām gaidī-t.*
 долго получить.PST-1PL ждать-INF
 ‘Нам пришлось долго ждать.’ (Даугавет 2016: 397)

Аналогичная грамматикализация имеет место в **прибалтийско-финских** (< уральские) языках, в частности, в (Yanovich 2016) отмечена варьирующая модальная сила в эстонских и финских конструкциях. Пример (10) иллюстрирует употребление глагола *saada* ‘получать’ в финском языке.

- (10) *Saa-t lähte-ä matka-lle taivaa-seen.*
 получать-2SG идти-INF поездка-ALL небо-ILL
 ‘Ты можешь / должен отправиться на небеса.’
 (Kangasniemi 1992: 322)

В (Kangasniemi 1992: 322–323) относительно (10) уточняется, что интерпретация этого высказывания в пользу возможности или необходимости зависит от того, имеет ли адресат желание отправиться на небеса: так, в религиозном контексте, когда попадание в рай после смерти желательно, это можно понять как разрешение, тогда как в боевике о Джеймсе Бонде — скорее как угрозу о единственно допустимом, т.е. необходимом с точки зрения говорящего, развитии событий.

За пределами циркумбалтийского ареала грамматикализация глаголов с семантикой приобретения наблюдается в языках Юго-Восточной Азии, см., прежде всего, (Enfield 2003). В качестве примера приведем лаосский язык (< тай-кадайские), в котором показатель *daj* ‘получать’ маркирует событие, возникшее как результат прошедшего действия: (11)⁴, по Н. Энфилду, буквально означает ‘я переносу дом, потому что случилось что-то еще’.

(11) *kui³ daj⁰ ñaaq⁴ hùan².*

я RSLT.PRR.EVNT двигать дом

1. ‘Я могу/мог перенести дом.’

2. ‘Мне приходится/пришлось перенести дом.’

(Enfield 2003: 141)

В (van der Auwera, Plungian 1998: 103) упоминается также конструкция из разговорного баскского языка с глаголом ‘иметь’, которая допускает значения внутренней возможности и внешней (включая деонтическую) необходимости, см. (12). Глагол *dauka* является полноценным лексическим глаголом ‘иметь’, тогда как *du* обычно выступает в качестве вспомогательного глагола (хотя иногда он тоже получает лексическое значение обладания).

(12) *Joa-te-a du / dauka*

идти-VN-ART иметь.PRS.3SG иметь.PRS.3SG

‘Он может/должен идти.’ (Букв. ‘He has a/the going’)

(van der Auwera, Plungian 1998: 103)

Опрос носителей выявил наличие диалектного варьирования в отношении этой конструкции: в стандартном баскском она обозначает внешнюю динамическую возможность (‘у него есть возможность пойти’), а в бискайском диалекте употребляется только в значении необходимости с глаголом *dauka*, но в несколько иной конфигурации — с комплементаризатором *-la*, оформляющим придаточные косвенной речи. Глагол *du* в бискайском диалекте в этой конструкции не употребляется⁵:

(13) *Joa-te-a dauka-la / *due-la.*

идти-VN-ART иметь.PRS.3SG-COMP

‘Он должен идти.’

⁴Цифрами в предложении обозначены тоны различных типов в нотации (Enfield 2003).

⁵Автор благодарен А. И. Груздевой за помощь в проведении опроса.

Говоря о формах, демонстрирующих неопределенность выражаемого значения возможности или необходимости, Й. ван дер Аувера и В. А. Плуноян также приводят латинский герундив, употребленный предикативно (van der Auwera, Plungian 1998: 103):

- (14) *Mihi colenda est*
 1SG.DAT растить.GRD.F.SG.NOM быть.PRS.3SG
virtus.
 добродетель.F.SG.NOM
 ‘Я должен взращивать добродетель.’
 (Ernout, Thomas 1972: 285)

- (15) *Tu ipse tam amandus es.*
 2SG.NOM сам так любить.GRD.M.SG.NOM быть.PRS.2SG
 ‘Ты так очарователен.’
 (Ernout, Thomas 1972: 287)

Значение возможности у герундива закреплено за достаточно ограниченным набором лексем, хотя авторы не исключают, что в более ранний период латинская форма была более свободна в плане варьирования значений возможности и необходимости. Функционально латинский герундив из всех рассмотренных форм наиболее близок к удмуртскому причастию на *-ono*, которое в предикативной позиции также интерпретируется только как выражающее необходимость и имеет ряд лексикализованных употреблений с генерическим значением (ср. *ž'aratono* ‘любимый’, *gažano* ‘уважаемый’ и др.).

5 Заключение

Варьирующая модальная сила остается пока типологически недоисследованным явлением. Поведение удмуртской формы на *-ono* нарушает типологические ожидания, основанные на небольшой первичной выборке языков в предшествующих работах. В частности, удмуртский допускает варьирование по силе при довольно обширной модальной системе в целом, а также демонстрирует более ограниченный спектр значений, чем ожидалось бы от варьирующей по силе формы (ср. только динамическую возможность из домена возможности). Имеющиеся данные по языкам Северной Америки можно расширить за счет языков других ареалов (как минимум Европы и Юго-Восточной Азии).

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; ALL — аллатив; ART — артикль; COMP — комплементаризер; DAT — датив; DEV — дебитив; DEON — деонтический маркер; DET — определенность; DIR — направительный маркер; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитив; GEN2 — второй генитив (аблатив); GRD — герундив; ILL — иллатив; INF — инфинитив; M — мужской род; NOM — номинатив; PL — множественное число; POSS — possessивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PST2 — второе прошедшее время; PTCP.ACT — активное причастие; REFL — рефлексив; RSLT.PRR.EVNT — результат прошедшего действия; SG — единственное число; SUBJ — субъект; VN — отглагольное имя.

Литература

- Даугавет А. Д. (2016). «Латышские глаголы *dabūt* и *tikt*: “acquisitive modals” и другие значения». *Acta Linguistica Petropolitana* XII.1. 393–406.
- Мордашова Д. Д. (2022). *Центральные модальные значения в та-тыштинском удмуртском: семантический портрет*. Доклад на Конференции, посвященной 90-летию со дня рождения А. И. Кузнецовой (МГУ / ИЯз РАН, Москва), 30.09–01.10.2022).
- Перевошиков П. Н., Вахрушев В. М., Алатырев В. И., ред. (1962). *Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология*. Ижевск: Удмуртское книжное издательство.
- Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. (1994). *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World*. Chicago: University of Chicago Press.
- Deal A. R. (2011). “Modals without scales”. *Language* 87.3. 559–585.
- Depraetere I. (2017). “On the pragmatics of modal verbs”. *Selected papers on theoretical and applied linguistics* 17. 14–26.
- Enfield N. J. (2003). *Linguistic epidemiology: semantics and grammar of language contact in mainland Southeast Asia*. London: Routledge.
- Ernout A., Thomas F. (1972). *Syntaxe latine*. Paris: Klincksieck.
- Kangasniemi H. (1992). *Modal expressions in Finnish*. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.

- Newkirk L. (2022). “Be flexible, but not too flexible: limited variable-force modals in Kinande and the typology of modal force”. PhD thesis. The State University of New Jersey.
- Nuyts J. (2016). “Analyses of the modal meanings”. *The Oxford handbook of modality and mood*. Ed. by J. Nuyts, J. van der Auwera. Oxford: Oxford University Press. 31–49.
- Palmer F. R. (2001). *Mood and Modality*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- Peterson T. (2010). “Epistemic modality and evidentiality in Gitksan at the semantics-pragmatics interface”. PhD thesis. University of British Columbia.
- Rullmann H., Matthewson L., Davis H. (2008). “Modals as distributive indefinites”. *Natural Language Semantics* 16.4. 317–357.
- Steinert-Threlkeld S., Imel N., Guo Q. (2023). “A semantic universal for modality”. *Semantics and Pragmatics* 16.1.
- van der Auwera J., Kehayov P., Vittrant A. (2009). “Acquisitive modals”. *Cross-linguistic studies of tense, aspect, and modality*. Ed. by L. Hogeweg, H. de Hoop, A. Malchukov. Amsterdam: John Benjamins. 271–302.
- van der Auwera J., Ammann A. (2011). “Overlap between situational and epistemic modal marking”. *The World Atlas of Language Structures Online*. Ed. by M. Dryer, M. Haspelmath. Munich: Max Planck Digital Library. URL: <http://wals.info/chapter/76>.
- van der Auwera J., Plungian V. A. (1998). “Modality’s semantic map”. *Linguistic Typology* 2. 79–124.
- Vander Kloek J. (2012). “Tense, aspect, and modal markers in Paciran Javanese”. PhD thesis. McGill University.
- (2013). *On a formal typology of modality*. Ms.
- Yanovich I. (2016). “Old English *motan, variable-force modality, and the presupposition of inevitable actualization”. *Language* 92.3. 489–521.

Безвершинные относительные клаузы в балкарском и кумыкском языках*

Петр Олегович Россяйкин

МГУ имени М. В. Ломоносова

В работах (Cecchetto, Donati 2015; Demirok 2019) было выдвинуто типологическое обобщение о несуществовании в языках *wh-in-situ* безвершинных относительных клауз с внутренней *wh*-вершиной (конструкции *free relatives*). Мы рассматриваем конструкции, претендующие на статус безвершинных относительных клауз, в двух близкородственных *wh-in-situ* языках. Мы показываем, что в обоих языках безвершинные относительные недопускают внутреннюю вопросительную вершину, что соответствует обобщению. Однако неграмматичные *free relatives* становятся допустимы в присутствии скалярно-аддитивного оператора. Мы приходим к предположению, что в языках *wh-in-situ* все же существует очень специфическая разновидность *free relatives*.

Headless relative clauses in Balkar and Kumyk

Petr O. Rosseyaykin

Lomonosov MSU

Cecchetto, Donati 2015; Demirok 2019 make a typological claim that *wh-in-situ* languages do not have headless relative clauses ([-H]RC) with an internal *wh*-head (aka *free relatives*). In this paper we discuss candidate [-H]RC constructions in two closely related *wh-in-situ* languages. We show that in both languages [-H]RCs cannot have an internal *wh*-head which complies with the typological claim. However, ungrammatical FRs turn acceptable when a scalar-additive operator is present. We conjecture that *wh-in-situ* languages do have a very peculiar species of *free relatives*.

* Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285).

1 Введение

Малкарский диалект карачаево-балкарского языка и терский диалект кумыкского языка (далее — балкарский и кумыкский язык соответственно) — генетически и ареально близкие тюркские идиомы. В данной работе будет рассмотрен вопрос о существовании в этих языках безвершинных относительных клауз. Параллельное обсуждение этих языков обусловлено, во-первых, их грамматическим сходством и, во-вторых, параллелизмом имеющих у нас данных, собранных в ходе экспедиций ОТиПЛ МГУ в с. Верхняя Балкария (Кабардино-Балкарская Республика) и с. Предгорное (РСО — Алания) в 2021–2023 гг.

Оставшаяся часть статьи структурирована следующим образом: в разделе 2 коротко обсуждается типология безвершинных относительных клауз и обобщение о невозможности образования одной из их разновидностей в языках *wh-in-situ*. В разделе 3 дан обзор конструкций, претендующих на статус безвершинных относительных в балкарском и кумыкском языках (в сравнении с турецким). В разделе 4 обсуждаются конструкции типа кумык. *kim gel-se-de* (кто приходит-COND-ADD) ‘кто бы ни пришел’; показано, что они не являются относительными клаузами. В разделе 5 обсуждаются конструкции типа кумык. *kim gel-gen-ne* (кто приходит-PFCT-ADD) ‘все, кто пришли’, в большей степени похожие на безвершинные относительные. Раздел 6 представляет собой заключение.

2 Типология безвершинных относительных клауз

В обоих рассматриваемых языках не существует специализированных относительных местоимений (что типично для тюркских языков), относительные клаузы вводятся причастиями на *-GAn*¹ (перфект) и *-llk* (будущее время), которые, опять же, имеются и в других тюркских языках (далее в большинстве примеров бу-

¹Большими буквами обозначаются сегменты, реализующиеся различным образом в зависимости от ряда. /G/ реализуется как [g] или [ɣ], /A/ – как [e] или [a], /I/ – как [i] или [ɨ]. Подобная запись используется в первую очередь в качестве нотационного девайса и не должна восприниматься в качестве имплицитного теоретического утверждения о фонологии языков мира.

дет рассматриваться только форма на *-GAn*). Пример кумыкской относительной клаузы (*gelgen* ‘пришедший’), модифицирующей субъектную именную группу (ИГ) *adam* ‘человек’, показан в (1).

- (1) *gel-gen adam alma-la-ni aša-di.*
 приходить-РФСТ человек яблоко-PL-ACC есть-РСТ
 ‘Тот/те, кто пришел/пришли, съел/съели яблоки.’

В (1) в качестве (внешней) вершины относительной клаузы выступает ИГ *adam*. Она занимает аргументную позицию в матричной клаузе, и в то же время ей соответствует пробел в относительной клаузе (ее субъект; тот, кто пришел). В языках мира возможны и относительные клаузы без внешней вершины. В работе (Caronigro 2021) выделяются следующие разновидности безвершинных относительных клауз:

- (2) а. ОТНОСИТЕЛЬНАЯ КЛАУЗА С ЛЕГКОЙ ВЕРШИНОЙ
Петя позвал того/кого-то/всех, [кого_i видел вчера _i].
- б. СВОБОДНАЯ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ КЛАУЗА
Петя позвал [кого_i видел вчера _i].
- с. СУПЕРСВОБОДНАЯ ОТНОСИТЕЛЬНАЯ КЛАУЗА
Ghamil-t [li għid-t-l-i].
 делать.PFV-1SG COMP говорить.PFV-2SG-DAT-1SG
 ‘Я сделал что ты мне сказал.’ (мальтийский)

Далее для обозначения этих типов мы будем использовать сокращения LHR (light-headed relative clause), FR (free relative clause) и SFR (super free relative clause) соответственно. Безвершинные относительные клаузы в целом мы будем обозначать как [-H]RC (где -H означает -Head).

LHR, строго говоря, имеют внешнюю вершину, в качестве которой выступает детерминатор, см. (2а). Эти клаузы отличаются от обычных относительных клауз по ряду признаков (Citko 2004), в том числе и в русском языке. Свободные относительные (2б) не имеют внешней вершины, однако внутри клаузы пробелу соответствует местоимение, либо совпадающие с вопросительным словом (как в русском), либо образованное от него — внутренняя вершина. Наконец у SFR нет ни внешней, ни внутренней вершины (2с). Внутри относительных клауз разных типов также может находиться выраженный подчинительный союз, как в (2с).

Языки *wh-in-situ*, к которым относятся балкарский и кумыкский, интересны тем, что в них не могут образовываться FR (Seschetto, Donati 2015; Demirok 2019). В (3) показан пример из английского, где в зависимости от матричного предиката клауза с вопросительным словом интерпретируется либо как вопросительная (косвенный вопрос), либо как относительная (то же в русском переводе). В турецком, однако, относительная клауза с вложенным вопросительным словом невозможна (4).

(3) *I know/ate [what Sue cooked].*
 ‘Я знаю/съел, что Сью приготовила.’

(4) турецкий (Demirok 2019: 2)

a. *Suzan [Can-in ne pişir-diğ-in-i]*
 Сюзан Джан-GEN что готовить-NMN-3SG-ACC
merak ed-iyor.
 интересоваться-IPFV

‘Сюзан интересуется, что приготовил Джан.’

b. **Suzan [Can-in ne pişir-diğ-in-i] ye-di.*
 Сюзан Джан-GEN что готовить-NMN-3SG-ACC есть-PST
 Ожид.: ‘Сюзан съела, что Джан приготовил.’

В разделах 3–5 мы рассмотрим безвершинные относительные в балкарском и кумыкском (в сравнении с турецким) и покажем, что в этих языках существует один тип конструкций, предположительно нарушающих проиллюстрированное обобщение.

3 Безвершинные относительные в кумыкском и балкарском: обзор

С. Иатриду выделяет в турецком языке две стратегии образования конструкций, имеющих признаки [-H]RC (Iatridou 2013):

(5) турецкий (Iatridou 2013: 129–130)

a. *[Sen-in pişir-dik-ler-in]-i yi-yeceğ-im.*
 ты-GEN готовить-NMN-PL-2SG-ACC есть-FUT-1SG

‘Я съем то, что ты приготовил.’

- b. [*Sen ne pişir-di-yse-n*] *yi-yeseğ-im.*
ты что готовить-PST-COND-2SG есть-FUT-1SG
‘Что бы ты ни приготовил, я это съем.’

В первом случае (5a) нет ни вопросительного слова внутри относительной клаузы, ни внешней вершины, и именная морфология присоединяется непосредственно к номинализованной форме глагола. Следуя (Kornfilt 2005), подобные конструкции можно анализировать как LHR, где в качестве легкой вершины выступает либо нулевой показатель, либо какой-то из показателей именной морфологии.

Во втором случае (5b) внутри клаузы имеется вопросительное слово, а сама она оформляется показателем кондиционалиса. Этот тип, на первый взгляд, можно классифицировать как FR, что опровергнет обобщение из раздела 2, однако С. Иатриду приводит аргументы против такого анализа (Iatridou 2013). Вместо этого для (5b) предлагается коррелятивный анализ, где клауза с вопросительным словом является коррелятивной, а аргументную позицию в матричной клаузе занимает скрытое местоимение-коррелят.

В балкарском и кумыкском обнаруживаются те же два типа конструкций: в (6) представлена стратегия 1, в (7) — стратегия 2. Отметим, что, в отличие от турецкого, в рассматриваемых нами языках стратегия 2 требует использования скалярно-аддитивного показателя *da* (балк.) / *-da* (кумык.), который в кумыкском допускает выпадение /d/.

- (6) a. *amina [kel-gen](-le)-ge da xicin ber-e-di.*
Амина приходить-PFCT-PL-DAT ADD хычин давать-IPFV-3
1. ‘Амина всем приходящим дает хычин.’
2. ‘Амина пришедшему тоже дает хычин.’ (балк.)
- b. *madina [gel-gen]-ni quçaq-la-di.*
Мадина приходить-PFCT-ACC обнимать-PST
‘Мадина обняла того, кто пришел.’ (кумык.)
- (7) a. [*alim kim-ni çaqir-sa *(da) fatima*
Алим кто-ACC пригласить-COND ADD Фатима
kel-lik-di.
приходить-FUT-3SG
‘Кого бы Алим ни пригласил, Фатима придет.’ (балк.)

- б. [*xabib ne zat aša-sa-(d)a*] *ana-si ovar*
 Хабиб что вещь есть-COND-ADD мать-3 тот.DAT
urš-a.
 ругать-IPFV

‘Что бы Хабиб ни съел/ел, мать его ругает.’ (кумык.)

Таким образом, мы приходим к выводу, что и в турецком, и в балкарском, и в кумыкском используются одинаковые стратегии образования [-H]RC или схожих конструкций. В следующих двух разделах мы рассмотрим эти две стратегии по отдельности, начиная со стратегии 2.

4 Стратегия 2: универсальные условные уступительные клаузы

Как и С. Иатриду (Iatridou 2013), мы считаем, что конструкции типа 2 не являются [-H]RC. В пользу этого свидетельствует невозможность нахождения клаузы, содержащей вопросительное слово, в аргументной позиции. Балкарский пример (8а) показывает, что вопросительное слово такой клаузы не может получать падеж от матричного предиката (в данном случае датив). При этом падежное маркирование допустимо в грамматикализованном варианте этой конструкции (8б), где в качестве глагола может выступать только бытийная связка². Запрет на падежное маркирование в кумыкском показан в (9).

- (8) а. *amina [kim(*-ge) kel-se da] xicin*
 Амина кто-DAT придходить-COND ADD хычин
ber-e-di.
 давать-IPFV-3SG
 ‘Кто бы ни пришел, Амина дает ему хычин.’ (балк.)
- б. *amina [kim-ge bol-sa da] xicin ber-e-di.*
 Амина кто-DAT быть-COND ADD хычин давать-IPFV-3SG
 ‘Амина всем подряд дает хычины.’ (балк.)

²Типологически частотное явление, см., например, Haspelmath 1997: 135–140, ср. рус. *кто бы то ни было*.

- (9) *madina* [*kim*(*-ni) *gel-se-de*] *quçaqla-j-dî*.
 Мадина кто-АСС приходитъ-COND-ADD обнимать-IPFV-PST
 ‘Мадина всех, кто приходил, обнимала.’ (кумык.)

Кумыкские примеры (10)–(11) показывают, что клауза с вопросительным словом не может быть и аргументом послелого. Грамматичны предложения, в которых аргументная позиция занята выраженным местоимением-«коррелятом», например о ‘тот’.

- (10) кумыкский
- a. **muxtar* [*kim gel-se-de*] *minen xavarla-j*.
 Мухтар кто приходитъ-COND-ADD с говорить-IPFV
 Ожид.: ‘Кто бы ни пришел, М. с ним разговаривает.’
- b. *muxtar* [*kim gel-se-de*] *onu-mnan*
 Мухтар кто приходитъ-COND-ADD тот.АСС-с
xabarla-j.
 говорить-IPFV
 ‘Кто бы ни пришел, Мухтар с ним разговаривает.’
- (11) *fatima* [*kim gel-se-de*] *(o) *uĉun*
 Фатима кто приходитъ-COND-ADD тот о
sora-j-dî.
 спрашивать-IPFV-PST
 ‘Кто бы ни приходил, Фатима о нем спрашивала.’

Мы, однако, не принимаем коррелятивный анализ (Iatridou 2013) для этих конструкций. Один из аргументов С. Иатриду состоит в том, что подобные конструкции в турецком недопустимы, если в матричной клаузе нет позиции для коррелята. В балкарском и кумыкском, однако, такого ограничения нет:

- (12) a. [*alim kim-ni ĉaqir-sa*] *(da) *fatima*
 Алим кто-АСС пригласить-COND ADD Фатима
kel-lik-dî.
 приходитъ-FUT-3SG
 ‘Кого бы Алим ни пригласил, Фатима придет.’ (балк.)
- b. [*kim gel-se-de/e*] *meni uĉat*.
 кто приходитъ-COND я.АСС будить.IMP
 ‘Кто бы ни пришел, разбуди меня.’ (кумык.)

Более того, по данным (Demirok 2017: 160), такого ограничения нет и в турецком:

(13) турецкий

[*Partiye kim gel-se*] *eğleneriz.*

вечеринка кто приходит-COND нам_будет_весело

‘Кто бы ни пришел на вечеринку, нам будет весело.’

В примерах (12)–(13) в матричной клаузе нельзя восстановить позицию для коррелята о ‘тот’, который был бы «коррелентен» вопросительному слову в клаузе на левой периферии. Таким образом, можно заключить, что во всех трех рассматриваемых языках мы имеем дело с универсальной условной уступительной конструкцией³, что и отражено в русских интерпретациях. Таким образом, вопросительная клауза в рассматриваемых примерах — протасис условной конструкции, а не относительная клауза без вершины. Следовательно, типологическое обобщение (Cecchetto, Donati 2015; Demirok 2019) не нарушается.

5 Стратегия 1: безвершинные относительные

С другой стороны, конструкции, предварительно охарактеризованные как стратегия 1, действительно являются [-H]RC. Как уже было показано в (6) и повторено ниже в (14) они могут занимать аргументную позицию и иметь падежное маркирование.

(14) a. *amina [kel-gen](-le)-ge da xicin ber-e-di.*

Амина приходит-РФСТ-PL-DAT ADD хычин давать-IPFV-3

1. ‘Амина всем приходящим дает хычин.’

2. ‘Амина пришедшему тоже дает хычин.’ (балк.)

b. *madina [gel-gen]-ni qiçaqla-di.*

Мадина приходит-РФСТ-ACC обнимать-РСТ

‘Мадина обняла того, кто пришел.’ (кумык.)

³См., например, Demirok 2017; Iyer 2017; Rawlins 2013. Возможно, все универсальные условные уступительные следует анализировать как коррелятивные конструкции, однако обсуждение этого вопроса лежит далеко за пределами настоящей работы.

При этом, по крайней мере в кумыкском языке, приемлемость [-Н]RC снижена при отсутствии какой-либо именной морфологии, т.е. если относительная клауза находится в позиции субъекта и не маркирована, например, множественным числом (15). Ж. Корнфилт обсуждает такое же ограничение в турецком языке (Kornfilt 2005).

- (15) *gel-{*gen/ge-ler}* *alma-la-ni* *aşa-di*.
 приходит-РФСТ/РФСТ-PL яблоко-PL-ACC есть-РСТ
 ‘Те/все, кто пришли, съели яблоки.’ (кумык.)

Как и в турецком (4b), в кумыкском языке недопустимо образование собственно FR⁴. Например, добавление вопросительного слова в позицию субъекта относительной клаузы в (14b) делает соответствующее предложение недопустимым (16)).

- (16) **madina [kim gel-gen]-ni* *quçaqla-di*.
 Мадина кто приходит-РФСТ-ACC обнимать-РСТ
 Ожид.: ‘Мадина обняла того, кто пришел.’ (кумык.)

Примеры ниже показывают, что и балкарский, и кумыкский относятся к языкам wh-in-situ, причем воспросительные слова в них не совершают даже скрытых передвижений, поскольку допустимы в синтаксических островах (остров адъюнкта в (17a), (18a) и остров сложной ИГ в (17b), (18b)).

- (17) балкарский (Вознесенская, Манина 2022)

- a. *asijat [kerim ne-ni boja-vanda] kitab oqu*
 Асият Керим что-ACC красить-когда книга читать
e-di?
 AUX-РСТ
 ‘Асият читала книгу, когда Керим красил что?’
- b. *sen [[fatima-ni žaš-i ne-ni žaz-kan]*
 ты Фатима-GEN сын-3 что-ACC писать-РФСТ
žangliq-ni] ešt-gen-se?
 новость-ACC слышать-РФСТ-2SG
 ‘Ты слышал новость, что сын Фатимы что написал?’

⁴У нас нет параллельных данных для балкарского. Можно предполагать, что аналогичные балкарские примеры также будут недопустимы. По крайней мере, подобные примеры никогда не предлагались носителями.

(18) кумыкский

- a. [*kim gel-genne*] *alma-la-ni aša-di?*
 кто приходит-когда яблоки-PL-ACC есть-РСТ
 ‘Кто, когда приходил, яблоки съел?’
- b. *asijat* [[*fatima kim-ge ber-gen*] *kiniške-ni*]
 Асият Фатима кто-DAT давать-РФСТ книга-ACC
oxu-du?
 читать-РСТ
 ‘Асият прочитала книгу, которую кому Фатима давала?’

Таким образом, наблюдаемое в (16) ограничение типологически ожидаемо, см. раздел 2. Примечательно, однако, что конструкции типа (16) становятся приемлемыми при добавлении к относительной клаузе скалярно-аддитивного показателя (19), (20). При этом у них возникает интерпретация универсальной квантификации или универсального свободного выбора, которую имеют и другие конструкции со скалярно-аддитивной частью (см., например, раздел 4).

(19) балкарский

- a. *amina* [*kim gel-gen]-nge* *da xicin*
 Амина кто приходит-РФСТ-DAT ADD хычин
ber-e-di.
 давать-IPFV-3SG
 ‘Амина каждому пришедшему дает хычин.’
- b. *amina* [*kim kel-lik]-ni* *da qucaqla-riq-di.*
 Амина кто приходит-FUT-ACC ADD обнимать-FUT-3SG
 1. ‘Амина обнимет того, кто подойдет.’
 2. ‘Кто бы ни подошел, Амина обнимет его.’

(20) кумыкский

- a. *madina* [*kim gel-gen]-ni*(-de)* *qucaqla-di.*
 Мадина кто приходит-РФСТ-ACC-ADD обнимать-РСТ
 ‘Мадина всех, кто пришел, обнимала.’
- b. [*amina ne zat et-gen]-ni*(-de)* *axmat aša-di.*
 Амина что вещь делать-РФСТ-ACC-ADD Ахмат есть-РСТ
 ‘Все, что Амина сделала, Ахмат съел.’

Хотя в большинстве примеров вопросительное слово находится на левой периферии относительной клаузы, из примера (20b) видно, что оно может находиться и внутри нее и, таким образом, действительно является внутренней вершиной, а не внешней. Кроме того, внешняя вершина обычно располагается справа от относительной клаузы, и ее замена на вопросительное слово недопустима (21). Таким образом, по крайней мере по основным формальным критериям (отсутствие внешней вершины, наличие внутренней вопросительной вершины, аргументная позиция) конструкции в (19)–(20) действительно соответствуют FR.

- (21) *gel-gen adam/*kim alma-la-ni aša-di.*
 приходит-РФСТ человек/кто яблоко-PL-ACC есть-РСТ
 ‘Те, кто пришли, съели яблоки.’ (кумык.)

Наблюдаемый в (19)–(20) положительный эффект от добавления скалярно-аддитивной частицы, на первый взгляд, представляется достаточно загадочным. Возможно, что в (19)–(20) представлен частный случай более общей конструкции, характеризующейся дистантным взаимодействием вопросительного слова и скалярно-аддитивной частицы в различных конфигурациях. Подобные примеры существуют в японском языке (22).

- (22) японский (Shimoyama 2006: 139, 146)

- a. *Dono gakusei-mo odotta.*
 который студент-ADD танцевал
 ‘Каждый студент потанцевал.’
- b. [[*Dono gakusei-ga syootaisita*] *sensei]-mo*
 который студент-НОМ пригласил учитель -ADD
odotta.
 танцевал
 ‘Для каждого студента X, учитель, приглашенный X, потанцевал.’
- c. [[[*Taro-ga nani-o katta-kara*] *okotta*]]
 Таро-НОМ что-ACC купил-потому.что разозлился
hito]-mo heya-o deteitta.
 человек -ADD комната-ACC покинул
 ‘Для каждой вещи X, человек, разозлившийся из-за того, что Таро купил X, ушел.’

В (22) скалярно-аддитивная частица может как присоединяться непосредственно к ИГ с вопросительным словом (22a), так и находиться в другой клаузе, даже отделенной границей синтаксического острова (22b)–(22c).

В балкарском допустимы примеры, структурно аналогичные (22b), см. (23), хотя они разрешаются и не всеми носителями⁵. При этом набор интерпретаций отличается от аналогичного японского примера и среди опрошенных носителей доминирует интерпретация 2, а не ожидаемая 1.

- (23) [[*qallaj kitap oqu-kan*] *zašciq*] *da igi*
 который книга читать-РФСТ мальчик ADD хорошо
zuqla-di.
 спать-РСТ

1. ‘Каждый мальчик, который прочитал какую-то книгу, хорошо заснул (= для каждой книги X, мальчик, прочитавший X, хорошо заснул).’

2. ‘Какую бы книгу ни читал, мальчик хорошо спит [один мальчик].’

3. ‘Даже мальчик, который прочитал любую книгу, хорошо спал.’

Таким образом, на данный момент мы не можем сделать вывод о том, имеем ли мы дело с одним и тем же явлением в японском (22) и рассматриваемых тюркских языках. Мы также не можем заключить, действительно ли конструкции со скалярно-аддитивными частицами в (19)–(20) являются FR и нарушают обобщение, сформулированное в разделе 2. Это потребует формального анализа приведенных данных, который мы оставляем на будущее; анализ японских данных см. в (Shimoyama 2006).

6 Заключение

Мы рассмотрели конструкции, обладающие признаками [-N]RC, в двух тюркских языках — балкарском и кумыкском, в сравнении с турецкими данными. Во всех трех языках наблюдается один и тот же набор (квази/псевдо-)безвершинных относительных. Мы показали, что конструкции типа кумык. *kim gel-se-de* (кто приходит-COND-ADD) ‘кто бы ни пришел’ являются условными, а

⁵У нас нет соответствующих кумыкских данных

не относительными. С другой стороны, существуют подлинные [-Н]RC, состоящие из причастной клаузы без внешней вершины. При добавлении внутренней вопросительной вершины такие конструкции становятся неграмматичными.

Таким образом, на первый взгляд, все три языка соответствуют типологическому обобщению (Cecchetto, Donati 2015; Demirok 2019) об отсутствии FR в языках wh-in-situ. Однако в балкарском и кумыкском FR становятся допустимы при добавлении к относительной клаузе скалярно-аддитивного показателя *da* / *-dA*. Мы также показали, что схожие конструкции существуют в японском языке. Формальный анализ рассматриваемых конструкций на тюркском материале мы оставляем на будущее.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивный показатель; AUX — вспомогательный глагол; COMP — комплементаризер; COND — кондиционалис; DAT — датив; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; IPFV — имперфектив; NMN — номинализация; NOM — номинатив; PFCT — перфект; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Вознесенская А., Манина М. (2022). *Вопросительное предложение в балкарском языке*. Экспедиционный отчет.
- Caponigro I. (2021). “Introducing Headless Relative Clauses and the findings from Mesoamerican languages”. *Headless relative clauses in Mesoamerican languages*. Ed. by I. Caponigro, H. Torrence, R. Z. Maldonado. Oxford: Oxford University Press. 1–57.
- Cecchetto C., Donati C. (2015). *(Re)labeling*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Citko B. (2004). “On headed, headless, and light-headed relatives”. *Natural Language & Linguistic Theory* 22.1. 95–126.
- Demirok Ö. (2017). “A compositional semantics for Turkish correlatives”. *WCCFL 34: Proceedings of the 34th West Coast Conference on Formal Linguistics*. Ed. by A. Kaplan, A. Kaplan, M. K. McCarvel, E. J. Rubin. Somerville, MA: Cascadilla Press. 159–166.

- (2019). *Does the cross-linguistic distribution of wh-free relatives justify a semantic typology?* Handout of a talk given at Boğaziçi University, November 11, 2019.
- Haspelmath M. (1997). *Indefinite pronouns*. Oxford: Oxford University Press.
- Iatridou S. (2013). “Looking for free relatives in Turkish”. *Proceedings of the 8th Workshop on Altaic Formal Linguistics*. Ed. by U. Özge. Cambridge, MA: MIT Press. 129–152.
- Iyer J. (2017). *Towards a universal analysis of Tamil -um NPIs: Evidence from unconditionals*. Manuscript, University of Massachusetts.
- Kornfilt J. (2005). “Free relatives as light-headed relatives in Turkish”. *Organizing grammar: Studies in honor of Henk van Riemsdijk*. Ed. by H. Broekhuis, N. Corver, R. Huijbregts, U. Kleinhenz, J. Koster. Berlin; New York: de Gruyter. 340–349.
- Rawlins K. (2013). “(Un) conditionals”. *Natural language semantics* 21.2. 111–178.
- Shimoyama J. (2006). “Indeterminate phrase quantification in Japanese”. *Natural Language Semantics* 14.2. 139–173.

Глаголы позиции в осетинском языке*

Юлия Вячеславовна Синицына

МГУ имени М. В. Ломоносова
Институт языкознания РАН

В статье рассматриваются позиционные контексты употребления глаголов *лаууын* 'стоять', *бадын* 'сидеть', *хуыссун* 'спать, лежать' в иронском диалекте осетинского языка и их дигорские варианты *лауун*, *бадун*, *хуссун*. Описаны диалектные различия в инвентаре глаголов позиции. Также обсуждаются конструкции с глаголом *лаууын* и причастием прошедшего времени.

Position verbs in Ossetic

Julia V. Sinitsyna

Lomonosov MSU;
Institute of Linguistics RAS

The paper deals with the use of the posture predicates *lɔwwən* 'stand', *badən* 'sit', *xʷəssən* 'sleep, lie' in Iron Ossetic, as well as their Digor variants. I describe dialectal differences in the inventory of position verbs. I also discuss the use of the specific construction with the past participle and the verb *lɔwwən*.

*Исследование поддержано грантом РФФ № 22-28-01639 «Создание двуязычной цифровой версии Историко-этимологического словаря осетинского языка В. И. Абаева».

1 Введение

Исследование, выполненное на материале осетинского языка, посвящено выражению местонахождения предметов при помощи глаголов позиции. Основное внимание будет сосредоточено на обсуждении допустимых контекстов для следующих глаголов: *лаууын* ‘стоять’, *хуыссын* ‘спать, лежать’ и *бадын* ‘сидеть’.

Материал собран в ходе полевой работы в Республике Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ в 2022–2023 гг. методом анкетирования, следующим фреймовому подходу к лексической типологии (см. Рахилина, Резникова 2013). Содержательные параметры анкеты описаны в (Кожемякина и др. 2014; Рыжова, Кюсева 2013; Рыжова и др. 2014). В ходе исследования были получены данные как по иронскому, так и по дигорскому диалекту осетинского языка.

Помимо полевых данных, были также привлечены материалы по иронскому диалекту из Осетинского национального корпуса (ОНК; объем на момент написания статьи — более 12 млн. словоупотреблений)¹, по дигорскому — из Дигорского корпуса (объемом 2,3 млн. словоупотреблений)², а также из оцифрованных четырех томов Историко-этимологического словаря В. И. Абаева (1958–1989 гг.; далее — ИЭСОЯ; объем иллюстративной части — около 19 тыс. примеров)³. В исследовании не использовался устный корпус осетинского языка⁴ ввиду отсутствия достаточного количества материала по интересующей нас теме.

Примеры из осетинского языка приводятся в литературной орфографии. Для цитируемых примеров указывается источник. Для иронских примеров диалект не указывается; дигорские примеры приведены с соответствующей пометой.

Статья устроена следующим образом. В разделах 2 и 3 обсуждаются глаголы позиции и ограничения на их употребление в иронском и дигорском диалектах соответственно. Обсуждение результатов представлено в разделе 4.

¹<http://corpus.ossetic-studies.org/>

²<http://corpus-digor.ossetic-studies.org/>

³Подробнее о процессе оцифровки см. в (Belyaev et al. 2021).

⁴<https://www.ossetic-studies.org/ru/texts>

2 Глаголы позиции в иронском диалекте

2.1 Инвентарь глаголов

В языках мира существует две стратегии для выражения положения объекта в пространстве — универсальная и классифицирующая (см. подробнее Рахилина 2008: 288–289). При универсальной стратегии для выражения положения объекта в пространстве используется один предикат независимо от свойств самого объекта или характеристики поверхности, на которой он находится. Пример (1) иллюстрирует универсальную стратегию с экзистенциальной связкой *и(с)* в осетинском языке (иронский диалект).

(1) *СОГУ Ватутин-ы уындж-ы ис.*

СОГУ Ватутин-GEN улица-IN ехст

‘СОГУ находится на улице Ватутина.’

Классифицирующая стратегия предполагает использование нескольких глаголов в зависимости, например, от топологической характеристики объекта или его функциональности. Как правило, это глаголы положения человека в пространстве, которые также употребляются в контекстах с животными и неодушевленными объектами. Глаголы *лæууын*, *хуыссын*, *бадын* при описании положения человека в пространстве означают вертикальное (2), горизонтальное (3) и промежуточное, сидячее, положение (4) соответственно.

(2) *Мамæ лæуу-ы уат-ы астæу.*

мама стоять-PRS.3SG комната-GEN посреди

‘Мама стоит посреди комнаты.’

(3) *Алан хуысс-ы æмæ чыныг кæс-ы.*

Алан лежать-PRS.3SG и книга читать-PRS.3SG

‘Алан лежит и читает книгу.’

(4) *Папæ къæлæтджын-ы бад-ы.*

папа кресло-IN сидеть-PRS.3SG

‘Папа сидит в кресле.’

Отметим, что для глагола *хуыссын* в ИЭСОЯ в качестве первого значения приводится ‘спать’; этимологически данный глагол также восходит к индоевропейской основе с этим значением

(см. Абаев 1989: 272, а также цитируемые источники). Тем не менее в словарной статье можно найти пример, в котором значение ‘спать’ исключается по контексту:

- (5) къуым-ы фæсдуар хъæмп-ыл хуыссыд Сæниат,
 угол-IN за_дверью солома-SUPER лежать.PST.3SG Саниат
 хъæрзыд-та...
 стонать-PST.3SG

‘В углу за дверью лежала Саниат, она стонала (ей пришлось время рожать).’ (Абаев 1989: 272)

Рассмотрим далее допустимые контексты употребления для каждого глагола отдельно.

2.2 Глагол хуыссын ‘спать, лежать’

Как правило, глагол хуыссын употребляется только в контекстах с одушевленными объектами (людьми, крупными животными), см. (2) и (5) из предыдущих разделов. Тем не менее некоторые молодые носители допускают употребление глагола хуыссын при описании местонахождения невертикально ориентированного объекта на горизонтальной поверхности — например, мобильного телефона (6).

- (6) Телефон стъол-ыл и / ??хуыссы.
 телефон стол-SUPER EXST лежать-PRS.3SG
 ‘На столе находится / лежит телефон.’

Данное употребление глагола хуыссын можно связать с влиянием русского языка, в котором в (6) не может использоваться никакой другой глагол позиции, кроме *лежать*.

2.3 Глагол бадын ‘сидеть’

Указание на сидячее положение сохраняется при употреблении глагола бадын с названиями крупных животных — например, кошки, ср. перевод (7) в зависимости от используемого глагола.

- (7) Гæды уæрджы-т-ыл бад-ы / хуыссы.
 кошка колено-PL-SUPER сидеть-PRS.3SG лежать-PRS.3SG
 ‘Кошка сидит / лежит на коленях.’

Глагол *бадын* — единственно возможный в случае указания на положение птиц и насекомых независимо от ориентации поверхности, на которой находится объект:

- (8) *Къул-ыл / цар-ыл бындз бад-ы /*
 стена-SUPER потолок-SUPER муха сидеть-PRS.3SG
**хуысс-ы / *лауу-ы.*
 лежать-PRS.3SG стоять-PRS.3SG
 ‘Муха сидит на стене / на потолке.’

Помимо этого, только глагол *бадын* может употребляться при описании положения погодных объектов, таких как тучи или туман, ср. взятый из ОНК пример (9), который был положительно оценен носителями.

- (9) *Сау мигъ-тæ бад-ынц сау хох-ыл...*
 черный туча-PL сидеть-PRS.3PL черный гора-SUPER
 ‘Черные тучи находятся (букв. сидят) на черной горе.’
 (ОНК)

2.4 Глагол *лаууын* ‘стоять’

Наиболее широкую дистрибуцию среди осетинских глаголов позиции имеет глагол *лаууын* ‘стоять’. Данный глагол описывает положение в пространстве больших непереносимых объектов, имеющих вертикальную ориентацию — например, здание, дерево, башня, памятник и т.д., ср. (10).

- (10) *Быдыр-ы бæрзонд бæлас лауу-ы.*
 поле-IN высокий дерево стоять-PRS.3SG
 ‘В поле стоит высокое дерево.’

Помимо этого, *лаууын* может употребляться с переносимыми неодушевленными объектами. Носители однозначно допускают данный глагол с вертикально ориентированными объектами — например, холодильником или шкафом, см. (11).

- (11) *Скъапп уат-ы лауу-ы.*
 шкаф комната-IN стоять-PRS.3SG
 ‘В комнате стоит шкаф.’

В то же время употребление этого глагола с объектами, не имеющими четко выраженную вертикальную ориентацию, допус-

кают не все из опрошенных носителей. Предпочтительной в обоих случаях оказывается универсальная стратегия с экзистенциальной связкой, см. (12) и (13).

- (12) *Телефон стьол-ыл и / ?лаеуу-ы.*
 телефон стол-SUPER EXST стоять-PRS.3SG
 ‘Телефон находится / лежит на столе.’

- (13) *Тæбæгъ-ы ис / ?лауу-ы уидыг.*
 тарелка-IN EXST стоять-PRS.3SG ложка
 ‘Ложка находится / лежит в тарелке.’

Примеры (14) и (15) отличаются от примеров (12) и (13) тем, что в последних объект располагается на горизонтальной поверхности, в то время как конверт и сумку из примеров ниже скорее можно охарактеризовать как контейнеры. В этом случае даже те носители, которые разрешают использовать глагол *лаууын* в (12)–(13), указывают на недопустимость употребления данного глагола.

- (14) *Къонверт-ы ис / *лауу-ы æхца.*
 конверт-IN EXST стоять-PRS.3SG деньги
 ‘Деньги (находятся) в конверте.’

- (15) *Маæ компьютер сумкаæ-йы ис / *лауу-ы.*
 я.GEN компьютер сумка-IN EXST стоять-PRS.3SG
 ‘Мой компьютер (находится) в сумке.’

Наконец, глагол *лаууын* используется для указания на расположение объекта на вертикальной поверхности (16) или на кронштейне (17). В этом случае *лаууын* обязательно употребляется вместе с причастием прошедшего времени от глагола *ауындзын* ‘вешать’ — *ауыгъд-æй* (вешать.PTCP.PST-ABL).

- (16) а. *Ныв къул-ыл *(ауыгъд-æй) лауу-ы.*
 картина стена-SUPER вешать.PTCP.PST-ABL стоять-PRS.3SG
 ‘На стене висит картина.’

- б. *Ныв къул-ыл ауыгъд у.*
 картина стена-SUPER вешать.PTCP.PST быть.PRS.3SG
 ‘На стене повешена картина.’

- (17) *Сумка кьæпсыр-ыл ауыгъд-æй лæуу-ы.*
 сумка крючок-SUPER вешать.PTCP.PST-AVL стоять-PRS.3SG
 ‘Сумка висит на крючке.’

Причастие от глагола *ауындзын* можно использовать и с бытийной связкой *у*, как в (16b). В этом случае, однако, немного изменяется смысл высказывания — в (16b) сообщается только о факте размещения картины на стене, но ничего не сказано про актуальное положение объекта, в отличие от (16a).

3 Глаголы позиции в дигорском диалекте

Дигорские варианты иронских глаголов позиции: *лæуун* ‘стоять’, *бадун* ‘сидеть’, *хуссун* ‘спать, лежать’. Глагол *хуссун*, однако, был запрещен в (18a), аналогичном примере (3), с комментарием, что нельзя спать и читать одновременно. Таким образом, глагол *хуссун* не имеет значения ‘лежать’ в дигорском и не может включаться в систему глаголов позиции в данном диалекте. Горизонтальное положение человека в пространстве предлагается описывать с помощью конструкции *хъан-æй лæу-уй* [лежащий-AVL стоять-PRS.3SG] буквально ‘лежа стоит’⁵ (18b). Аналогичная конструкция с причастием от глагола со значением ‘вешать’ в аблативе и глаголом *лæуун* используется для описания положения висящих объектов в (16a), (17) выше и (19).

- (18) а. **ДИГОРСКИЙ**
 * *Мадинаæ диван-бæл хусс-уй æма киунугæ*
 Мадина диван-SUPER спать-PRS.3SG и книга
кæс-уй.
 читать-PRS.3SG
- б. *Мадинаæ диван-бæл хъан-æй лæу-уй æма*
 Мадина диван-SUPER лежащий-AVL стоять-PRS.3SG и
киунугæ кæс-уй.
 книга читать-PRS.3SG
 ‘Мадина лежит на диване и читает книгу.’

⁵ Согласно (Абаев 1973: 262), дигорское слово *хъан* является омонимом слову *хъан* ‘воспитанник’, и его происхождение остается неясным.

(19) ДИГОРСКИЙ

Айдæнæ фарс-бæл ауигъд-æй лæу-уй.
 зеркало стена-SUPER висеть.PTSP.PST-ABL стоять-PRS.3SG
 ‘На стене висит картина.’

Кроме этого, в ИЭСОЯ и (Таказов 2015) приводится еще один дигорский глагол со значением ‘стоять’ — *истун* (*istun* в системе записи ИЭСОЯ), см. пример (20).

(20) ДИГОРСКИЙ

Мабал ист-æ цæй мæ цор-и.
 больше_не стоять-IMP.2SG PTCL POSS.3SG около-IN
 ‘Не стой же больше возле меня.’ (Абаев 1979: 157)

Из трех опрошенных носителей дигорского диалекта только один, самый старший (1960 г.р.), разрешил использовать форму глагола *истун* в примере (21) наравне с формой глагола *лæуун*. Для самого молодого носителя (2003 г.р.) замена *лæуун* на *истун* неприемлема. Глагол *истун* в этом идиолекте имеет только значение ‘вставать’.

(21) ДИГОРСКИЙ

Мæ фидæ авар-и астæу лæу-уй /
 POSS.3SG отец комната-GEN середина стоять-PRS.3SG
 ?*ист-уй.*
 стоять-PRS.3SG
 ‘Отец стоит посреди комнаты.’

Глагол *истун* в идиолекте самого старшего носителя был безоговорочно разрешен только в контекстах указания на местоположение человека. В примере (22) употребление формы *истуй* можно допустить как дополнительное средство выразительности, форма *лæууй* при этом трактуется нейтрально. В (23), где описывается положение памятника, форма *истуй* уже не допускается вовсе.

(22) ДИГОРСКИЙ

Гъæд-и фæсте лæу-уй / ?ист-уй хонх.
 аул-GEN за стоять-PRS.3SG стоять-PRS.3SG гора
 ‘За аулом гора.’

(23) ДИГОРСКИЙ

*Парк-и ләу-уй / *ист-уй Къоста-й памятник.*
 парк-IN стоять-PRS.3SG стоять-PRS.3SG Коста-GEN памятник
 ‘В парке стоит памятник Коста.’

В Дигорском корпусе находится 49 вхождений леммы *истун* (при запрете межлексемных омонимичных разборов, чтобы исключить попадание в выборку нерелевантных употреблений); количество вхождений леммы *ләуун* — 1564⁶.

Проведенный опрос не показал существенных расхождений в допустимых контекстах употребления глагола *ләуун*. Носители дигорского также разрешают использовать этот глагол для описания местонахождения неодушевленных объектов — при этом необязательно вертикально ориентированных, ср. (24)–(25). Отметим также, что конструкция *хъанәй ләуун* (как в (18b)) не сочетается с неодушевленным объектом в (25).

(24) ДИГОРСКИЙ

Гъәд-и фәсте ләу-уй хонх.
 лес-GEN за стоять-PRS.3SG гора
 ‘За лесом стоит гора.’

(25) ДИГОРСКИЙ

*Стол-бәл бәндән (*хъан-әй) ләу-уй.*
 стол-SUPER веревка лежащий-AVL стоять-PRS.3SG
 ‘На столе лежит веревка.’

Только глагол *бадун* возможен для описания положения птиц и насекомых (26), как и его иронский вариант. Точно так же данный глагол сочетается с объектами вроде тумана или туч (27).

(26) ДИГОРСКИЙ

*Тугур-бәл биндзә бад-уй / *ләу-уй.*
 потолок-SUPER муха сидеть-PRS.3SG стоять-PRS.3SG
 ‘На потолке сидит муха.’

⁶При разрешенных омонимичных разборах количество вхождений леммы *ләуун* не меняется; в то же время количество вхождений леммы *истун* возрастает в несколько раз и составляет 307 вхождений. При этом предлагается омонимичный разбор как форм глагола *есун* ‘брать, доставать’.

(27) ДИГОРСКИЙ

Сау мегъ-тæ бад-унцæ сау хонх-бæл.
 черный туча-PL сидеть-PRS.3PL черный гора-SUPER
 ‘Черные тучи сидят на черной горе.’

Кроме этого, в (Абаев 1958: 260) для глагола *бадун* в значении ‘находиться’ приведены примеры, объектом в которых является крупный рогатый скот. Подобное употребление может быть идиоматическим и требует дальнейшего уточнения.

4 Заключение

Таким образом, были проанализированы позиционные контексты для глаголов *лæууын / лæуун* ‘стоять’, *бадын / бадун* ‘сидеть’ и *хуыссын / хуссун* ‘лежать’ в иронском и дигорском диалектах осетинского языка.

Глаголы *бадын* и *хуыссын* практически полностью ограничены контекстами с одушевленными объектами. За пределами одушевленных объектов (включая птиц и мелких насекомых), *бадын* встретился в сочетании с такими явлениями, как облака. Дигорский вариант глагола *хуыссын* — *хуссун* — не имеет значения ‘лежать’ даже в сочетании с одушевленными объектами и, следовательно, не входит в инвентарь глаголов позиции в дигорском диалекте.

Глагол *лæууын* ‘стоять’ может употребляться в позиционных контекстах с неодушевленными объектами. Предпочтительно сочетание с объектами, имеющими вертикальную ориентацию, тем не менее в некоторых идиолектах носителей иронского диалекта, а также в дигорском данный глагол по предварительным данным сочетается и с горизонтально ориентированными объектами. В обоих диалектах также была отмечена возможность глагола *лæууын / лæуун* указывать на расположение объектов на вертикальной поверхности в сочетании с причастием от глагола ‘вешать’. В ИЭСОЯ нашлись примеры с глаголом *лæууын* и причастиями от других глаголов в контекстах, указывающих на расположение невертикально ориентированных объектов:

- (28) *сæ дуар-мæ — бæх, мард йæ уæлæ*
 POSS.3PL дверь-ALL конь мертвец POSS.3SG над
баст-æй лæуу-ы.
 связывать.PTCP.PST-AVL стоять-PRS.3SG

‘На дворе — лошадь, на ней привязанный мертвец.’

(Абаев 1973: 38)

Корпусное исследование на базе иронских текстов ОНК показало следующие результаты поиска конструкции такого типа (‘V-PTCP.PST-AVL + глагол позиции’)⁷:

- ‘V-PTCP.PST-AVL + лæууы’ — 106 вхождений;
- ‘V-PTCP.PST-AVL + бады’ — 27 вхождений;
- ‘V-PTCP.PST-AVL + хуыссы’ — 16 вхождений.

Как видно из результатов поиска, количество вхождений рассматриваемой конструкции с глаголом лæууын в несколько раз превосходит количество употреблений такой конструкции с глаголами бадын и хуыссын. Рассмотрим также наиболее частотные глаголы, причастные формы которых встретились при трех глаголах позиции.

При глаголе бадын ‘сидеть’ в 25 из 27 случаев (92,6%) нам встретилась форма *æнкъардæй* ‘печально’⁸. Данный результат может свидетельствовать о том, что мы имеем дело с устоявшимся словосочетанием.

При глаголе хуыссын самой частотной можно назвать форму (*æрдæг*)-*мард-æй* (половина-убить.PTCP.PST-AVL), встретившуюся четыре раза. Стоит также отметить, что под всеми субъектами в найденных примерах подразумеваются одушевленные объекты.

Четверть контекстов (29 из 106) с глаголом лæууын содержат форму *ауыгъд-æй* (вешать.PTCP.PST-AVL). В то же время данная группа содержит такие причастия, как *мард* ‘убитый’, *хауд* ‘упавший’, *фæлдæхт* ‘опрокинутый’ (29), которые плохо сочетаются с вертикальным положением объекта в пространстве.

⁷ Например, для глагола лæууын запрос выглядел следующим образом: [V, ptcp, pst, abl] на расстоянии от 1 до 1 от [лæууы (V, sg, prs, 3)]. Было принято решение ограничиться одной глагольной формой для сохранения параллелизма с рассматриваемыми примерами из анкеты.

⁸ Слово *æнкъард* по форме является причастием прошедшего времени от глагола *æнкъарын* ‘чувствовать’ (Абаев 1958: 162), что объясняет его наличие в нашей выборке.

- (29) Уын-ынд: уæрæх сынтæг-ыл
 видеть-PRS.3PL широкий кровать-SUPER
 фæлдæхт-æй лæуу-ы дьууæ
 опрокидывать.PTCP.PST-AVL стоять-PRS.3SG два
 мард-ы
 мертвец-NMR
 ‘Видят: на просторной кровати лежат, перевернуты, два
 трупа.’ (ОНК)

Глагол *лæууын*, таким образом, может входить в состав конструкции с причастиями, которая обозначает положение объекта в пространстве специальным образом, конкретизированным тем или иным причастием. Остается вопрос о развитии контекстов употребления данного глагола. Исходя из корпусных иронских данных и опроса носителей иронского диалекта, не все из которых разрешили использовать *лæууын* в сочетании с невертикально ориентированными объектами, можно предположить, что развитие идет от конструкции с причастиями в сторону самостоятельного употребления в позиционных контекстах с невертикальными объектами. Тем не менее, эта проблематика требует дальнейшего изучения с привлечением дигорских данных, а также с расширением ареальной и типологической перспективы.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; AVL — аблатив; GEN — генитив; EXST — экзистенциальная связка; IMP — императив; IN — инессив; NMR — нумератив; PL — множественное число; POSS — possessивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; SG — единственное число; SUPER — суперэссив.

Литература

- Абаев В. И. (1958). *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. I. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР.
 — (1973). *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. II. Л.: Наука.
 — (1979). *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. III. Л.: Наука.

- Абаев В. И. (1989). *Историко-этимологический словарь осетинского языка*. Т. IV. Л.: Наука.
- Кожемякина А. Д., Кюсева М. В., Рыжова Д. А. (2014). «'Сидеть', 'стоять', 'лежать': типология локативной предикации». *Одиннадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2014 г.)* Под ред. О. В. Кузнецовой. СПб.: Нестор-История. 83–85.
- Рахилина Е. В. (2008). *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М.: Русские словари.
- Рахилина Е. В., Резникова Т. И. (2013). «Фреймовый подход к лексической типологии». *Вопросы языкознания* 2. 3–31.
- Рыжова Д. А., Кюсева М. В. (2013). «'Сидеть', 'стоять', 'лежать': локативная предикация в кабардино-черкесском языке». *Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов*. Вып. 2. Под ред. А. А. Кретьова. Воронеж: ВГУ. 253–274.
- Рыжова Д. А., Кюсева М. В., Кожемякина А. Д. (2014). «'Сидеть', 'стоять', 'лежать': типология локативной предикации». *Матеріали Українсько-російської школи-конференції молодих учених «Сучасні дослідження мови та літератури»*. Под ред. В. Д. Каліущенко. Донецьк: ДонНУ. 235–237.
- Таказов Ф. М. (2015). *Дигорско-русский словарь. Русско-дигорский словарь*. Владикавказ.
- Belyaev O., Khomchenkova I., Sinitsyna J., Dyachkov V. (2021). “Digitizing print dictionaries using TEI: The Abaev dictionary project”. *IWCLUL 2021: The 7th International Workshop on Computational Linguistics of Uralic Languages. Proceedings of the Workshop*. Ed. by F. A. Pirinen, T. Arhangelskiy, T. Trosterud, M. Rießler. 12–19.

Эксцептивные конструкции с послелогом *йеддамаæ* в осетинском языке*

Ирина Андреевна Хомченкова

МГУ имени М. В. Ломоносова;
ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН

В статье обсуждаются свойства эксцептивных конструкций с послелогом *йеддамаæ* в осетинском языке (иронский диалект). В отличие от прочих эксцептивных маркеров (*фастамаæ*, *уалдай* и др.), употребляющихся с аблативом, *йеддамаæ* сочетается с различными падежными показателями. Более того, *йеддамаæ* встречается в конструкциях без эксплицитно выраженного множества, из которого делается исключение: в конструкциях с показателем сентенциального отрицания ('кроме трех не пришло' = 'пришло только трое') и в конструкциях, где присутствует единица того же уровня, что и исключение ('кроме как на русском, на осетинском не пишут' = 'пишут только на осетинском, не на русском').

Exceptive constructions with the postposition *jet:zmz* in Iron Ossetic

Irina A. Khomchenkova

Lomonosov MSU; Vinogradov RLI, RAS

The paper deals with the exceptive postposition *jet:zmz* in Iron Ossetic. Unlike other exceptive markers (*fzštzmz*, *wzldaj* etc.), which govern ablative, *jet:zmz* combines with different cases. Moreover, *jet:zmz* is used in constructions without the overt set from which the exception is made: in constructions with the sentential negation ('except for three people did not go' = 'only three people went') and in constructions with a unit of the same level as the exception ('except in Russian, nobody writes in Ossetic' = 'people write only in Ossetic, not in Russian').

* Исследование поддержано Российским научным фондом (проект № 22-18-00285).

1 Введение

В осетинском языке (иронский диалект) значение исключения участника из некоторого множества («все / никто, кроме X») может выражаться с помощью нескольких единиц, в частности, с помощью послелогов *йеддæмæ* (встречается также написание *йедтæмæ*, *йеттæмæ*), *фæстæмæ*, *æндæр*, *уæлдай*:

- (1) Уый *йæ* = *куыст-ы йедтæмæ ни-цы зон-ы*
 тот POSS.3SG = работа-GEN кроме NEG-что знать-PRS.3SG
 ‘Он кроме своей работы ничего не знает.’

(Багаев 1982: 21)

- (2) *Габо-йæ фæстæмæ, цууылдæр уыд-ысты кълас-ы*
 Габо-AVL кроме все быть-PST.3PL класс-IN
 ‘Все ученики, кроме Габо, были в классе.’

(Ахвледиани 1963: 293–294)

- (3) *Сосланбег-æй æндæр хъæд-мæ чи а-цыд-айд, уый*
 Сослан-AVL другой лес-ALL кто PV-идти-CNTRF.3SG тот
хæдзар-ы нæ уыд.
 дом-IN NEG быть.PST.3SG

‘В доме никого не было, кроме Сосланбека, кто бы мог поехать в лес.’

(Ахвледиани 1963: 294)

- (4) *Æмбырд-ы не = ‘хсæн ныхас-æй уæлдай ни-цы*
 собрание-IN POSS.1PL = между разговор-AVL сверх NEG-что
уыд.
 быть.PST.3SG

‘На собрании между нами кроме разговора ничего не было.’

(Багаев 1982: 21)

В данной работе мы опишем свойства единицы *йеддæмæ*, основываясь как на корпусных данных (устный корпус осетинского языка¹, осетинский национальный корпус²), так и на материалах, собранных методом анкетирования в Республике Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ в 2022–2023 гг.

Как видно из примеров (1)–(4), *йеддæмæ* употребляется с генитивом, а остальные эксцептивные маркеры — с аблативом.

¹УКО; <https://www.ossetic-studies.org/ru/texts/iron>.

²ОНК; <http://corpus.ossetic-studies.org/search/>.

Однако в конструкциях с *йеддама* такого типа (с эксплицитно выраженным множеством, из которого происходит исключение некоторого участника; в (1) — *ницы* ‘ничего’) возможно не только «фиксированное» генитивное маркирование, но и как «фиксированное» номинативное маркирование, так и «производное» маркирование (в терминологии Stassen 2013), см. раздел 2.

Также *йеддама* может употребляться и в конструкциях другого типа — без эксплицитно выраженного множества (см. раздел 3). Это, во-первых, конструкции с показателем сентенциального отрицания (‘кроме трех не пришло’ = ‘пришло только трое’), а во-вторых, конструкции, где присутствует единица того же уровня, что и исключение (‘кроме как на русском, на осетинском не пишут’ = ‘пишут только на осетинском, не на русском’).

2 Падежное маркирование

Как было сказано в предыдущем разделе, послелог *йеддама* возможен с генитивом (1). Этот факт отражен в грамматиках осетинского языка: (Ахвледиани 1963: 284; Багаев 1965: 411). По (Stassen 2013)³ эту стратегию можно назвать стратегией с «фиксированным» падежом, поскольку он не зависит от падежа на множестве, из которого происходит исключение, ср. (5).

- (5) *Сæрмæт Агуындæ-йы йеддама ни-кæм-æй*
 Сармат Агунда-GEN кроме NEG-кто-ABL
тарст.
 бояться[РСТ.3SG]
 ‘Сармат не боялся никого, кроме Агунды.’

(ОНК)

Также *йеддама* сочетается и с другими падежными показателями (6). По (Stassen 2013) эту стратегию можно назвать стратегией с «производным» падежом, поскольку он совпадает с падежом на множестве, из которого происходит исключение.

³Л. Стассен обсуждает конструкции с «фиксированным» падежом и с «производным» падежом на материале компаративных конструкций (fixed-case vs derived-case comparatives), ср. *Вася выше Пети* и *Вася выше, чем Петя*. Мы распространяем это противопоставление на экцептивные конструкции, см. также обсуждение структуры экцептивных конструкций в сравнении с компаративными конструкциями в (Khomchenkova 2020).

- (6) a. *Ахсар-æн йæдтæмæ æз ни-кæм-æн загът-он.*
 Ахсар-DAT кроме 1SG NEG-кто-DAT говорить-PST.1SG
 ‘Кроме Ахсара, я никому не сказал (не говорил).’
- b. *Йæ = фыд-мæ йæдтæмæ ни-кæ-мæ*
 POSS.3SG = отец-ALL кроме NEG-кто-ALL
хъуыст-а.
 слушаться-PST.3SG
 ‘Кроме отца, он никого не слушался.’
- c. *Дæу-æй йæдтæмæ ни-кæм-æй æптæл-ы.*
 2SG-ABL кроме NEG-кто-ABL хвалить-PRS.3SG
 ‘Кроме тебя, он никого не хвалит.’
- d. *Мæн-ыл йæдтæмæ ни-кæ-уыл æууæнд-ы.*
 1SG-SUPER кроме NEG-кто-SUPER верить-PRS.3SG
 ‘Кроме меня, он никому не верит.’
- e. *Де-мæ йæдтæмæ ни-кæ-имæ ныхас код-тон.*
 2SG-COM кроме NEG-кто-COM разговор делать-PST.1SG
 ‘Кроме тебя, (я) ни с кем не разговаривал.’
 (Ахвледиани 1963: 295)

Однако *йæддæмæ* также частотен и с номинативом (7)–(8). Отметим, что в приведенных примерах падеж под послелогом не совпадает с падежом на множестве, из которого происходит исключение. В (7) употреблен генитив⁴ (ср. также противоположную ситуацию в (1)); в (8) — датив. Тем самым номинатив в этих примерах также является «фиксированным» по (Stassen 2013).

- (7) *Габо йæдтæмæ = дзы ни-кæй-ы ба-зыдт-он.*
 Габо кроме = 3PL.ABL NEG-кто.GEN PV-знать-PST.1SG
 ‘Кроме Габо, я из них никого не узнал.’
 (Ахвледиани 1963: 294)
- (8) *æз Хуыцау йæддæмæ ни-кæм-æн кув-ын.*
 1SG Бог кроме NEG-кто-DAT молиться-PRS.1SG
 ‘Я никому не молюсь, кроме Бога.’ (ОНК)

⁴В осетинском языке представлено явление вариативного оформления прямого дополнения. Генитив используется с одушевленными референтами, номинатив — с неодушевленными (Сердобольская 2020).

Также в ОНК встретился один пример с «фиксированным» показателем аблатива (9).

- (9) *Созырыхъо лæппу-йы раз алы хæцæнгарз,*
 Созруко мальчик-GEN перед каждый орудие
цыргъаг, кусæн дзаума æр-калдт-а,
 холодное_оружие рабочий вещь PV-разбрасывать-PST.3SG
фæлæ = дзы лæппу кард-æй йæддæмæ ни-цæ-мæ
 но = 3SG.ABL мальчик меч-ABL кроме NEG-что-ALL
фæ-внæлд-та.
 PV-дотрагиваться-PST.3SG

‘Созруко высыпал перед юношей все виды оружия: острые предметы, орудия труда, но из них мальчик ни до чего не дотронулся, кроме меча.’ (ОНК)

По данным ОНК, номинатив и генитив оказываются частотными, в то время как другие падежные показатели встречаются спорадически, см. таблицу 1⁵.

Падеж	NOM	GEN	ABL	ALL	DAT	SUPER	EQU
Количество	1542	1408	28	13	12	2	2

Таблица 1: Сочетаемость *йæддæмæ* с падежными показателями: данные ОНК

Эксцептивная группа может располагаться контактно — слева от множества (8), (9), из которого производится исключение, и дистантно — на левой (7) или правой периферии клаузы (10).

- (10) *Църеба — Хуссар Ирыстон-ы сæйраг горæт,*
 Цхинвал юг Осетия-GEN главный город
дзур-ынц = дзы алы æвзаг-ыл црон
 говорить-PRS.3PL = 3SG.IN каждый язык-SUPER иронский
йæддæмæ.
 кроме

‘Цхинвал — столица Южной Осетии, там говорят на всех языках, кроме осетинского.’ (ОНК)

⁵ Отметим, что эта таблица включает все виды конструкций, в том числе те, которые будут рассмотрены в разделе 3.

В большинстве рассмотренных нами случаях *йеддама* употреблялся в отрицательных предложениях, однако утвердительные предложения также встретились, ср. (10). (В УКО зафиксировано 21 вхождение *йеддама* только в предложениях с отрицательной полярностью.)

Все опрошенные носители признают конструкции с «производным» падежом. Что касается конструкций с «фиксированным падежом», большинство носителей считают базовым номинативное маркирование и не признают ни генитивное маркирование (несмотря на то, что оно частотно в ОНК), ни аблативное маркирование. Некоторые носители допускают как генитивное, так и номинативное маркирование. Меньшинство носителей считают грамматичным аблативное маркирование (предположительно по аналогии с прочими эксцептивными маркерами, которые употребляются именно с аблативом, см. (2)–(4).).

Возможность нефиксированного падежного маркирования в конструкциях с *йеддама* ставит вопрос об их синтаксической структуре. Например, в русском языке *кроме* употребляется с «фиксированным» генитивным показателем (11а), а *кроме как* — с «производными» показателями (11b), а также не только с именными группами (12).

- (11) а. Ему некому пожаловаться, **кроме** родителей / ***кроме** родителям.
 б. **Кроме как** родителям, пожаловаться ему некому.
- (12) а. Я уже ни о чем не думал, **кроме как** / ***кроме** о койке.
 б. Сижу дома, ничего не делаю, **кроме как** / ***кроме** ем, ем и еще раз ем.

В (Polinsky 2019) конструкции с *кроме* анализируются как фразовые, а с *кроме как* — как клаузальные (они деривируются с помощью клаузального эллипсиса). Подробнее об этих конструкциях см. также (Оскольская 2014).

Постулирование клаузальной структуры в осетинских эксцептивных конструкциях с *йеддама* объясняет нефиксированное падежное маркирование (6) и возможность присоединения к послелогам (13) и деепричастиям (14).

- (13) а. *Скъола-йы фæстæ йæддæмæ ахæм дидиндж-ытæ*
 школа-GEN за кроме такой цветок-PL
никуы зай-ыци.
 нигде расти-PRS.3PL
 ‘Такие цветы нигде не растут, кроме как за школой.’
- б. *Сæ = чингуы-т-ы дав-ын-ы, мар-ын-ы*
 POSS.3PL = книга-PL-IN красть-INF-GEN убивать-INF-GEN
æмæ гæрз-т-ы тыххæй йæддæмæ ни-цы
 и оружие-PL-GEN о кроме NEG-что
фыст-ой.
 писать-PST.3PL
 ‘В своих книгах они ничего не писали кроме как о том как красть, убивать, об оружии.’ (ОНК)
- (14) *Бад-гæ-йæ йæддæмæ Алан ни-куыд-æй фын-æй*
 сидеть-PCVB-ABL кроме Алан NEG-как-ABL сон-ABL
кæн-ы.
 делать-PRS.3SG
 ‘Алан никак не спит, кроме как сидя.’
- Однако *йæддæмæ* не употребляется с единицами, не образующими составляющую меньше клаузы (15) (ср. рус. *Никто никому не помогает, кроме как Петя Диме*, Polinsky 2019: 6) и с финитными глаголами (16).
- (15) а. *Алан (*знон) йæддæмæ уыцы хæдзар-мæ ни-куы*
 Алан вчера кроме этот дом-ALL NEG-когда
ни-чи цыд.
 NEG-кто ходить[PST.3SG]
 ‘Кроме Алана (вчера), в этот дом никто никогда не ходил.’
- б. **Алан Зæлина-йæн (æххуыс кæн-ын) йæддæмæ*
 Алан Залина-DAT помощь делать-INF кроме
ни-чи ни-кæм-æн æххуыс кæн-ы.
 NEG-кто NEG-кто-DAT помощь делать-PRS.3SG
 Ожидаемое значение: ‘Никто никому не помогает, кроме как Алан Залине.’

- (16) *Фынаей кæн-ын / *кæн-ы йеддæмæ Алан ни-цы*
сон-AVL делать-INF делать-PRS.3SG кроме Алан NEG-что
кус-ы.
работать-PRS.3SG
‘Алан ничего не делает, кроме как спит.’

Отметим, что мы не ожидаем, что под послелогом (которым считается *йеддæмæ*) будет клаузная структура. Послелог и деепричастия в осетинском также имеют именные свойства, что не противоречит фразовому анализу. Таким образом, в пользу клаузной структуры говорит лишь «нефиксированное» падежное маркирование. Можно было бы предположить, что перед нами — малая клауза (ср. также анализ, представленный в Philipрова 2018, где для компаративных конструкций с генитивом в русском языке постулируется структура с малой клаузой). Механизм совпадения падежа (case connectivity) требует дальнейших исследований.

3 Конструкции с *йеддæмæ*

Множество, из которого производится исключение, может быть не выражено, ср. (17) и (18). Мы предполагаем, что в общем случае это множество может оставаться имплицитным, если оно является адьюнктом.

- (17) *Бурафарныг-æн = та йæ = хи кард-æй*
Бурафарныг-DAT = CNTR POSS.3SG = REFL.GEN меч-AVL
йеддæмæ маелæт ни-цæм-æй уыд.
кроме смерть NEG-что-AVL быть.PST.3SG
‘А Бурафарныгу, кроме как от своего меча, смерти ни от чего не было.’ (ОНК)
- (18) *Адзал = ын нæй, йæ = хи кард-æй*
смерть = 3SG.DAT NEG.EXST POSS.3SG = REFL.GEN меч-AVL
йеддæмæ.
кроме
‘Ему нет смерти, кроме как от своего меча.’

В противном случае множество может остаться невыраженным только при наличии числительных в эксцептивной группе.

Так, в (19) невозможно опустить словоформу *никамæн* ‘никому’. В (20) опущение этой словоформы возможно, но лишь в случае «производного» падежного маркирования.

(19) а. *Алан(-æн) йеддæмæ ни-кæм-æн загът-он.*
Алан-DAT кроме NEG-кто-DAT говорить-PST.1SG

б. **Алан-æн / Алан йеддæмæ нæ загът-он.*
Алан-DAT Алан кроме NEG говорить-PST.1SG
‘Я не говорила [это] никому, кроме Алана.’

(20) а. *Иу лæппу(-йæн) йеддæмæ ни-кæм-æн*
один мальчик-DAT кроме NEG-кто-DAT
захът-он.
говорить-PST.1SG

б. *Иу лæппу-йæн / *иу лæппу йеддæмæ нæ*
один мальчик-DAT один мальчик кроме NEG
захът-он.
говорить-PST.1SG

‘Я не говорила [это] никому, кроме одного мальчика.’

Возможны не только количественные числительные, но и другие способы количественного выражения, ср. порядковые числительные в (21), лексема *цалдæр* ‘несколько’ в (22).

(21) *Фæндз-æм-æхсæз-æм урок йеддæмæ нама уйд-ис.*
пять-ORD-шесть-ORD урок кроме еще_не быть-PST.3SG
(И сидят они на уроке, и я спрашиваю, что-то простое было, отдельные слова какие-то...) ‘Пятый-шестой урок только был.’ (УКО: «Школа Дзуарикау, ч. 2», 48.4)

(22) *Йер æнæуый, цæлх-ыт-ыл уæрдон, фæлæ*
сейчас просто колесо-PL-SUPER повозка но
арæзт у афтид = дæр йер
делать-PTCP.PST быть.PRS.3SG только = ADD сейчас
цал-дæр фæйнаг йедтæмæ = йыл нæй.
сколько-INDEF доска кроме = 3SG.SUPER NEG.EXST
(И им было удивительно, а что такое багалаг, это телега.)
‘Вот обычная, бывает на колесах, но сделано всего лишь из нескольких досок.’ (УКО: «Агузарова Изета 2», 45.8)

Также в ОНК встречаются предложения с лексемой *йас* ‘величиной с’:

- (23) *Афтæ бæрзонд тахт-и нæ = аэроплан,*
 так высокий лететь-*PST.3SG* *POSS.1PL = аэроплан*
æмæ = мæм зæхх чысыл къори-йы йас
 и = *1SG.ALL* земля маленький шар-*GEN* величиной_с
йеддæмæ нал зынд-и.
 кроме больше_не казаться-*PST.3SG*

‘Так высоко летел наш аэроплан, и мне земля казалась маленьким шаром (букв. «кроме величиной с маленький шар больше не казалась»).’ (ОНК)

Отметим, что ограничение на числительные не наблюдается в других языках с похожей конструкцией (24); оно требует дальнейшего исследования.

- (24) ФРАНЦУЗСКИЙ
Je n'ai vu que le professeur.
 ‘I have not seen anyone but the professor’ =
 ‘I saw only the professor’ (O’Neill 2011: 175)

Также *йеддæмæ* употребляется в конструкциях, где присутствует единица того же уровня, что и исключение (25) (в данном случае *уонау* ‘по-осетински’ и *уырыссагау* ‘по-русски’). В таких примерах *йеддæмæ* еще больше сближается с единицами типа ‘только’, ср. его перевод в (25).

- (25) *Хъæууон фæсивæд-æй писмо уырыссаг-ау йеддæмæ*
 сельский молодежь-*AVI* письмо русский-*EQU* кроме
уон-ау ни-чи фысс-ы.
 осетинский-*EQU* *NEG-кто* писать-*PRS.3SG*

‘Из сельской молодежи никто не пишет письма на осетинском, только на русском (букв. «кроме как на русском, на осетинском никто не пишет»).’ (ОНК)

В литературе проводится различие между эксцептивными маркерами (exceptive marker) и «эксклюзивными» частицами (exclusive particle). Например, в японском языке единица *igai* является эксцептивным маркером, а единицы *shika* и *dake* — эксклюзивными частицами, при этом *shika* употребляется только в отрицательных конструкциях.

- (26) *Yuka-igai ko-na-katta.*
 Юка-IGAI приходить-NEG-PST
 ‘Никто не пришел, кроме Юки.’ (Hasegawa 2010: 52)
- (27) *Yuna-shika ko-na-katta.*
 Юна-ШИКА приходить-NEG-PST
 ‘Только Юна пришла.’ (Hasegawa 2010: 53)
- (28) *Daisuke-dake ki-ta.*
 Дайсуке-ДАКЕ приходить-PST
 ‘Только Дайсукэ пришел.’ (Hasegawa 2010: 63)

В осетинском языке есть несколько эксклюзивных показателей типа ‘только’, которые употребляются как в отрицательных, так и в утвердительных предложениях: *æрмæст* (эта единица наиболее частотная), *æфтид*, *айдагъ*. Интересно, что *йеддæмæ*, экцептивно-эксклюзивный показатель, может встречаться с другими эксклюзивными показателями в одном предложении (29), ср. также (22).

- (29) *Уый у йе = 'гас = дæр æндон,*
 тот быть.PRS.3SG POSS.3SG = целый = ADD железо
æрмæст = дæр йæ = уæрадж-ы сæр-т-æй
 только = ADD POSS.3SG = колено-GEN верх-PL-ABL
йеддæмæ, æмæ = йын йæ = уæрадж-ы
 кроме и = 3SG.DAT POSS.3SG = колено-GEN
сæр-т-ыл куы нæ атулай, уæд = ын
 верх-PL-SUPER если NEG окунать.SBJV.2SG тогда = 3SG.DAT
ни-цы ба-кæн-дзын-æ.
 NEG-что PV-делать-FUT-2SG
 ‘Он весь из железа, кроме верхов его колен, и если на его колени ты [колесо Балцага] не покатишься, ты ему ничего не сделаешь.’ (ОНК)

Рассмотрим долю конструкций разных типов с «нефиксированным» падежным маркированием и с послелогом в ОНК, см. таблицу 2. (Под «QR» и «по QR» понимаются конструкции с эксплицитно выраженным множеством, из которого производится исключение, и без него соответственно, под «counterpart» — конструкции с единицей того же уровня, что и исключение.)

	общее кол-во	QR	по QR	counterpart
ABL	26	18	5	3
ALL	13	7	5	1
DAT	11	7	3	1
SUPER	2	2		
EQU	2	1		1
<i>йас</i> 'размером с'	14		14	
послелог	6	2	3	1

Таблица 2: Конструкции с *йеддамаэ*: данные ОНК

Из таблицы 2 видно, что конструкции «counterpart» менее частотны, чем конструкции «по QR», которые, в свою очередь, встречаются реже, чем конструкции «QR».

Послелог *йас* 'размером с', чье значение связано с количественной оценкой, встретился только в конструкции «по QR».

Однако если рассмотреть все прочие примеры с конструкциями «по QR», то разницы между «количественными» и «неколичественными» употреблениями не обнаружится: в 9 случаях из 16 никакого количественного значения не наблюдается.

4 Заключение

Мы обсудили свойства эксцептивных конструкций с послелогом *йеддамаэ*. Он сочетается с различными падежными показателями и употребляется в трех типах конструкций: с выраженным множеством, из которого происходит исключение ('кроме X, никто не пришел' = 'пришел только X'), без выраженного множества ('кроме X, не пришел' = 'пришел только X'), а также с единицей того же уровня, что и исключение ('кроме X, на Y не говорят' = 'говорят только на X, на Y не говорят'). Во второй конструкции частотны количественные модификаторы. Первый тип конструкций возможен с утвердительными предложениями ('все пришли, кроме X'), в отличие от последних двух.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; AVL — аблатив; ADD — аддитивность; ALL — аллатив; CNTR — контрастивность; CNTRF — контрафактив; COM — комитатив; DAKE — единица *dake* (японский); DAT — датив; EQU — экватив; EXST — существование; FUT — будущее время; GEN — генитив; IGAI — единица *igai* (японский); IN — инессив; INDEF — неопределенность; INF — инфинитив; NEG — отрицание; ORD — порядковое числительное; PCVB — причастие-деепричастие; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PV — преверб; REFL — рефлексив; SBJV — субъюнктив; SG — единственное число; SHIKA — единица *shika* (японский); SUPER — суперессив.

Литература

- Ахвледиани Г. С., ред. (1963). *Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология*. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при Совете Министров Северо-Осетинской АССР.
- Багаев Н. К. (1965). *Современный осетинский язык. Ч. I. Фонетика и морфология*. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство.
- (1982). *Современный осетинский язык. Ч. II. Синтаксис*. Орджоникидзе: Ир.
- Оскольская С. А. (2014). «Конструкции с союзом кроме как и с предлогом кроме в русском языке». *Acta Linguistica Petropolitana* 2. 363–398.
- Сердобольская Н. В. (2020). *Вариативное оформление прямого дополнения в осетинском языке*. Доклад на конференции «Малые языки в большой лингвистике» (Москва, МГУ, 17–18 апреля 2020 г.)
- Hasegawa A. (2010). “The semantics and pragmatics of Japanese focus particles”. PhD thesis. The State University of New York at Buffalo.
- Khomchenkova I. A. (2020). “Exceptives in Hill Mari and Moksha Mordvin”. *ConSOLE XXVIII: Proceedings of the 28th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe (29–31 January 2020, Universitat Pompeu Fabra)*. Ed. by A. van Alem, M. de Sisto,

- E. Kerr, J. Wall. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics. 25–40.
- O’Neill T. (2011). “The Syntax of ne...que Exceptives in French”. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics* 17.1. 175–184.
- Philippova T. (2018). “Prepositional Repercussions in Russian: Pronouns, Comparatives and Ellipsis”. PhD thesis. Beer-Sheva: Ben-Gurion University of the Negev.
- Polinsky M. (2019). *The landscape of exceptives*. Handout for Chicago Linguistics Colloquium (March 8, 2019).
- Stassen L. (2013). “Comparative constructions”. *The World Atlas of Language Structures Online*. Ed. by M. Dryer, M. Haspelmath. Berlin: LangSci Press.

“Neither to the Weak nor to the Strong Did I Do Wrong”: a Moraic Analysis of Gemination in Iron Ossetic

Varvara O. Tiutiunnikova

Danil A. Alekseev

Lomonosov MSU

This paper presents a formal analysis of gemination in Iron Ossetic in the framework of Moraic Theory. We explore gemination in the formation of plural nouns and the derivation of prefixed verbs, arguing that this process is an example of inverse compensatory lengthening.

«Я не навредил ни сильному, ни слабому»: мораический анализ геминации в иронском диалекте осетинского языка

Варвара Олеговна Тютюнникова

Данил Андреевич Алексеев

МГУ имени М. В. Ломоносова

В статье представлен анализ геминации, возникающей в иронском диалекте осетинского языка при образовании множественного числа существительных, а также при присоединении преверба к глаголу. Мы показываем, что этот процесс — пример обратного компенсаторного удлинения.

1 Introduction

Gemination is a significant feature of Iron phonology, albeit an understudied one. The goal of this paper is to provide a synchronic formal account of this phenomenon. We first outline the relevant data and then present a model to describe these facts by the means of Moraic Theory (McCarthy, Prince 1986).

Ossetic comprises two major idioms, Iron and Digor, with the former being the dominant variety. We will focus on the Iron dialect, but will also draw on Digor data for cross-dialectal reference. A large part of our material was collected using (Abaev 1959) as well as (Guriev 1993), a dictionary of Iron. A smaller portion of the data was gathered using elicitation methods during fieldwork in Vladikavkaz, North Ossetia, in August 2023.

2 Data

Iron exhibits gemination in two distinct domains. We start by examining nominal morphology, specifically the formation of the plural. Plurality in nominals is expounded by the marker *-t-*, which is geminated under two conditions. First, the stem has to end with /a/ (1) or /o/ (2) followed by a sonorant; we will abbreviate such stems as *-aN* and *-oN*. Second, this last vowel of the stem has to undergo ablaut and change into /ɜ/.

(1) a. <i>ʒmbal</i>
comrade	(2) a. <i>kom</i>
avalanche
b. <i>ʒmbɜl-tɜ</i>
comrade-PL	b. <i>kɜm-tɜ</i>
avalanche-PL

Stems not undergoing ablaut do not show gemination of the plural suffix, even though they might end in a sonorant. This includes stems with an underlying /ɜ/. Analogously, the plural suffix does not geminate after stems that terminate with an obstruent (*-VO* stems).

When the stem is of the *-VOO* type, /ə/ is inserted between the stem and the plural suffix, ablaut notwithstanding, e.g. *xɜʒʒətɜ* ‘frog’ ~ *xɜʒʒətɜ* ‘frogs’. We would expect to see the same in *-VNC* stems, where C is any consonant. However, a brief study conducted in Vladikavkaz in August 2023 shows that younger speakers tend to form plurals

from such stems without the epenthesizing /ə/, while in the system of older speakers' there is a lexically conditioned variation.

We are able to generalize these facts in the following way:

	Stem Ablaut	No Stem Ablaut
-VN	-t-	-t-
-VNC		-t- (-ət-)
-VO		-t-
-VOO		-ət-

Table 1: The shape of the plural affix with respect to its environment (-ət- given in parentheses is a marginal pattern)

Verbs demonstrate two distinct cases of gemination. One is involved in the derivation of prefixed verbs using the preverb *nə-*. The stem-initial consonant is geminated after this preverb (3). As for the stems that begin with a vowel, an epenthetic /j/ or /s/ is first inserted and then geminated, with the geminated /s/ surfacing as [c:] (4).

(3) a. *kɜw-ən*
cry-INF
'to cry'

b. *nə-kɜw-ən*
PV-cry-INF
'to start crying'

(4) a. *araž-ən*
build-INF
'to build'

b. *nə-c:araž-ən*
PV-EP-build-INF
'to build out'

The second type of verbal gemination is found in the formation of the past tense. The Ossetic verb consists of a stem and a suffix expressing tense, mood, person and number features. Each verbal lexeme has a present and a past stem. Transitive verbs also insert a transitivizing suffix *-t-* after the stem¹. Example paradigms are given in Tables 2 & 3.

Transitive verbs used in the past tense exhibit gemination in all person and number forms, whereas gemination in the past tense of intransitive verbs is found only in the first and second person singular forms.

¹Some verbs actually differentiate between three stems, and morphological (in)transitivity is better to be regarded as an inflection class, since it does not always correspond to syntactic (in)transitivity. We refer the reader to (Vydrin 2023) for a more detailed overview of the Ossetic verbal system.

	SG	PL
1	<i>kod-t-on</i> [kot:ɔn]	<i>kod-t-am</i> [kot:am]
2	<i>kod-t-aj</i> [kot:aj]	<i>kod-t-at</i> [kot:at]
3	<i>kod-t-a</i> [kot:a]	<i>kod-t-oi</i> [kot:oi]

Table 2: Past tense forms of a transitive verb *kɜn* : *kond* ‘do’

	SG	PL
1	<i>səd-tɜn</i> [sət:ɜn]	<i>səd-əštɜm</i>
2	<i>səd-tɜ</i> [sət:ɜ]	<i>səd-əštut</i>
3	<i>səd, səd-i(š)</i>	<i>səd-əštə</i>

Table 3: Past tense forms of an intransitive verb *sɜw* : *səd* ‘go’

2.1 Framework

Our analysis will be presented in Moraic Theory (McCarthy, Prince 1986). This framework makes an assumption that syllables have weight, which is measured in morae (μ).

Syllables traditionally have the following structure. The central element of the syllable is called the nucleus. Most often it is a vowel, but in rare cases languages can have syllable consonants as nuclei. The segments that precede and follow the nucleus are, respectively, the onset and the coda. Onsets and codas can consist of more than one segment, making them complex.

Only nuclei and codas contribute to moraic weight (Hayes 1989: 258), collectively being called the rhyme. If a language has contrastive vowel length, short vowels occupy one mora, whereas long vowels occupy two. Codas can either bear a mora themselves or adjoin to the preceding mora (Figure 1 shows the former configuration; examples of the latter will be given in the Section 3). Onsets adjoin to the syllable (σ) node (Hayes 1989), see Figure 1.

Usually syllables are mono- or bimoraic, which draws the distinction between light and heavy syllables. However, some languages demonstrate ‘superheavy’ syllables which consist of three moras, e.g. Persian (Hayes 1989: 292) or Arabic (Kiparsky 2003). Thus, moraic structures are language-specific.

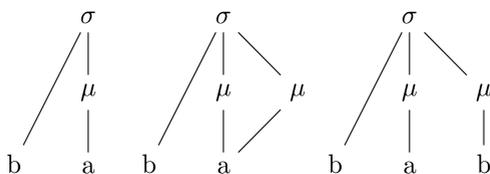

Figure 1: Moraic structures for abstract syllables /ba/, /ba:/, /bab/

3 Analysis

The first step towards a possible analysis is establishing the mora count of different Iron vowels. The language distinguishes between seven vocalic phonemes, forming a system sketched in Table 4.

	Front	Mid	Back
High	i		u
Mid		ə	o
Open-Mid	e	ɜ	
Open			a

Table 4: The Iron vocalic system according to (Abaev 1949: 364) using modern phonetic notation of (Dzakhova 2013)

Two vowels, namely /ə/ and /ɜ/, have been called ‘weak’, with the five remaining vowels labeled ‘strong’ (Abaev 1959: 551). This distinction is drawn from the stress placement patterns of Iron. Stress never falls farther than the second syllable from the left edge of the phonological word, and the choice between the first and the second syllable is largely determined by vowel quality.

Abbreviating strong vowels as S and weak vowels as W, we can describe possible stress patterns, as reported in (Abaev 1949: 386), in the following way:

(5) ŚŚ ŚŚ ŚW WŚ WŴ

ŴW and WŚ patterns are marginal and are only found in words that have lost an initial *i-, such as *myšyn* ‘remember’².

²*i-apheresis was an Iron-specific historical process (Cheung 2002: 89), cf. the corresponding Digor form *imusun*.

These facts led Borise, Erschler (2022) to posit /ə/ and /ɜ/ as occupying one mora, while strong vowels according to their analysis are bimoraic. This model does not account for words patterning SŠ, and the authors acknowledge this. Still, a distinction between mono- and bimoraic vowels in Iron will prove itself useful. We will thus follow in L. Borise and D. Erschler’s footsteps in making such a distinction.

A formal definition of ablaut is also required. We assume that it is a lexically conditioned phonological operation. Having, for example, a certain rhyme is not sufficient for vowel weakening, cf. (6) and (7). Other phonological factors also do not play any role in determining whether a nominal stem weakens or not.

(6) a. <i>nom</i>
name	(7) a. <i>šom</i>
ruble
b. <i>nɜm-tɜ</i>
name-PL	b. <i>šom-tɜ</i>
ruble-PL

Ablaut can be assumed to be the deletion of the rightmost association line in a given nucleus, illustrated in Figure 2 with *tag* ‘line’ and its plural *tɜgtɜ*. Note that an underlying /a/ or /o/ bearing one mora surfaces as [ɜ]³.

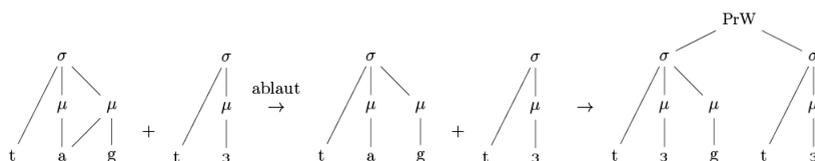

Figure 2: Phonological derivation of *tɜgtɜ* ‘lines’ from singular *tag* ‘line’ and *-tɜ* ‘NOM.PL’

Supposing that obstruent codas attach to the rightmost mora of the syllable, no additional steps are required to be taken when (N)O- or (N)OO-stems undergo ablaut. In such a case no mora would be left ‘hanging’ without a host. With (N)OO-stems, however, a schwa is inserted in order to break up the resulting consonantal cluster (8).

³This is historically well motivated since, in most cases, /ɜ/ & /a/ come from *a and *ā, and most instances of modern /o/ are from *ā before nasals (Cheung 2002: 12–14).

- (8) a. *məšt*
mouse
b. *məšt-ətɜ*
mouse-PL

At the moment N-stems with ablaut pose a considerable challenge since the structure we applied earlier for obstruent-final stems does not make correct predictions for sonorant-final stems. For instance, in words like *nom* ‘name’ instead of the desired form *nɜmtɜ* the earlier model would yield an incorrect form **nɜmtɜ* ‘names’.

Since we do see gemination with such stems, it must be assumed that the hanging mora left after ablaut is hosted by /t/ of the plural marker -t-. The sonorant that immediately follows the nucleus should, then, be not visible to the rules of mora filling. We suggest that this sonorant is to be considered an ‘extension’ of the nucleus, as seen in Figure 3.

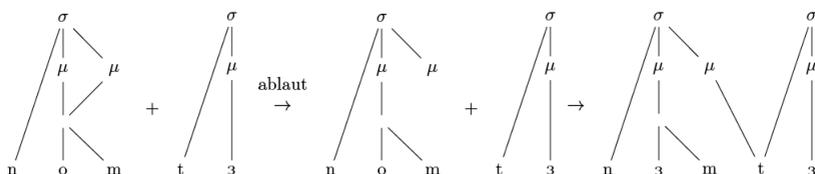

Figure 3: Derivation of *nɜmtɜ* ‘names’

Overall this pattern of gemination is similar to compensatory lengthening, as in Old English /*nixt*/ → Middle English /*nit*/ → Modern English /*nat*/. That said, in the case of Iron compensation is done right-to-left and not left-to-right: it is the vowel that loses a mora and it is the following consonant that fills this mora. This is known as inverse compensatory lengthening (Hayes 1989: 280), and it is a typological rara, previously described only in Luganda (Clements 1986) and Pali (Hock 1986).

Notice, also, that nominal gemination described above is ‘true’ gemination, in the sense of (Hayes 1986: 469). This means it is not simply two identical segments located next to each other, but rather a single consonant that has a mixed status regarding its syllabic affiliation.

An example of ‘fake’ gemination would then be the gemination that is exhibited in the past tense of verbs. Every past stem ends in

/t/ or /d/ which is then pronounced together with the transitivity suffix -t- or the initial /t/ in certain intransitive past endings, see (9) and (10), as well as Tables 2 & 3 from before.

(9) a. <i>kʰn-ən</i>
do-INF
'to do'	(10) a. <i>sʰw-ən</i>
go-INF
'to go'
b. <i>kod-t-oj</i> [kotʰoj]
do-TR-PST.3PL
'they were doing'	b. <i>səd-tʰ</i> [sətʰtʰ]
go-PST.2SG
'you were going'

As for the gemination seen in verbs derived using *nə-*, we could postulate an empty mora in the lexical representation of this preverb, shown in Figure 4.

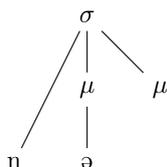

Figure 4: The proposed lexical form of *nə-*

Thus, every time it attaches to a stem, this stem's initial segment fills the hanging mora to its left. This makes the mechanism of *nə-* induced gemination identical to that of gemination in the plural. Figure 5 should give the reader an idea of what the derivation of *nəkʰʰn-* from *kʰn-* 'do' would look like⁴.

What makes this analysis even more appealing is that it correctly predicts that in stems with complex onsets like *ʒʒʒl-* 'crumble' we see no gemination at all: the attested form for the infinitive is *nəʒʒʒlən* and not **nəʒʒʒʒlən*.

It might seem that postulating an empty mora gives a mere technical possibility to explain the pattern of gemination seen with this preverb. However, this representation ties in well with what might be a deeper property of Ossetic preverbs.

⁴Additional usage of Optimality Theory (Prince, Smolensky 2004) constraints like $\text{MSeg}(\mu) > \text{Dep}(V)$ could help explain why the free mora is filled with the first consonant of the stem rather than by /ə/ itself.

The case of Digor is also of interest to us since preverbs on their own are viable placement positions of 2P-clitics (Abaev 1949: 421), as in (12). In Iron clitics are only able to intervene between the preverb and the verb in the presence of the conative marker *-s3j-* (Abaev 1949: 421). The ability to stand apart from the rest of the verb is an even better indication that Ossetic preverbs are, at least to some extent, phonologically independent units.

- (12) *Ba = din = 3j = jes-ǰz3n-3n.*
 PV = 2SG.DAT = 3SG.GEN = take-FUT-FUT.1SG
 ‘I will take him from you.’ (Abaev 1949: 421)

4 Conclusions

First, our study shows that the main principles of Moraic Theory provide a strong framework to explain Iron gemination. We analyzed this phenomenon by resorting to the assumption that Iron syllables are maximally bimoraic, onsets do not contribute to moraic structure, and the coda is moraic.

Second, in this paper we extend Borise, Erschler (2022)’s moraic analysis of Iron. The fact that strong vowels are bimoraic and weak vowels have only one mora corresponds to our pattern of ablaut, which is considered mora delinking. Iron gemination also shows that mora assignment to codas depends on the consonant presented in these codas. Low sonority consonants (obstruents) bear a mora, while high sonority consonants (nasals, liquids or glides) attach to the nucleus and should better be regarded as its ‘extension’.

Third, we claim that Ossetic gemination is motivated by a special type of compensatory lengthening. One case of gemination occurs in the formation of the nominal plural, which is accompanied by stem ablaut. When a mora delinks, a low-sonorous coda fills the free mora. Otherwise the onset of the next syllable (/t/ of the plural affix) becomes associated with this free mora which results in a geminate. The moraic nature of this process is also supported by the fact that gemination of the suffix is not presented after the stems without an ablaut. We show that this process is an example of inverse compensatory lengthening, for the shortening of the vowel leads to the lengthening of the following consonant and not vice versa. This type

of compensatory lengthening is typologically rare, and has previously gone unnoticed in the literature on Ossetic.

Furthermore, it has been argued that the same pattern of gemination is seen when attaching the preverb *nə-* to the stem for it triggers the gemination of the stem's first consonant. We believe that *nə-* is underlyingly bimoraic, which can be explained by the minimality principle.

Digor data reveals that most of the preverbs tend to act as independent words, since they can be detached from the verbs. This provides additional motivation for the bimoraic representation of *nə-*. Its second mora, which we posit to be empty since /ə/ itself is monomoraic, is then filled by the first consonant of the stem. Thus, our analysis also showed that the minimality principle has its influence on the Ossetic phonological system.

5 Remaining Puzzles

In some instances of pluralization stem-final /n/ is assimilated before /t/, cf. (13)–(14). A closer examination of different nominals shows that it is the underived nouns that have /n/-assimilation. On the other hand, *amond* in (14) is a lexicalized participle of *amonən* 'to show' (Abaev 1958: 51–51). Another example is *xogond* 'step-sister' ~ *xogndtɜ* 'step-sisters' from *xo* 'sister' and *kond*, the past participle of *kɜnən* 'do'.

(13) a. *žɜrond*
old

b. *zɜrɜ-tɜ*
old-PL

(14) a. *amond*
happiness

b. *amond-tɜ*
happiness-PL

/n/ is also assimilated when forming the past tense from transitive verbs (15), but this does not happen with intransitive verbs (16).

(15) *kod-t-on* (**kond-t-on*)
do-TR-PST.1SG
'I was doing'

(16) *žənd-tɜn*
seem-PST.1SG
'I seemed'

Note that the past stem of a verb is in most cases identical to its past participle. It seems that a formal explanation of (13)–(16) would require a deeper exploration of the morphosyntactic properties of verbs and nominals.

Another feature of Iron phonology that we did not explore in the present article is that verbal stems ending in complex codas, unlike their nominal counterparts (17), do not undergo /ə/-insertion, but rather cluster simplification (18).

- (17) a. *mašt*
insult
b. *mʒšt-ətʒ*
insult-PL
- (18) a. *bəxš-ən*
endure-INF
'to endure'
b. *bəxš-t-on* (< **bəxšt-t-on*)
endure-TR-PST.1SG
'I was enduring (something)'

Since nominal and verbal gemination behave differently here, it would be reasonable to think that the future development of our analysis should consider the morphophonological properties of the two word-classes.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; DAT — dative; EP — epenthetic segment; FUT — future tense; GEN — genitive; INF — infinitive; PL — plural; PRS — present tense; PST — past tense; PTCP — participle; PV — preverb; SG — singular; TR — transitive.

Литература

- Abaev V. I. (1949). *Osetinskiy Yazyk i Fol'klor*. Vol. I. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
— (1958). *Istoriko-Etimologicheskij Slovar' Osetinskogo Yazyka*. Vol. I. Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR.
— (1959). *Grammaticheskij Oчерk Osetinskogo Yazyka*. Vol. I. Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe Knizhnoe Izdatelstvo.
Borise L., Erschler D. (2022). "Mora count and the alignment of rising pitch accents in Iron Ossetic". *Proceedings of Speech Prosody*. 871–875.

- Cheung J. (2002). *Studies in the Historical Development of the Ossetic Vocalism*. Weisbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag.
- Clements G. N. (1986). "Compensatory Lengthening and Consonant Gemination in Luganda". *Studies in Compensatory Lengthening*. Ed. by L. Wetzels, E. Sezer. Berlin: De Gruyter.
- Dzakhova V. (2013). *Osetinskaja fonetika: perceptivnyj aspekt*. Vladikavkaz: Izdatel'stvo Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K. L. Xetagurova.
- Guriev T. (1993). *Osetinsko-Russkiy Slovar'*. Ed. by A. M. Kasaev. Vladikavkaz: Izdatel'stvo SOIGSI,
- Hayes B. (1986). "Assimilation as Spreading in Toba Batak". *Linguistic Inquiry* 17.30. 467–499.
- (1989). "Compensatory Lengthening in Moraic Phonology". *Linguistic Inquiry* 20.2. 253–306.
- Hock H. (1986). "Compensatory Lengthening: In Defense of the Concept 'Mora'". *Linguistica Folia* 20. 431–640.
- Kiparsky P. (2003). "Syllables and Moras in Arabic". *The Syllable in Optimality Theory*. Ed. by C. Féry, R. van De Vijver. Cambridge: Cambridge University Press.
- McCarthy J. J., Prince A. (1986). *Prosodic Morphology*. Manuscript.
- Prince A., Smolensky P. (2004). *Optimality Theory: Constraint Interaction in Generative Grammar*. Malden; Oxford: Blackwell.
- Vydrin A. P. (2023). "Ossetic verbal paradigms in a cross-linguistic perspective". *Voprosy Yazykoznaniiya* 20.2. 89–113.

Малые языки в большой лингвистике. Выпуск 5
Minor languages in general linguistics. Issue 5

Сборник научных статей

Редактор
И. А. Хомченкова

Подготовка оригинал-макета
И. А. Хомченкова

Оформление обложки
Н. Б. Хомченкова

Подписано в печать 11.12.2023. Формат 60 × 84/16
Тираж ?? экз. Заказ № ??

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
117246, г. Москва, проезд Научный,
д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202
+7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com,
info@bukivedi.com